

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական
համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

6 (10)

ԵՐԵՎԱՆ 2020

ЕРЕВАН 2020

YEREVAN 2020

*Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ. Վ. Լոմոնոսովի
անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից*

*Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

*Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State
University M.V. Lomonosov in Yerevan*

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала **«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ»** рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №6 (10).
/ Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2020. – 202 с.

ISSN 1829-4820

*Журнал входит в список
периодических изданий **ВАК РА***

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© *Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան, Վարդանանց 17, հեռ՝ (+37411) 900 110 – 101, 102:

Наш адрес: РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17; тел. (+37411) 900 110 – 101, 102.

Address: Vardanants St. 17, Yerevan, RA; tel.: (+37411) 900 110 – 101, 102.

Էլեկտրոնային փոստ՝ (электронная почта) e-mail: po@msu.am

ԳԻՏԱՄԵԹՈՂԱԿԱՆ ՀԱՆՐԵՍ
«ՌՈՒՍՍԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ»

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ՆԱԽԱԳԱՀՆԵՐ

ՌԵՅՄԵՐՍ Ա.Ն. – Երևանում ՄՊՀ մասնաճյուղի տնօրեն, երկրաբանական-հանքաբանական գիտությունների թեկնածու

reymers@msu.am

ՍԱՖԱՐՅԱՆ Պ.Դ. – Երևանում ՄՊՀ մասնաճյուղի տնօրեն, տնտեսագիտական գիտությունների թեկնածու

psafaryan@msu.am

ԲԱՂԻՅԱՆ Ժ.Գ. – Երևանում ՄՊՀ մասնաճյուղի ուսումնական զծով տնօրենի տեղակալ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ

zbaghiyan@msu.am

ԳԼԽԱՎՈՐ ԽՄԲԱԳԻՐ

ՍԱՐԳՍՅԱՆ Ի.Ռ. – Մանկավարժական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, Կրթության Միջազգային ակադեմիայի ակադեմիկոս, ՌԴ Կրթության և դաստիարակության ակադեմիայի իսկական անդամ, Վ.Յա. Բրյուսովի անվան Պետական համալսարանի ռուսաց և սլավոնական լեզուների ամբիոնի պրոֆեսոր, Ռուս-Հայկական համալսարանի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր

innasargsyan@gmail.com

ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՈՒ ՔԱՐՏՈՒՂԱՐ

ՄԽԻԹԱՐՅԱՆ Ա.Մ. – Խաչատուր Աբովյանի անվ. հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի Ա. Տեր-Գրիգորյանի անվան մայրենիի և նրա դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի դոցենտ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու – mkhitaryanarmenuhi42@aspu.am

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՒԵԳԻԱ

ԱԲՐԱՀԱՄՅԱՆ Կ.Շ. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊՀ-ի լեզվաբանության և հաղորդակցության տեսության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր – kabrahamyan15@yahoo.com

ԱՄԻՐԻՔԱՆՅԱՆ Մ.Գ. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ-ի Ռուսաց լեզվի և ռուս մշակույթի կենտրոնի ղեկավար, «Հայաստան-Ռուսաստան» միության նախագահ (AOKC), բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր – m_amirkhanyan@yahoo.com

ԱՄԻՐԻՔԱՆՅԱՆ Ա.Ս. – Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու
amirkhanyananahit03@aspu.am

ԲԱԼԱՍՅԱՆՅԱՆ Լ.Գ. – ՀՀ կրթության և գիտության նախարարության հանրակրթական դպրոցների առաջատար մասնագետ, ՀՀ ռուսաց լեզվի ուսուցիչների սառցիացիայի նախագահ, Խաչատուր Աբովյանի անվ. հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի օտար լեզուների դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի դոցենտ, մանկավարժական գիտությունների թեկնածու

balasanyanliliya35@aspu.am

ԲՈԳԴԱՆՈՎԱ Լ.Ի. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի լեզուների համեմատական ուսումնասիրման և տարածաշրջանաբանության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր

libogdanova1@mail.ru

ԲՐՈՒՏՅԱՆ Լ.Գ. – Երևանի պետական համալսարանի ռուս լեզվաբանության, լեզուների տիպաբանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի վարիչ, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր – lilit.brutian@gmail.com

ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ Վ.Հ. – Ռուս-Հայկական համալսարանի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի դոցենտ, մանկավարժական գիտությունների թեկնածու

violetta.grigoryan@rau.am

ԳՐԶԵԼՅԱՆ Ռ.Ռ. – Երևանի պետական համալսարանի ռուս լեզվաբանության, լեզուների տիպաբանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր

ruzangrdzelyan@gmail.com

ԴՈՐՈՍԿԼՈՆՍԿԱՅԱ Տ.Գ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի լեզվաբանության, թարգմանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր

tatdobro@mail.ru

ԵՖՐԵՄՈՎ Վ.Ա. – Ռուսաստանի պետական մանկավարժական համալսարանի ռուսաց լեզվի ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր (Սանկտ-Պետերբուրգ)

valef@mail.ru

ԼԵՎԻՑԿԻ Ա.Է. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվ. ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի լեզվաբանության, թարգմանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր

andrelev@list.ru

ԽԱՉԻԿՅԱՆ Ա.ՅԱ. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ-ի Ռուսաց լեզվի և ռուս մշակույթի կենտրոնի գիտական խորհրդատու, բանասիրական գիտությունների դոկտոր – anaidakh@inbox.ru

ՀԱԿՈՐՅԱՆ Կ.Ս. – Ռուս-Հայկական համալսարանի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի վարիչ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ, պրոֆեսորի պաշտոնակատար

karen.hakobyan@rau.am

ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ Հ.Ժ. – Երևանի պետական համալսարանի համաշխարհային պատմության ամբիոնի դոցենտ, պատմական գիտությունների դոկտոր (ՌԴ, ՀՀ)

hakobinna@rambler.ru

ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ Կ.Հ. – Երևանի պետական համալսարանի հումանիտար ֆակուլտետների ռուսաց լեզվի ամբիոնի ասիստենտ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու

karinahov@yahoo.com

ՄԱՆՈՒԿՅԱՆ Ի.ՅՈՒ. – Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի ռուսաց լեզվի ամբիոնի դոցենտ, մանկավարժական գիտությունների թեկնածու

manukyanirina04@aspu.am

ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆ Լ.Բ. – Երևանի պետական համալսարանի ռուս լեզվաբանության, լեզուների տիպաբանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր
lianna.matev@gmail.com

ՄԻԼՈՍԼԱՎՍԿԻ Ի.Գ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի լեզուների համեմատական ուսումնասիրման ամբիոնի վարիչ, ՄՊՀ բանասիրական ֆակուլտետի ռուսաց լեզվի ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր – igormil@hotmail.com

ՄՈԼՉԱՆՈՎԱ Գ.Գ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի դեկան, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
dean@ffl.msu.ru

ՄՈՎԷԵՅՈՎԱ Ի.Վ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի ազգային գրականությունների և մշակույթների համեմատական ուսումնասիրման պրոֆեսոր, մշակութաբանության դոցենտ, բանասիրական գիտությունների դոկտոր
irvasmok@mail.ru

ՕՍԻՊՈՎԱ Ա.Ա. – Բանասիրության ինստիտուտի փոխտնօրեն, ընդհանուր և կիրառական լեզվաբանության ամբիոնի դոցենտ, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, դոցենտ (Մոսկվա)
aa.osipova@mpgu.edu

ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ Ա.Գ. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ-ի ռուսաց և սլավոնական լեզվաբանության ամբիոնի վարիչ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
anahit-1@mail.ru

ՏՍՏԿԱԼՈՆ Ն.Ի. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ-ի Ռուսաց լեզվի և միջմշակութային հաղորդակցությունների ֆակուլտետի դեկան, ռուսաց և սլավոնական լեզվաբանության ամբիոնի վարիչի պաշտոնակատար, մանկավարժական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
ninatatkalo@mail.ru

ՏԵՐ-ՄԻՆԱՍՏՈՎԱ Ս.Գ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի նախագահ (ՄՊՀ ռեկտո-

րի խորհրդական), Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ վաստակավոր պրոֆեսոր – president@ffl.msu.ru

ՏՈՎԱՐԵՎ Գ.Վ. – Լ. Տոլստոյի անվան Տուլայի պետական մանկավարժական համալսարանի թղթաբանության և ռուսաց լեզվի ոճաբանության ամբիոնի պրոֆեսոր, Բանասիրական գիտությունների դոկտոր
grig72@mail.ru

ՏԵԽՆԻԿԱԿԱՆ ԽՄԲԱԳԻՐ

ՀԱԿՈԲՅԱՆ Ա.Ս. – Հայ-Ռուսական (Սլավոնական) համալսարանի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի ավագ դասախոս – armen.hakobyan@rau.am, AAS-1979@yandex.ru

ՄՐԲԱԳՐԻՉՆԵՐ՝

ՀԱԿՈԲՅԱՆ Ա.Ս. (ռուսերեն), **ՄԽԻԹԱՐՅԱՆ Ա.Ս.** (հայերեն),

ՍՈՒՐԱՂՅԱՆ Կ.Գ., ՀԱԿՈԲՅԱՆ Վ.Վ. (անգլերեն)

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ»**

ПРЕДСЕДАТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

РЕЙМЕРС А.Н. – Директор Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Ереване, кандидат геолого-минералогических наук, доцент (РФ)

reymers@msu.am

САФАРЯН П.Д. – Исполнительный директор Филиала МГУ в Ереване, кандидат экономических наук (РА)

psafaryan@msu.am

БАГИЯН Ж.Г. – Заместитель исполнительного директора по учебной работе Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Ереване, кандидат филологических наук, доцент (РА)

zbaghiyan@msu.am

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

САРКИСЯН И.Р. – Доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии образования, действительный член Академии образования и воспитания РФ; профессор кафедры русского и славянских языков Государственного университета им. В.Я. Брюсова; профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ)

innasargsyan@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

МХИТАРЯН А.М. – Доцент кафедры родного языка и методики его преподавания им. А. Тер-Григоряна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатуря Абовяна, кандидат филологических наук

mkhitaryanarmenuhi42@aspu.am

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБРАМЯН К.Ш. – Профессор кафедры языкознания и теории коммуникации ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, доктор филологических наук, профессор

kabrahamyan15@yahoo.com

АКОПЯН К.С. – Зав. кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ), кандидат филологических наук, доцент; и.о. профессора

karen.hakobyan@rau.am

АМИРХАНЫАН М.Д. – Руководитель центра русского языка и культуры ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, председатель общества «Армения–Россия» (АОКС), доктор филологических наук, профессор

m_amirkhanyan@yahoo.com

АМИРХАНЫАН А.М. – Доцент кафедры зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, кандидат филологических наук

amirkhanyananahit03@aspu.am

АРУТЮНЯН А.Ж. – Доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета, доктор исторических наук (РФ, РА)

hakobinna@rambler.ru

БАЛАСАНЫАН Л.Г. – Доцент кафедры методики преподавания иностранных языков Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, главный специалист управления школ Министерства образования и науки РА, президент Армянской ассоциации учителей русского языка и литературы, кандидат педагогических наук

balasanyanliliya35@aspu.am

БОГДАНОВА Л.И. – Профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

libogdanova1@mail.ru

БРУТЯН Л.Г. – Зав. кафедрой русского языкознания, языковой типологии и межкультурной коммуникации Ереванского государственного университета, доктор филологических наук, профессор

lilit.brutian@gmail.com

ВАРДАНЫАН А.Г. – Зав. кафедрой русского и славянского языкознания ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, кандидат филологических наук, доцент

anahit-1@mail.ru

ГРДЗЕЛЯН Р.Р. – Профессор кафедры русского языкознания, языковой типологии и межкультурной коммуникации Ереванского государственного университета, доктор филологических наук

ruzangrdzelyan@gmail.com

ГРИГОРЯН В.А. – Доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ), кандидат педагогических наук

violetta.grigoryan@rau.am

ДОБРОСКЛОНСКАЯ Т.Г. – Профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

tatdobro@mail.ru

ЕФРЕМОВ В.А. – Профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена, доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

valef@mail.ru

ЛЕВИЦКИЙ А.Э. – Профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

andrelev@list.ru

МАНУКЯН И.Ю. – Доцент кафедры русского языка Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, кандидат педагогических наук

manukyanirina04@aspu.am

МАТЕВОСЯН Л.Б. – Профессор кафедры русского языкознания, языковой типологии и межкультурной коммуникации Ереванского государственного университета, доктор филологических наук

lianna.matev@gmail.com

МИЛОСЛАВСКИЙ И.Г. – Зав. кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

igormil@hotmail.com

МОКЛЕЦОВА И.В. – Профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения, кандидат культурологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

irvasmok@mail.ru

МОЛЧАНОВА Г.Г. – Декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор – dean@ffl.msu.ru

ОГАНЕСЯН К.А. – Ассистент кафедры русского языка для гуманитарных факультетов ЕГУ, кандидат филологических наук

karinahov@yahoo.com

ОСИПОВА А.А. – Заместитель директора Института филологии, доцент кафедры общего и прикладного языкознания, доктор филологических наук, доцент (Москва) – aa.osipova@mpgu.edu

ТАТКАЛО Н.И. – Декан факультета русского языка и межкультурных коммуникаций, и.о. зав. кафедрой русского и славянского языкознания ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, доктор педагогических наук, профессор

[ninatatkal@mail.ru](mailto:ninatatkalo@mail.ru)

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – Президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ (советник ректора), доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

president@ffl.msu.ru

ТОКАРЕВ Г.В. – Профессор кафедры документоведения и стилистики русского языка ФГБОУ ВПО «Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», доктор филологических наук

grig72@mail.ru

ХАЧИКЯН А.Я. – Научный консультант центра русского языка и культуры ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, доктор филологических наук, профессор

anaidakh@inbox.ru

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

АКОПЯН А.С. – Ст. преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ)

armen.hakobyan@rau.am, AAS-1979@yandex.ru

КОРРЕКТОРЫ

АКОПЯН А.С. (русский язык); **МХИТАРЯН А.М.** (армянский язык);

МУРАДЯН К.Г., АКОПЯН В.В. (английский язык).

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL JOURNAL
«MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES»

CHIEF OF THE EDITORIAL COUNCIL

REYMERS A. – Director of Yerevan Branch of Lomonosov Moscow State University, PhD in Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor

reymers@msu.am

SAFARYAN P. – Executive Director of the Moscow State University Branch in Yerevan, Ph.D. in Economy

psafaryan@msu.am

BAGHIYAN ZH. – Deputy Executive Director for Academic Affairs, PhD in Philology, Associate Professor

zbaghiyan@msu.am

CHIEF EDITOR

SARGSYAN I. – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Academician of the International Academy of Education, Valid member of the Academy of Education of the Russian Federation; Professor of the Department of Russian and Slavic languages at the State University after V. Bryusov; Professor at the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian University (RAU)

innasargsyan@gmail.com

RESPONSIBLE SECRETARY

MKHITARYAN A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Armenian Language and its Teaching Methods after A. Ter-Grigoryan Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University, Candidate of Sciences (Philology) – mkhitaryanarmenuhi42@aspu.am

EDITORIAL BOARD

ABRAHAMYAN K. – Professor of the Department of Linguistics and Theory of Communication, Brusov YSULS, Doctor of Sciences (Philology), Professor

kabrahamyan15@yahoo.com

AMIRKHANYAN M. – Head of the Centre of Russian Language and Culture, Brusov YSULS, Head of the «Armenia-Russia» Society, Doctor of Sciences (Philology), Professor – m_amirkhanyan@yahoo.com

AMIRKHANYAN A. – Associate Professor at the Department of Foreign Literature, Khachatur Abovyan ASPU, Candidate of Sciences (Philology)

amirkhanyananahit03@aspu.am

BALASANYAN L. – Associate Professor at the Department of Foreign Languages Teaching Methodology, Khachatur Abovyan ASPU, Candidate of Sciences (Pedagogy)

balasanyanliliya35@aspu.am

BOGDANOVA L. – Professor at the Department of Comparative Analysis of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology

libogdanova1@mail.ru

BRUTYAN L. – Head of the Department of Russian Linguistics, Typology and Cross-cultural Communication, Yerevan State University, Doctor of Sciences (Philology), Professor

lilit.brutian@gmail.com

DOBROSKLONSKAYA T. – Professor at the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology – tatdobro@mail.ru

EFREMOV V. – Professor at the Department of Russian Language, Russian State Pedagogical University, Doctor of Sciences (Philology), S-Pb

valef@mail.ru

GRDZELYAN R. – Professor at the Department of Russian Linguistics, Typology and Cross-cultural Communication, Yerevan State University, Doctor of Sciences (Philology), Professor

ruzangrdzelyan@gmail.com

GRIGORYAN V. – Associate Professor at the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian University (RAU), Candidate of Sciences (Pedagogy)

violetta.grigoryan@rau.am

HAKOBYAN K. – Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian University (RAU), Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor; Acting Professor

karen.hakobyan@rau.am

HARUTYUNYAN H. – Associate Professor of the Department of Common History, Yerevan State University, Doctor of Sciences (history) (RF, RA)

hakobinna@rambler.ru

HOVHANNISYAN K. – Assistant of the Department of Russian Language for Humanities Faculties, Yerevan State University, Candidate of Sciences (Pedagogy) – karinahov@yahoo.com

KHACHIKYAN A. – Scientific consultant of the Centre of Russian Language and Culture, Brusov YSULS, Doctor of Sciences (Philology), Professor

anaidakh@inbox.ru

LEVITSKY A. – Professor at the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology

andrelev@list.ru

MANUKYAN I. – Associate Professor at the Department of Russian Language, Khachatur Abovyan ASPU, Candidate of Sciences (Pedagogy)

manukyanirina04@aspu.am

MATEVOSYAN L. – Professor at the Department of Russian Linguistics, Typology and Cross-cultural Communication, Yerevan State University, Doctor of Sciences (Philology)

lianna.matev@gmail.com

MILOSLAVSKY I. – Head of the Department of Comparative Analysis of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University. Professor at the Department of Russian Language of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology

igormil@hotmail.com

MOLCHANOVA G. – Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology, Professor

dean@ffl.msu.ru

MOKLETSOVA I. – Professor at the Department of Comparative Studies in Literatures and Cultures of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, PhD in Cultural Studies, Doctor of Philology

irvasmok@mail.ru

OSIPOVA A. – Deputy Director of the Institute of Philology, Associate Professor at the Chair of General and Applied Linguistics

aa.osipova@mpgu.edu

TATKALO N. – Dean of the Faculty of Russian and Foreign Languages and International Communications, Brusov YSULS, head of the Department of Russian and Slavonic Linguistics, Brusov YSULS, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor – ninatatkalo@mail.ru

TER-MINASOVA S. – President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University (Advisor to the Rector), Doctor of Philology, Professor Emeritus of Lomonosov Moscow State University

president@ffl.msu.ru

TOKAREV G. – Professor at Tula State Pedagogical University after L. Tolstoy, Doctor of Sciences (Philology), Russia

grig72@mail.ru

VARDANYAN A. – Head of the Department of Russian and Slavonic Linguistics, Brusov YSULS, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

anahit-1@mail.ru

TECHNICAL EDITOR

HAKOBYAN A. – Senior Lecturer at the Russian Language Department and professional communication Russian-Armenian University (RAU)

armen.hakobyan@rau.am, AAS-1979@yandex.ru

CORRECTORS

HAKOBYAN A. (Russian), **MKHITARYAN A.** (Armenian),

MURADYAN CH., HAKOBYAN V. (English)

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Բովանդակություն	16
Оглавление	18
Contents	20

Մաթևոսյան Լ.Բ. Հավասարակշռված լեզվական քաղաքականությունը Հայաստանում (ռուսաց լեզվի օրինակի հիման վրա)	22
---	----

ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Հակոբյան Ա.Վ. Տազմատիկ և սինտագմատիկ մակարդակների գործառույթային կլաստերները	31
Միսիսյան Ս.Ս. Տղամարդկանց և կանանց նախապատվությունները հուզական բառապաշարի օգտագործման հարցում	42

ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ՄԵԹՈԴԻԿԱ

Հակոբյան Ա.Ս. Ռուսաց լեզվի դարձվածային միավորների քննարկման մեթոդական տեսանկյունը forms-սիմուլյատորների օրինակով.....	50
Գրիգորյան Վ.Հ. Ֆրեյմը լեզվաբանական իմաստաբանության մեջ և նրա օգտագործման հնարավորությունները ՌՕԼ-ի ուսուցման գործընթացում	66
Դաշյան Ն.Ա. Շարահյուսական դարձվածաբանության ուսուցման դրվածքն ու մեթոդական տեսանկյունները	76
Ռուդենկո Ա.Ա. Իրավաբանական խոսույթի հմտությունների ձեւավորման որոշ մոտեցումներ ուսուցման ժամանակակից մեթոդների համատեքստում	92

ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՏԻՊԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Հակոբյան Ա.Ս. Ինտենսիվության նշանակությամբ ածանցավոր ածականների բառակազմական համարժեքները ռուսերենում և հայերենում. նմանություն և տարբերություն.....	103
--	-----

Բուդաղյան Ս.Ա. Բայական բառակազմության առանձնահատկությունները ռուսաց և հայոց լեզուներում (զուգադրական վերլուծություն)	112
---	-----

ՄԻՋՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆ

Գորոբեց Ն.Ի. Միջմշակությային հաղորդակցության իրականացումը օտարլեզու լսարանում Է. Լիրի բանաստեղծությունների թարգմանությունների հետ աշխատելիս	126
Իսայիրյան Մ.Մ., Ավետիսյան Է.Ս. Լեզվի վիճակը ՀՀ-ում որպես լեզվահաղորդակցության հետևանք.....	135

ԳՐԱԿԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ

Հակոբյան Կ.Ս. «Սախալին Կղզին»՝ «դժոխք» vs. «ճորտատիրական գաղութ». հատման կետեր	151
Գոնչար-Խանջյան Ն.Կ. Էդգար Պոյի պատմվածքը ժամանակակից մահագիտական տեսության ներքո.....	163

ԱՌԱՋԻՆ ՔԱՅԼԵՐԸ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Ավետիսյան Ա.Ս. Խաչքարային մշակույթի առաջացումը և զարգացումը 6–17-րդ դարերում	173
--	-----

ՄԵՐ ՀՅՈՒՐՆ Է

Մխիթարյան Ա.Ս. Նախադասության բազմակի անդամների հարցի շուրջ.....	188
---	-----

ОГЛАВЛЕНИЕ

Բովանդակություն	16
Оглавление	18
Contents	20

Матевосян Л.Б. О сбалансированной языковой политике в Армении (на примере русского языка)	22
---	----

ЛИНГВИСТИКА

Акопян А.В. Функциональные кластеры тагматического и синтагматического уровней	31
Мисисян С.С. Мужские и женские предпочтения при использовании эмотивной лексики	42

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Акопян А.С. Методический аспект рассмотрения фразеологических единиц русского языка на примере forms-тренажеров	50
Григорян В.А. Фрейм в лингвистической семантике и возможности его использования в преподавании РКИ	66
Дашян Н.А. Статус и методические аспекты обучения синтаксической фразеологии	76
Руденко А.А. Некоторые подходы к формированию навыков и умений юридического дискурса в контексте современных методов обучения	92

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

Акопян А.С. Словообразовательные форманты производных прилагательных со значением интенсивности в русском и армянском языках: сходство и различие	103
Будагян С.А. Особенности глагольного словообразования в русском и армянском языках (сопоставительный анализ)	112

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Горобец Н.И. Межкультурная коммуникация в иностранной аудитории при работе с русскими переводами лимериков Э. Лира	126
---	-----

Испирян М.М., Аветисян Э.С. Языковая ситуация в Республике Армения как следствие языковых контактов	135
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Акопян К.С. «Остров Сахалин» – «ад» vs. «крепостническая колония»: точки пересечения	151
Гончар-Ханджян Н.К. Рассказ Эдгара По в свете современной танатологической теории.....	163

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

Аветисян А.С. Становление и развитие искусства хачкар с 6–17 вв.	173
--	-----

ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА

Мхитарян А.М. К вопросу об однородных членах предложения	188
--	-----

CONTENTS

Բովանդակություն	16
Оглавление	18
Contents	20

Matevosyan L. On the balanced language policy in Armenia: a case study	22
--	----

LINGUISTICS

Hakobyan A. Functional clusters of tagmatic and sintagmatic levels	31
Misiryian S. Male and female preferences in using emotive vocabulary	42

TEACHING METHODOLOGY

Hakobyan A. Methodological aspect of the consideration of phraseological units of the Russian language on the example of forms-simulators	50
Grigoryan V. Frame in linguistic semantics and possibilities of its use in teaching RFL	66
Dashyan N. The status and methodological aspects of teaching syntactic phraseology	76
Rudenko A. Some approaches to building the skills of juridical discourse in the context of modern teaching methods	92

COMPETITIVE TYPOLOGY

Hakobyan A. Word formation formants of derived adjectives with intensity meaning in the Russian and Armenian languages: similarity and difference	103
Budagyan S. Features of verbal word formation in Russian and Armenian languages (comparative analysis)	112

INTERCULTURAL COMMUNICATION

Gorobets N. Intercultural communication in a foreign audience when working with Russian translations of Limerick E. Lear.	126
Ispiryan M., Avetisyan E. Linguistic situation in the Republic of Armenia as a result of verbal contacts	135

LITERATURE STUDIES

Hakobyan K. «Sakhalin Island» – «hell» vs. «serf colony»: the points of intersection	151
Gonchar-Khanjyan N. The Short Story by Edgar Poe in the Light of Modern Thanatological Theory	163

FIRST STEPS IN SCIENCE

Avetisyan A. The formation and development of khachkar art from 6 th to 17 th centuries.....	173
--	-----

OUR GUESTS

Mkhitaryan A. The question of homogeneous members of a sentence	188
---	-----

О СБАЛАНСИРОВАННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В АРМЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Лианна Бениаминовна Матевосян

lianna.matevosyan@ysu.am, lianna.matev@gmail.com

*Д.ф.н., профессор кафедры русского языкознания, типологии
и теории коммуникации факультета русской филологии,
Ереванский государственный университет;
чл.-корр. Международной академии естествознания;
чл.-корр. Российской академии естествознания;
заслуженный деятель науки и образования РАЕ,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Языковая политика в Армении носит сбалансированный характер. Функционирование и уровень владения русским языком в Армении определяются ее национальным составом. Армения была и остается мононациональной страной, и большинство населения считало и считает своим родным языком армянский. Однако и сегодня в независимой Армении большая часть армян являются носителями «координативного» армяно-русского двуязычия.

Ключевые слова: языковая политика, сбалансированность, русский язык, Армения.

Падение Киликийского армянского государства в 1375 г. привело к тому, что Армения, лишившись независимости, оказалась в составе Персии и Османской империи. Однако после русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн *Восточная Армения* и *Армянская область* вошли в состав Российской империи [см.: 11]. Между Российской империей и Персией в 1828-м году был подписан Туркманчайский мирный договор, положивший конец русско-персидской войне, и к России отошли территории

Ереванского и Нахичеванского ханства [см.: 12: 222]. Для армянского народа этот договор имел положительное значение, так как армяне получили возможность снова жить и творить на своей исторической земле в окружении близкого им христианского мира. Таким образом, почти двести лет назад армяне связали свою судьбу с русским народом.

Вхождение Армении в состав Российской империи, а затем равноправное существование в составе СССР определило ее социально-экономическое и культурное развитие. Русский язык проник во все сферы общественной, культурной, профессиональной деятельности, но условия функционирования и уровень владения русским языком в Армении имели и имеют ряд специфических черт, так как национальный состав Армении был и остается однородным, и большинство населения считало и считает своим родным языком армянский. Однако и сегодня в независимой Армении большая часть армян являются носителями «координативного» армяно-русского двуязычия [см.: 3; 4; 5; 6; 8] – и это обусловлено трудом преподавателей-русистов и, бесспорно, деятельностью общественных и политических деятелей, способствующих сохранению и продвижению русского языка.

В 1938-м году в стенах Ереванского государственного университета на филологическом факультете открылось отделение русского языка и литературы и была создана кафедра русского языка, от которой впоследствии в разных вузах страны были созданы научные школы и объединения русистов. И сегодня в Армении много центров русского языка и очагов русской культуры. «Нет в мире такого народа, который бы не зачах, если бы не обращался к культурным и научным достижениям других народов. Цивилизация возможна как результат творческого гения не одного, а многих народов мира. Приобщаться к мировой цивилизации можно двумя путями: либо знать иностранные языки, либо переводить-перевозить в свой язык, в свою страну все наиболее ценное, что создано другими языками в других странах. И, конечно, самому при этом творить», – писал академик Л.М. Мкртчян [9: 185].

Взаимодействие языков и культур, их взаимное влияние, армяно-русское двуязычие и другие связанные с ними проблемы всегда интересовали русистов Армении: они понимали, что изучение языка, усвоение его лексики и грамматики неразрывно связано с изучением культуры народа. И поэтому

продолжают издаваться двуязычные – армяно-русские, русско-армянские – словари (как академической и научно-технической, так и практической и учебной направленности).

Несмотря на то что Армения всегда была мононациональной республикой, в ней сохранились традиционные поселения русских, в частности молочан [см.: 1]. Согласно статистике, этнические русские составляют приблизительно 1% населения Армении, но владеют русским языком около 70-ти % [см.: 2], так что обучение русскому языку как неродному было и остается в центре внимания русистов – создаются учебники и учебные пособия с учетом особенностей родного языка и родной культуры, разработанные авторскими коллективами русистов-армян, что не исключает использования обучающимися и аутентичных материалов.

Постоянно растет число студентов-иностранцев, приезжающих в Армению учиться. Среди них граждане Индии, Китая, стран Ближнего Востока, арабы, персы, армяне из разных диаспор. Проблема обучения русскому языку как иностранному вместе с проблемой би- и полилингвизма поэтому стала ведущей в стране.

В Армении и сегодня, называя русский язык иностранным, продолжают относиться к нему как к языку, имеющему статус первого среди равных. Он обязательный в школах и системе высшего образования, так как есть мотивация. Россия продолжает оставаться главной печатающей и переводящей страной (научно-техническая и художественная литература поступает из России), библиотеки **пока** лучше укомплектованы литературой на русском языке. Необходимо также подчеркнуть роль армянской диаспоры России, которая насчитывает около трех миллионов человек. Русский язык к тому же часто оказывается средством общения и важным инструментом в рабочих и социальных отношениях для тех, кто проживает или выезжает на заработки в страны постсоветского пространства, а также Восточной, а нередко и Западной Европы и США. На русском общаются специалисты, ученые, представители многих сфер занятости, туристы в разных странах. Русский язык играет консолидирующую роль в развитии межкультурных отношений во всем евразийском пространстве, где у него исторически сформировались определенные функции: имеются в виду отношения не только с Российской

Федерацией, но и другими странами как региона, так и ближнего и дальнего зарубежья. Вот почему, на наш взгляд, реальный статус русского языка в Армении намного выше его правового статуса. Наконец, русский – один из языков-проводников армянской культуры и армянского этноса в мир.

Языком общеобразовательной школы в Армении остается армянский, и это правильно, но русский язык изучается в обязательном порядке со 2-го класса на протяжении всех лет обучения, а другие иностранные языки, как правило, – с 3-го, или наоборот.

В стране в общей сложности около 1350-ти общеобразовательных школ, из которых 43 (38 государственных и 5 негосударственных: 21 основных, 11 средних и 11 старших) имеют классы (с 1-го по 12-й) с русским языком обучения (здесь обучение ведется по российским программам и учебникам), 65 – с углубленным обучением русскому языку в объеме 4-х часов в неделю (для них имеются программа, комплект учебников, рабочих тетрадей и методических пособий). Только в г. Ереване из примерно 200 общеобразовательных школ 19 государственных и 5 негосударственных (13 основных, 5 средних негосударственных и 6 старших) являются школами, имеющими классы с русским языком обучения, 36 – с углубленным обучением русскому языку.

По всем специальностям (гуманитарного, естественного и технического профиля) университетского/вузовского уровня образования русский язык пока входит в обязательное обучение – студенты всех факультетов продолжают его изучать в течение двух учебных семестров по 4 или 2 часа в неделю.

Таким образом, **во всех университетах страны английский (или другой европейский, в основном, французский или немецкий) и русский языки являются обязательными иностранными.**

Как специальность русский язык преподают в семи вузах Армении: в Ереванском государственном университете, Ереванском государственном университете языков и социальных наук им. В. Брюсова, Армянском государственном педагогическом университете им. Х. Абовяна, Российско-Армянском университете, Ширакском государственном педагогическом университете им. М. Налбандяна, Ванадзорском государственном педагогическом

ком университете им. О. Туманяна, Гаварском государственном университете. Везде предлагаются программы бакалавриата (кроме Гаварского государственного университета) и магистратуры по русистике.

В стране несколько филиалов российских вузов, в том числе филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где нет факультета русской филологии, но есть специальность «Лингвистика» с русским языком обучения.

В стране, в частности в Ереване, имеются и платные центры обучения языкам, в том числе и русскому.

Русисты Армении принимают активное участие в конгрессах МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы), а также в международных научных, научно-практических и виртуальных конференциях, проводимых на базе Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, Российского университета дружбы народов, Санкт-Петербургского государственного университета и других вузов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

Регулярно проводятся конференции и симпозиумы по русистике: «Брюсовские чтения» (Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В. Брюсова, кафедра мировой литературы); Международная научно-практическая конференция для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов «Русский язык – гарант диалога культур, научного сотрудничества, межличностного и межнационального общения в XXI веке» (РЦНК в Ереване, Армянская ассоциация русистов, Армянская ассоциация учителей русского языка и литературы, Армянская ассоциация выпускников российских вузов, ежегодно). С 2009 года проводится серия международных научно-практических конференций с общей тематикой «Русская литература: русская и национальные литературы» (Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова, Министерство культуры Республики Армения (РА), РЦНК в Ереване, Общество дружбы «Армения – Россия» при Армянском обществе культурных связей с зарубежными странами (АОКС), ежегодно). Каждый год проходит Международная научно-

практическая конференция «Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике» на базе Российско-Армянского университета.

Издаются научные журналы и сборники статей по русистике: научно-методический журнал «Русский язык в Армении», включенный в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РА; сборник научных статей «Брюсовские чтения» (Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В. Брюсова, кафедра мировой литературы); «Вестник Ереванского университета. Русская филология» (выходит с 2015 г. и включен в перечень журналов ВАКа РА); «Проблемы современной русистики» (филиал МГУ им. М.В. Ломоносова, с января 2020 г. включен в перечень журналов ВАКа РА). Много других научных периодических изданий, вузовских и кафедральных, публикующих русскоязычные статьи. Научных журналов на русском несколько, список их значится на сайте Национальной академии наук РА (<https://www.sci.am>).

На русском языке выходят газеты «Голос Армении», «Новое Время» и журнал «Литературная Армения». Русский язык активно присутствует в «языковом ландшафте» городов страны, в частности Еревана [см.: 10].

В Армении функционируют два специализированных совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по русистике: при Ереванском государственном университете языков и социальных наук им. В. Брюсова по специальности «Славянские языки» и при Армянском государственном педагогическом университете им. Х. Абовяна по специальности «Методика преподавания и воспитания (русский язык)», в то время как в АрмССР специализированные советы по русистике отсутствовали.

В культурной жизни страны велика роль Русского драматического театра имени К.С. Станиславского (<https://www.stanislavski.am>), который открылся в 1937 году и совсем недавно отметил свое 70-летие. Театр – часть жизни многих ереванцев, тех, кого русская культура вела по жизни и вдохновляла [см.: 7].

На театральных сценах Еревана часто гастролируют российские театры, а Большой филармонический зал им. А. Хачатуряна при выступлениях российских музыкантов (и не только российских) неизменно полный. Это показатель интернациональности наших культур.

Сегодня перед гражданами Армении стоят глобальные задачи: выживание в условиях беспощадной конкуренции мирового рынка и утверждение политического, экономического и культурного авторитета нашей страны. Препятствием, тормозящим их выполнение, является незнание или недостаточный уровень знания языков, потому что, когда растут и расширяются международные контакты, незнание или недостаточный уровень знания языков наносит стране не только моральный, но и материальный ущерб. И особо остро в Армении стоит проблема хорошей языковой подготовки кадров высшей квалификации, кадров, призванных развивать и ускорять научно-технический и технологический прогресс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорян М., Мангасарян Р. Маленькая Россия на севере Армении. Молокане. – Ереван, 2018.
2. Дамян Н.А. Статус русского языка и проблемы билингвизма в Армении // Слово.ру: Балтийский акцент, 2012, № 2. – СС. 96–99.
3. Золян С.Т. Русский язык в Армении // Русский язык зарубежья. РГГУ. – СПб.: Изд-во «Златоуст», 2013. – СС. 61–84.
4. Матевосян Л.Б. Русский язык в языковом и образовательном пространстве Армении // Русский язык за рубежом, 2009, № 2 (213). – СС. 108–110.
5. Матевосян Л.Б. Русский язык в образовательном пространстве Армении // Текст культуры и культура текста: материалы IV Международного педагогического форума, Сочи, 16–17 октября 2017 г. / Ред. кол. Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, О.Е. Дроздова и др. – СПб., 2017. – СС. 622–627. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ropryal.ru/wp-content/uploads/2018/01/4PF_sbornik_A5.pdf (Дата обращения: 01.10.2020 г.).
6. Матевосян Л.Б. Русский язык в образовательном пространстве Армении: прошлое и настоящее // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование: материалы Международного Байкальского форума, Иркутск, 20–21 сентября 2018 г. / Под ред. Е.Р. Метелевой. – Иркутск, 2018. – СС. 55–60 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36527357> (Дата обращения: 01.10.2020 г.).
7. Матевосян Л.Б. Россия в культурной жизни Армении // Русский язык в центре Европы. – Братислава: Ассоциация русистов Армении, 2019, № 19. – СС. 58–66.

8. Матевосян Л.Б. Русский – язык интеграции в евразийское пространство (на примере Республики Армения) // Многоязычие и образование / Под ред. Ю. Меньшиковой, Е. Протасовой. – Berlin: Ritorika, 2019. – СС. 44–48.
9. Мкртчян Л.М. Слепой, но не настолько: Художественная публицистика. Литературная критика. – Ереван, 1998.
10. Федорова Л.Л. Русский язык в Армении: языковая ситуация и языковой ландшафт современного Еревана // Slavica Helsingiensia 52. – Helsinki: University of Helsinki, 2019. – С. 87-99.
11. Хачикян А.Э. История Армении. Краткий очерк. – Ереван, 2009.
12. Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. – СПб., 1869.

ՀԱՎԱՍԱՐԱԿՇՈՎԱԾ ԼԵԶՎԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ (ՌՈՒՍԱՅ ԼԵԶՎԻ ՕՐԻՆԱԿԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ)

Լ.Բ. Մաթևոսյան

lianna.matevosyan@ysu.am, lianna.matev@gmail.com

Բ.գ.դ., պրոֆեսոր

*Երևանի պետական համալսարանի ռուս բանասիրության
ֆակուլտետի ռուսաց լեզվաբանության, տիպաբանության
և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի պրոֆեսոր,
Բնագիտության միջազգային ակադեմիայի թղթակից անդամ,
Ռուսաստանի բնագիտության ակադեմիայի թղթակից անդամ,
ՌԲԱ գիտության և կրթության վաստակավոր գործիչ,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Լեզվական քաղաքականությունը Հայաստանում հավասարակշռված է: Հայաստանում ռուսաց լեզվի իմացությունն ու մակարդակը պայմանավորված են Հայաստանի բնակչության ազգային կազմով: Հայաստանը եղել և մնում է միաեթնիկ երկիր, և բնակչության մեծամասնությունը ռուսերենը համարում է հայերենը մայրենի լեզու:

Սակայն այսօր էլ անկախ Հայաստանում հայերի մեծ մասը *կոռորհինատիվ* հայ-ռուսական երկլեզվության կրող է:

Բանալի բառեր՝ լեզվական քաղաքականություն, ռուսաց լեզու, հավասարակշռվածություն, Հայաստանի Հանրապետություն:

ON THE BALANCED LANGUAGE POLICY IN ARMENIA: A CASE STUDY

L. Matevosyan

lianna.matevosyan@ysu.am, lianna.matev@gmail.com

*Doctor of Philological Sciences, Professor
Professor of Chair of Russian Linguistics, Typology and Communication Theory
Faculty of Russian Philology, Yerevan State University,
Corr.-member International Academy of Natural Sciences,
Corr.-member Russian Academy of Natural Sciences,
Honored Worker of Science and Education of Russian Academy of Natural Sciences,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

This article is about the balanced language policy in Armenia. Implementation of the Russian language and the level of its proficiency are, in effect, determined by the ethnic specificity of country's population. Armenia has always been a monoethnic state, and the majority of the population considers Armenian as their mother tongue. However, today in independent Armenia, most of the people are viewed as «coordinative» Armenian-Russian bilinguals.

Keywords: language policy, balance, Russian language, Armenia.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 18 августа 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 23.11.2020 г.*

ЛИНГВИСТИКА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ ТАГМАТИЧЕСКОГО И СИНТАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ

Ануш Вагановна Акопян

hakobyananoush@yahoo.com, anush.hakobyan@ysu.am

*Д.ф.н., доцент кафедры русского языка (для гуманитарных факультетов),
Ереванский государственный университет,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Исследована новая иерархическая система языковых объектов разных ступеней. Определены функциональные конъюнктивные, дизъюнктивные и имплицативные кластеры тагматического и синтагматического уровней с соответствующими ядерными и приядерными единицами. Между функциональными единицами выявлены как внутриуровневые, так и межуровневые связи, а также вопросы пересечения полученных кластеров и их единиц.

Ключевые слова: кластер, функция, конъюнкция, дизъюнкция, импликация, тагма, синтагма, уровень.

Комплексное представление и выявление основных языковых структурных уровней и их единиц, изучение внутренних связей и зависимостей между ними является основой системного и функционального изучения лингвистических объектов. Результаты большого количества структурно-семантических исследований по разработке уровней и уровневых единиц являются свидетельством сложности создания единого универсального понятия уровня и указывают на необходимость построения иерархической системы языка [4; 7; 8; 9; 12 и др.]. Языковые структурные единицы разной сложности могут иметь общие функциональные формально-содержательные

свойства и образовывать определенные иерархические уровни и подуровни, моделирование которых требует особой разработки. При определении и моделировании многоуровневой иерархической системы языковых единиц мы применяем широко используемый в различных теоретических и прикладных областях науки метод кластеризации, который позволяет систематизировать рассматриваемые объекты, выделять самостоятельные целостные кластеры и объединять их в определенные функциональные уровни [3; 13]. Количественно-качественный характер уровней зависит от числа рассматриваемых логических функций и соответствующих составляющих функциональных единиц. Исходя из этого, нами предложена новая классификация языковых объектов и определены *тагматический*, *синтагматический*, *протасематический*, *симпротасематический* и *текстематический* уровни, в каждом из которых выявлены языковые единицы, прямо или косвенно взаимосвязанные с логическими функциями конъюнкции, дизъюнкции и импликации [1; 2]. Эти единицы объединены в соответствующие функциональные конъюнктивные, дизъюнктивные и импlicative кластеры. Для исследования межуровневые и внутриуровневые связей этих кластеров выделены ключевые ядерные и приядерные единицы, несущие основную функционально-семантическую нагрузку.

В настоящей статье приведено развернутое описание функциональных конъюнктивных, дизъюнктивных и импlicative кластеров тагматического и синтагматического уровней.

Тагматический уровень. Единицами тагматического уровня являются все слова естественного языка. При иерархической функциональной кластеризации единиц языка слово-тагма, являясь основной структурно-семантической единицей языка, является в нашем рассмотрении единицей первого низшего уровня. Внутри тагматического уровня нами выделены различные функциональные языковые единицы низшего уровня с общими свойствами и исследованы их взаимосвязи. Слово-тагма, обрастая рядом слов, может стать предметно-логической основой для построения функциональных единиц более высоких уровней. Между словом и понятием, представляемым словом, существует неразрывная связь. «Наличие слова (отдельной лексической единицы) служит прямым свидетельством существования понятия, а при его от-

существовании имеются, в лучшем случае, лишь косвенные свидетельства» [5: 294]. Наличие общих семантических параметров слов и понятий является достаточным условием для их объединения в отдельные кластеры.

На этом уровне нами выделены слова, которые передают конъюнктивные, дизъюнктивные или имплицативные функциональные отношения и образуют соответствующие кластеры.

Конъюнктивный кластер тагматического уровня. В этом кластере конъюнктивными единицами являются те слова-тагмы, которые в своей основе в той или иной степени явно или неявно содержат смысл, выражающий соединительное значение.

Ядерными единицами конъюнктивного кластера тагматического уровня могут быть:

а) сочинительные союзы недифференцирующего типа (*и* и его потенциальные синонимы *а, но, да*), союзы, аналоги союзов и составные союзы дифференцирующего типа (*то есть, а именно, потому, поэтому, и только, и причем, и тем более, а также, а вернее, а потому, а зато, а все-таки, а тем более, но также, но только, но кроме того, но все-таки* и др.);

б) многоместный союз *и ... и*, его аналог с отрицательным значением *ни ... ни*;

в) слова *конъюнкция, юнктив, соединение, сочинение, сочетание, единение, объединение, умножение, совмещение, собрание, соглашение, сочетание, слияние, сплочение, сцепление, группировка, комбинация* и др.

Приядерными единицами конъюнктивного кластера тагматического уровня могут быть:

а) слова *ложь, ложность, истина, истинность, отношение, функция, связь, вместе, между, друг с другом, мы, они, оба* и др.;

б) составные союзы и союзные сочетания, образованные присоединением к союзу лексического конкретизатора (*и значит, и следовательно, и вот, и стало быть, и в то же время, и вдруг, иными словами, иначе говоря, а вдобавок, а в противном случае, да к тому же, да еще, да и, не только ... но и, мало того ... еще и* и др.).

Дизъюнктивный кластер тагматического уровня. Слово-тагма может в своей основе содержать дизъюнктивный (разделительный) смысл. В

этом кластере дизъюнктивными единицами являются слова, в которых в той или иной степени выражены разделительные отношения.

Ядерными единицами дизъюнктивного кластера тагматического уровня могут быть:

а) одноместные разделительные союзы недифференцирующего типа *или, либо*, аналоги союзов и составные союзы дифференцирующего типа (*или иначе; или наоборот; может быть ... или, может быть; возможно ... или, может быть; может быть ... или; то ли ... то ли ... а может быть; иногда ... а то и и др.*);

б) многоместные союзы *или ... или; либо ... либо; ли ... ли; ли ... ли ... или; то ... то; то ... то ... а то; не то ... не то, а то; а не то; не то; иначе;*

в) слова *дизъюнкция, юнктив, разъединение, деление, раздел, разделительность, разрыв, контрарность, разобщение, расхождение, неравенство, расчленение, расторжение, разложение, противоположность, несовместимость, разбиение, разъятие* и др.

Приядерными единицами дизъюнктивного кластера тагматического уровня могут быть:

а) слова *ложь, ложность, истина, истинность, отношение, функция, строгая, связь, между, друг без друга, одно из двух* и др.;

б) составные союзы и союзные сочетания, образованные присоединением к союзу лексического конкретизатора (*и значит; и следовательно; и вот; и стало быть; и в то же время; и вдруг; иными словами; иначе говоря; а вдобавок; а в противном случае; да и то; да к тому же; да еще; да и; раз ... стало быть; если не ... то по крайней мере; не только ... но и; мало того ... еще и и др.*).

Импликативный кластер тагматического уровня. Наряду с конъюнктивным или дизъюнктивным значением слово-тагма в своей основе может иметь также импликативный смысл. В этом кластере импликативными единицами являются слова, которые явно или неявно выражают импликативное отношение.

Ядерными единицами импликативного кластера этого уровня могут быть:

а) все условные союзы и союзные сочетания дифференцированных и недифференцированных значений (*если; ежели; коли; коль; коль скоро; буде; ли ... ли ... ли; в случае (если); в том случае (если); на случай (если); на тот случай (если, что); при условии (если, что); при том условии (если, что); если бы; когда бы; коли бы; как бы; кабы; ежели бы; диви бы; добро бы; пусть бы; хоть бы и др.*);

б) все двухместные союзные соединения, образованные добавлением к союзам *если, ежели, коли, коль скоро* коррелятивов *то, так, тогда, тут* и др.;

в) слова *условие, импликация, обусловленность, консеквент, антецедент, транслятив, следствие, основание, обоснование, посылка, предпосылка* и др.

Приядерными единицами имплицативного кластера тагматического уровня могут быть:

а) слова *вывод, ложь, ложность, истина, истинность, необходимое, достаточное, отношение, подтверждение, доказательство, аргумент, предлог, довод, предопределенность, повод, стимул* и др.;

б) двухместные соединения *там ... где; тогда ... когда; постольку ... поскольку; при наличии ... следует; при условии ... наступает; если и только если ... то; лишь при условии что ... то; в том и только в том случае когда ... тогда; только тогда, когда ... то, если ... значит, раз ... стало быть, если не ... то по крайней мере* и др.

в) глаголы: *имплицативные глаголы* и *глаголы отрицательной имплицации*.

Применение имплицативных глаголов и глаголов отрицательной имплицации предполагает неявное наличие имплицативных отношений [11].

Имплицативными являются глаголы, которые обуславливают истинность подчиненного ему суждения и из отрицания которых следует отрицание истинности этого суждения. Это, например, глаголы *суметь, добиться, удалиться, осмелиться, иметь несчастье, счесть уместным* и др.

Они добились того, что отменили наказание.

Из этого предложения следует, что *наказание отменили*.

Они не добились того, чтобы отменили наказание.

А из этого предложения следует, что *наказание не отменили*.

Глаголами *отрицательной импликации* являются те, наличие которых в предложениях передает семантику условия выполнимости отрицания некоторого утверждения, а применение этих же глаголов в отрицательной форме подразумевает условие выполнимости самого утверждения. Глаголами отрицательной импликации являются, например, глаголы *забыть*, *делать вид*, *притворяться* и др.

Я забыла выключить свет.

Из этого предложения следует, что *я не выключила свет.*

Я не забыла выключить свет.

А из этого предложения следует, что *я выключила свет.*

Синтагматический уровень. Синтагма – словосочетание, состоящее из двух или нескольких языковых единиц (тагм), тесно связанных по смыслу, соединенных определенным типом связи и грамматически расположенных в линейном порядке [10: 447]. Синтагма занимает промежуточное положение между словом-тагмой и простым предложением. Рассмотрение функциональных свойств словосочетаний служит основой для выделения их в функциональные кластеры синтагматического уровня. Словосочетание, как известно, является номинативной единицей синтаксиса, которая только в составе предложения выполняет коммуникативную функцию и формально строится по определенному абстрактному образцу, в составе которого выделяется главенствующий и зависимый компоненты. В широком понимании словосочетания главенствующий и зависимый компоненты могут, синтаксически или морфологически приближаясь друг к другу, утрачивать подчинительную зависимость и приобретать самостоятельность и однородность. В таких сочинительных или однородных словосочетаниях или словесных рядах структурно-грамматические взаимоотношения, а также смысловые свойства между составными звеньями (сочетавшимися словами) имеют разнообразный характер в зависимости от союзной соединительной или разделительной связи [6: 42].

Единицами синтагматического уровня могут быть, в частности, все словосочетания русского языка. На синтагматическом уровне нами выделены словосочетания, которые передают конъюнктивные, дизъюнктивные или

импликативные функциональные отношения и образуют соответствующие кластеры.

Конъюнктивный кластер синтагматического уровня. В этом кластере конъюнктивными единицами являются словосочетания, которые в той или иной степени содержат соединительный смысл. Это, в частности, словосочетания, в которых присутствуют конъюнктивные тагмы.

Ядерными единицами конъюнктивного кластера синтагматического уровня могут быть:

а) словосочетания, в которых хотя бы один из составляющих компонентов является конъюнктивной ядерной единицей предыдущего тагматического уровня: *конъюнктивное высказывание, сочетание слов, объединение классов, совмещение образов, собрание сочинений, обоюдное соглашение, слияние капиталов, сцепление вагонов, группировка по признакам, уникальная комбинация* и др.

б) словесные ряды, в которых участвуют конъюнктивные ядерные единицы – соединительные союзы – предыдущего тагматического уровня: *день и ночь, зима и лето, красное и черное, война и мир, рак да щука, баран да овца* и др.

Приядерными единицами конъюнктивного кластера этого уровня могут быть словосочетания, в которых хотя бы один из компонентов является конъюнктивной приядерной единицей предыдущего тагматического уровня: *ложное суждение, истинное высказывание, сложносочиненное предложение, доброе отношение, функция соединения, супружеская связь, вместе с ним, между коллегами, поговорить друг с другом* и др.

Дизъюнктивный кластер синтагматического уровня. В этом кластере дизъюнктивными единицами являются словосочетания, в которых в той или иной степени содержится разделительный смысл. Это словосочетания, в которых присутствуют дизъюнктивные тагмы.

Ядерными единицами дизъюнктивного кластера синтагматического уровня могут быть:

а) словосочетания, в которых хотя бы один из составляющих компонентов является дизъюнктивной ядерной единицей предыдущего тагматического уровня: *функция дизъюнкции, разъединение цепи, деление чисел, раз-*

дел имущества, разделительное значение, разрыв отношений, расхождение мнений, классовое неравенство, расторжение брака, противоположность взглядов, возрастная несовместимость, разбиение на части и др.

б) те словесные ряды, в которых участвуют дизъюнктивные ядерные единицы – разделительные союзы – предыдущего тагматического уровня: *день или ночь, зима или лето, красное или черное, свет или тьма, кум или сват, жизнь либо кошелек, ты либо я* и др.

Приядерными единицами дизъюнктивного кластера этого уровня могут быть словосочетания, в которых хотя бы один из компонентов является дизъюнктивной приядерной единицей предыдущего тагматического уровня: *сложносочиненное предложение, ложное высказывание, истинное суждение, вражеское отношение, разделительная функция, строгая дизъюнкция, прервать связь, жить друг без друга, выбрать одно из двух* и др.

Импликативный кластер синтагматического уровня. Импликативными словосочетаниями являются словосочетания, которые в той или иной степени выражают условные отношения. Это, в частности, словосочетания с импликативными тагмами.

Ядерными единицами импликативного кластера синтагматического уровня могут быть словосочетания, в которых хотя бы один из компонентов является импликативной ядерной единицей предыдущего тагматического уровня: *условное высказывание, условное предложение, условный силлогизм, отношение импликации, условное наклонение, необходимое условие, достаточное условие, обусловленный вывод* и др.

Приядерными единицами импликативного кластера этого уровня могут быть словосочетания, в которых хотя бы один из компонентов является импликативной приядерной единицей предыдущего тагматического уровня: *ложная посылка, истинное высказывание, целевая мотивировка, предвзятое отношение, поспешный вывод, удастся отдохнуть, забыть позвонить, притворяться больной* и др.

Заметим, что конъюнктивные, дизъюнктивные и импликативные кластеры рассматриваемых тагматического и синтагматического уровней имеют взаимные поля внутриуровневых пересечений, которые сужаются при рассмотрении уровней подкластеров: от приядерных к ядерным.

Следует отметить, что аналогичную внутриуровневую функциональную кластеризацию можно провести и для некоторых других логических функций, таких как негация и строгая дизъюнкция, имеющих широкое применение в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопян А.В.* ЕСЛИ и только ЕСЛИ. Монография. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2012. – 172 с.
2. *Акопян А.В.* Функциональные кластеры протасематического и симпротасематического уровней // Вестник Ереванского Университета. Русская филология. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. – №1 (13). – СС. 64–73.
3. *Андерсон Дж.А.* Дискретная математика и комбинаторика. – М.: Изд. дом Вильямс, 2003. – 960 с.
4. *Арутюнова Н.Д.* О минимальной единице грамматической системы // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – СС. 15–30.
5. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
6. Грамматика русского языка. Т. II, Синтаксис. – М.: Изд-во АН СССР, Ч. I, 1952. – 704 с.
7. *Джаукян Г.Б.* Универсальная теория языка. Прологомены к субстанциональной лингвистике. – М., 1999. – 320 с.
8. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. – М.: Изд. группа URSS, 2006. – 248 с.
9. *Солнцев В.М.* О понятии уровня языковой системы // ВЯ. – М.: Наука, 1972. – № 3. – СС. 3–19.
10. Языкознание. БЭС. – М.: Науч. изд-е Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
11. *Karttunen L.* Implicative verbs // Language, 47, 1971. – PP. 340–358.
12. *Lamb S.M.* Outline of Stratificational Grammar. – Georgetown, GUP, 1966. – 109 p.
13. *Xu R., Wunsch D.* Clustering. – A John Wiley & Sons, Inc., Publication, 2009. – 358 p.

**ՏԱԳՄԱՏԻԿ ԵՎ ՍԻՆՏԱԳՄԱՏԻԿ ՄԱԿԱՐԴԱԿՆԵՐԻ
ԳՈՐԾԱՌՈՒՅԹԱՅԻՆ ԿԼԱՍՏԵՐՆԵՐԸ**

Ա.Վ. Հակոբյան

hakobyananoush@yahoo.com, anush.hakobyan@ysu.am

*Բանասիրական գիտությունների դոկտոր, ռուսաց լեզվի ամբիոնի
(հումանիտար ֆակուլտետների համար) դոցենտ,
Երևանի պետական համալսարան,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ուսումնասիրվել է տարբեր աստիճանների լեզվական օբյեկտների նոր ստորակարգային համակարգը: Սահմանվել են տազմատիկ և սինտազմատիկ մակարդակների կոնյունկտիվ, դիզյունկտիվ և իմպլիկատիվ գործառույթային կլաստերները՝ իրենց համապատասխան միջուկային և մերձմիջուկային միավորներով: Բացահայտվել են բերված միավորների ինչպես միջմակարդակային, այնպես էլ ներմակարդակային կապը, ինչպես նաև դիտարկված կլաստերների և միավորների հատման հարցերը:

Բանալի բառեր՝ կլաստեր, գործառույթ, կոնյունկցիա, դիզյունկցիա, իմպլիկացիա, տազմա, սինտազմա, մակարդակ:

**FUNCTIONAL CLUSTERS OF TAGMATIC
AND SINTAGMATIC LEVELS**

A. Hakobyan

hakobyananoush@yahoo.com, anush.hakobyan@ysu.am

*Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor
of the Chair of Russian Language (Humanities' Faculties),
Yerevan State University
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The new hierarchical systems of linguistic objects of different stages were investigated. Functional conjunctive, disjunctive and implicative clusters were revealed, and for each of tagmatic and sintagmatic levels are defined with relevant nuclear and co-nuclear units. We have identified both intra-level and inter-level links between the functional units, as well as the issues of intersection of the obtained clusters and their units.

Keywords: cluster, function, conjunction, disjunction, implication, tagma, sintagma, level.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 15 июля 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 29.09.2020 г.*

МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Серине Седраковна Мисисян

serine.misisyan@rau.am

*К.ф.н., ст. преподаватель кафедры русского языка
и профессиональной коммуникации
Российско-Армянский университет
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка исследования феномена эмоций сквозь призму гендерной лингвистики. На примере романа Д. Фридмана «Мендель Маранц» проанализированы мужские и женские предпочтения при использовании эмотивной лексики.

На основе проведенного исследования автором выделены и классифицированы лексические единицы, репрезентирующие различные эмоции, выявлен гендерный фактор в речевой характеристике представителей мужского и женского пола на примере речевого поведения персонажей романа, что доказывает наличие гендерной стереотипности и гендерной асимметрии в речевом поведении мужчин и женщин.

Ключевые слова: эмоции, эмотивность, эмотивная лексика, гендер, гендерная лингвистика, фемининность, маскулинность.

Смещение парадигмы научного знания в сторону антропоцентризма привело к тому, что объектом исследований (и в частности лингвистических) стал человек, его мировоззрение и взаимоотношения с окружающим миром, его эмоции и чувства. Стали появляться научные разработки в русле антропоцентризма, направленные на изучение эмоциональной жизни *homosentians*

(с лат. *существо чувствующее*). Именно поэтому изучение лингвистикой (и многими смежными с ней науками) эмоциональных проявлений способствовало появлению множества научных разработок и психолингвистических открытий.

Особый научный интерес представляют научные разработки, посвященные изучению феномена эмоций сквозь призму гендерной лингвистики.

Как отмечает Л.Г. Брутян, «проблема взаимоотношения языка и гендера, отражение гендера в языке не только привлекла в последние десятилетия пристальное внимание огромного количества исследователей, но и дала толчок для возникновения нового направления в лингвистике – гендерной лингвистики» [1: 8].

На современном этапе развития гуманитарной науки отечественными и зарубежными учеными предпринимаются попытки системно осмыслить и описать феномен пола, создать теоретическую модель гендера и систематизировать методологические подходы к исследованию проблемы мужских и женских предпочтений при использовании эмотивной лексики.

Как отмечает Л.В. Колпакова, «гендерная специфика отражается в процессе коммуникации, проявляется в языке и может быть проанализирована» [2: 98].

Гендерные различия в репрезентации эмоций в русском языке наглядно отражены в текстах художественной литературы (в том числе переводных), так как вся художественная литература, как справедливо отмечает В.И. Шаховский, – это «депозитарий эмоций» [6: 4].

В данной статье мужские и женские предпочтения при использовании эмотивной лексики анализируются на материале романа Давида Фридмана «Мендель Маранц».

Эмоциональная информация в произведении передается единицами всех уровней языка, начиная от фонетических и просодических, заканчивая синтаксическими. Однако первым по значимости является лексический уровень. Для анализа эмотивной лексики, отражающей мужские и женские предпочтения, была применена классификация, предложенная В.И. Шаховским [6], который выделяет три типа лексики:

- 1) лексика, называющая, обозначающая эмоции (т.е. дающая им имя);

2) лексика, описывающая эмоции и обладающая контекстуальной эмотивностью;

3) лексика, выражающая эмоции, где сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова, предающей через косвенное обозначение эмоциональное состояние говорящего, его чувственное отражение денотата и переживание этого отражения.

Обратимся к тексту романа «Мендель Маранц».

1) Лексика, называющая, обозначающая эмоции.

Лексика, называющая эмоции, безусловно, играет важную роль в создании речевого портрета мужчин и женщин. Так, в репликах, произнесенных женщинами, эмоции, как правило, редко выражаются эксплицитно. Например: «*О чем ты говоришь, мама? – удивленно спросила Сарра*». В данном примере указание на переживаемую эмоцию дано имплицитно – в авторском тексте. В то время как в высказываниях героев-мужчин романа: «*Я удивляюсь тебе, Мендель*», «*Но все-таки я рад!*» – задействованы единицы, прямо называющие обозначаемую эмоцию. Важно отметить, что в репликах, произнесенных персонажами мужского пола, лексика, обозначающая эмоции, преобладает над всеми другими способами вербализации эмоционального состояния героя.

Мы полностью разделяем точку зрения М.В. Мелашенко о том, что лексика, называющая эмоции, гораздо чаще используется в создании гендерной характеристики мужских образов [3: 129].

Приведем примеры: «*Весь дом наш и даже со двором! – воскликнул он радостно*»; «*Где он – обманщик? – гневно кричал Бернард*»; «*Ужасно! – печально сказал Гутнер*».

2) Лексика, описывающая эмоции и обладающая контекстуальной эмотивностью.

Данный тип лексических единиц, как правило, используется в репликах, произнесенных персонажами-женщинами. Рассмотрим примеры: «*Сарра слегка покраснела, чувствуя, что ее муж был прав, и замолчала*»; «*Зельда молчала, нервно покусывая губы*»; «*Страшная мысль промелькнула у нее в голове. Сарра сидела потупив глаза*»; «*Новый огонек вспыхнул в глазах Зельды. Ее суровое, морщинистое лицо осветилось надеждой*».

Использование подобных лексических единиц в художественном тексте служит одной цели – показать жесты, мимику, действия героинь, громкость произносимого, тем самым передать их эмоциональное состояние.

В репликах, произнесенных мужчинами, также наблюдаются лексемы, сами по себе не несущие определенных эмоций, но вербализирующие мимику, жесты и позы героя, которые, в свою очередь, сопровождают протекание конкретной эмоции. Эмоциональное содержание таких единиц проявляется в зависимости от контекста: *«Мендель сидел как огорошенный. И только удивленно таращил глаза».*

В приведенном выше примере посредством контекста раскрывается эмоция удивления, переживаемая героем.

Посредством использования в художественном тексте лексики, описывающей эмоции и обладающей контекстуальной эмотивностью, воспроизводится соответствующее мужскому стереотипу поведение, предполагающее, что мужчина должен как можно более тщательно скрывать свои эмоции и чувства от окружающих.

3) Лексика, выражающая эмоции, где сама эмоция не называется, но манифестируется в семантике слова.

Эмотивность такой лексики является одним из способов реализации семантики слова.

В тексте романа Д. Фридмана нами обнаружена лексика, эмотивная семантика которой является дополнительной по отношению к основной семантике, т.е. лексика с коннотативным компонентом значения. Разные ученые выделяют разные коннотативные составляющие компоненты категории эмотивности. Так, например, В.Н. Гридин важнейшими составляющими категории эмотивности считает эмоциональный и оценочный компоненты, В.Н. Телия – эмоциональность и оценочность; Т.В. Матвеева – эмоциональность, оценочность и интенсификацию признака [4: 115].

Рассмотрим особенности передачи эмоционального состояния героев романа посредством лексики с коннотативным значением.

Наиболее ярким критерием для выделения женских преференций является высокий уровень эмоциональности. Именно поэтому обозначение эмоции посредством ее манифестации в семантике слова является одним из

главных средств выражения женских эмоций в романе «Мендель Маранц». В подтверждение приведем фрагмент текста:

– Но, мама, он лечит только лошадей и коров! – сказала Сарра, когда мать на минутку замолчала, чтобы перевести дух. – Он ветеринар!

Зельду словно ударили по лицу.

*– **Ветеринар!** – вскрикнула она с ужасом...*

*– **Ве-те-ринар!** – стонала Зельда, сразу увидев перед собой непроходимую пропасть, отделявшую ее от дочери. Как далеко отошла от нее дочь в своих вкусах и идеалах, если избрала себе жениха с такой дикой, грубой профессией!*

Как видим, в данном примере в семантике лексемы «ветеринар» явно выражен негативный оценочный компонент, характеризующий субъекта и приравнивающий его к чему-то низменному.

Таким образом, анализ лексического уровня текста романа «Мендель Маранц» позволяет заключить, что автор мастерски передает эмоциональное состояние своих персонажей.

Для создания гендерной характеристики мужских образов используется лексика, отмеченная определенной точностью номинации переживаемых эмоций, уточнением причин экспликации эмоций. Персонажи-мужчины актуализируют собственные эмоции, называя их напрямую. Персонажи-женщины же выражают их имплицитно. В речи персонажей-мужчин достаточно часто встречаются обладающие контекстуальной эмотивностью лексические единицы.

В создании речевого портрета женских образов редко используется лексика, называющая эмоции. В ходе исследования было обнаружено, что при речевом взаимодействии женские образы более эмоциональны, но реже эксплицируют собственные эмоции. Более частотно в репликах, произнесенных женщинами, употребление лексики, описывающей эмоции и обладающей контекстуальной эмотивностью. Однако наиболее ярким доказательством женских предпочтений при использовании эмотивной лексики в романе является наличие лексических единиц, выражающих эмоции имплицитно, через манифестацию в семантике слова. Данный тип лексики является одним

из главных средств выражения женских эмоций в романе «Мендель Маранц».

Также при анализе мужских и женских языковых преференций было выявлено богатство и разнообразие женского эмоционального тезауруса, не ограничивающегося лишь названием эмоции. Считаем необходимым отметить и то, что гендерные проявления эмоций в романе «Мендель Маранц» особенно частотны в диалогических высказываниях.

Обобщив вышесказанное, отметим, что в целом мужские и женские преференции при использовании эмотивной лексики полностью соответствуют стереотипам маскулинности и фемининности, предполагающим сдержанность мужчин и большую эмоциональность женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брутян Л.Г. Язык и гендер. – Ереван: Международная академия философии, 2008. – 150 с.
2. Колтакова Л.В. Лексические средства репрезентации эмоций (гендерный аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – №7 (172), 2016. – СС. 96–100.
3. Мелашенко М.В. Гендер в художественных текстах и устной речи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал, 2017. – №3. – СС. 119–131.
4. Садыкова А.Г., Депутатова Н.А., Биктагирова З.А. Эмотивные средства в речи мужчин и женщин (лексический уровень) // Филология и культура, 2013. – №4. – СС. 115–119.
5. Фридман Д. Мендель Маранц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://librebook.me/mendel_maranc (Дата обращения: 28.01.2020г.).
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 190 с.

ՏՂԱՄԱՐԴԿԱՆՑ ԵՎ ԿԱՆԱՆՑ ՆԱԽԱՊԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ՀՈՒԶԱԿԱՆ ԲԱՌԱՊԱՇԱՐԻ ՕԳՏԱԳՈՐԾՄԱՆ ՀԱՐՑՈՒՄ

Ս.Ս. Միսիսյան

serine.misisyan@rau.am

*Բ.գ.թ., Ռուսաց լեզվի և մասնագիտական
հաղորդակցման ամբիոնի ավագ դասախոս,
Հայ-Ռուսական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում փորձ է արվել ուսումնասիրել հույզերի ֆենոմենը՝ սեռային լեզվաբանության տեսանկյունից: Դ. Ֆրիդմանի «Մենդել Մարանց» վեպի օրինակով վերլուծվել են հուզական բառապաշարի օգտագործման ժամանակ տղամարդկանց և կանանց նախասիրությունները:

Ուսումնասիրության հիման վրա առանձնացվել և դասակարգվել են տարատեսակ հույզեր արտահայտող բառային միավորները, բացահայտվել է սեռային գործոնը տղամարդկանց և կանանց խոսքի բնութագրերում, ինչը ապացուցում է տղամարդկանց և կանանց խոսքային գործունեության մեջ սեռային կարծրատիպերի և սեռային անհամաչափության առկայությունը:

Բանալի բառեր՝ հույզեր, հուզականություն, հուզական բառապաշար, սեռ, սեռային լեզվաբանություն, ֆեմինականություն, մասկուլինություն:

MALE AND FEMALE PREFERENCES IN USING EMOTIVE VOCABULARY

S. Misisyan

serine.misisyan@rau.am

*Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
at the Department of Russian Language and Professional Communication,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of emotions through the prism of gender linguistics. Using the example of D. Friedman's novel «Mendel Maranz», male and female preferences are analyzed using the emotive vocabulary. Based on the study, the author distinguished and classified lexical units representing various emotions, revealed a gender factor in the speech characteristics of male and female representatives using the speech behavior of the characters of the novel as an example, which proves the presence of gender stereotype and gender asymmetry in the speech behavior of men and women.

Keywords: emotions, emotionality, emotive vocabulary, gender, gender linguistics, femininity, masculinity.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 30 мая 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 18.08.2020 г.*

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА
НА ПРИМЕРЕ FORMS-ТРЕНАЖЕРОВ

Армен Суменович Акопян
AAS-1979@yandex.ru, armen.hakobyan@rau.am

ORCID: 0000-0001-9263-6791
<https://orcid.org/0000-0001-9263-6791>
SPIN-код: 1465-8539 / Author ID: 1045228

*Ст. преподаватель кафедры русского языка
и профессиональной коммуникации,
Российско-Армянский университет,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Внедрение в образовательный процесс информационных технологий ведет к радикальному изменению ведения лекционно-практических занятий по СРЯ и РКИ. В данной статье представлены некоторые теоретические основы построения идеографической классификации фразеологизмов, проводится анализ темпоральных фразеологических единиц, отражающих русскую языковую картину мира, а также дается пробная версия создания forms-тренажера для изучения и закрепления учебного материала (на основе фразеологических единиц).

Ключевые слова: темпоральный фразеологизм, ассоциативно-семантическая связь, тематическое поле, forms-тренажер.

Среди наиболее сложных и спорных объектов лингвистического исследования заметное место занимают фразеологические единицы. Однако ФЕ

представляют определенную сложность и при обучении любому иностранному языку, в том числе и РКИ.

Отношение к этой проблеме во многом зависит от понимания объекта фразеологии. Лингвисты, считавшие всякую воспроизводимую сверхсловную единицу фразеологизмом, признают компоненты фразеологизма словами, а сам по себе фразеологизм, если он построен по модели словосочетания, словосочетаниями.

Сторонники так называемого узкого понимания фразеологии полагают, что компоненты фразеологизма утрачивают категориальные признаки слова, а сам по себе фразеологизм не является словосочетанием в собственном смысле.

Компоненты фразеологизма лишены собственно семантических признаков слова, хотя у разных типов фразеологизмов наблюдается разная степень сближения (или удаления) со словом. «Полная или частичная утрата компонентами «словесных» свойств по преимуществу вызывается метафоризацией всего переменного словосочетания, а не каждого слова в отдельности. Если при метафоризации слова возникает одно или несколько переносных значений, то при метафоризации свободного словосочетания слова деактуализируются, как бы растворяются в общем смысле фразеологизма, не приобретая при этом переносного значения» [2: 70–71]. В то же время учащиеся, изучающие ИЯ, как правило, не воспринимают фразеологизмы как единое целое, как сверхсловную единицу, пытаясь раздробить «целое» на отдельные компоненты, получая при этом бессмысленный набор слов.

Общеизвестно, что в качестве критериев определения фразеологизма в русском языке называют в различных комбинациях устойчивость (под устойчивостью здесь понимается мера, степень семантической слитности, неразложимости компонентов), целостность значения, не выводимую из суммы значений составляющих его слов, раздельнооформленность, возможность структурных вариантов или новообразований, воспроизводимость (регулярная повторяемость, возобновляемость в речи той или иной единицы), непереводаемость на другие языки.

В целом фразеологизм характеризуют как сочетание слов с «переносным значением», как устойчивое сочетание с «идиоматическим значением»,

как «устойчивую фразу». Во фразеологизме носители языка находят метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональную окраску и т.д. [8: 7]. В то же время для инофонов любая фразеологическая единица иностранного языка представляется чуждой его миропониманию, его языковой картине мира, а семантизация ФЕ выводится им, как правило, через сумму значений составляющих его слов. Поэтому необходимо разработать модернизированную эффективную систему упражнений, направленных на привитие навыков использования фразеологизмов изучаемого иностранного языка в речи инофонов. На наш взгляд, эти упражнения должны быть разработаны на базе теоретических лингвистических исследований в ракурсе интеллектуализации процесса обучения РКИ, ибо любая фразеологическая имеет определенный познавательный потенциал.

Для продуктивного и эффективного обучения фразеологическим единицам следует, в-первую очередь, рассмотреть некоторые теоретические основы построения идеографической классификации фразеологизмов, поскольку базой любой грамотной методики обучения иностранным языкам является лингвистическая составляющая.

В последние годы методистов всё больше привлекают теоретические и практические вопросы лексикографического описания русской фразеологии в системе учебной лексикографии в целом.

Практика показывает, что «изучение русской фразеологии на продвинутом этапе эффективнее строить по «тематическим полям», т.е. по своеобразным рядам или полям фразеологических единиц, объединённым каким-либо определённым семантическим признаком» [9]. Именно словари идеографического типа отражают преимущественно «полевое» понимание лексико-семантической системы. Идеографическая классификация фразеологических единиц позволит семантически упорядочить словарь из семантически неупорядоченного, алфавитного списка русской фразеологии.

Для получения идеографической классификации исследуемых нами темпоральных фразеологизмов необходимо обратиться к анализу общетеоретических проблем системной организации лексики, ряда положений теории поля, особенностей структуры и свойств словарей.

Теория поля отражает иное «понимание лексико-семантической системы, в котором преобладающая роль отводится связи языка с действительностью, соотносённости его с внеязыковой реальностью» [6: 122]. Как полагал Й. Трир, «картина в сознании носителя языка абсолютно тождественна её языковому выражению» [7: 61], и естественно, что для каждого носителя в его родном языке языковые поля полностью и без пробелов покрывают сферу опыта. Пробелы же появляются при сравнении языков друг с другом, поскольку «каждый язык по-своему членит мир» [3]. Ещё в большей степени языки проявляют свою «отчуждённость» друг от друга, когда речь идёт об идиомах и фразеологизмах, т.к. именно эти единицы языка своеобразно «проецируют» мир в наших представлениях.

Опыт создания идеографических словарей показывает, что лексикографическая интерпретация определённой лексико-семантической группы должна основываться на создании единой схемы классификации понятийного содержания лексики русского языка. Несмотря на свою многоликость, многоплановость, реальный мир един. Все события, предметы, процессы могут рассматриваться как проявления движущейся материи. Их взаимосвязь подчёркивается наличием целого ряда объективных законов движения материи, имеющий универсальный характер. Коррелятом единого мира в познании является единое знание, закреплённое в понятиях. Одной из форм фиксации понятий является лексика языка. Значит, содержательная, понятийная сторона лексики может быть систематизирована по типу и подобию систематизации событий, предметов и процессов реального мира. Результатом подобного рода систематизации должна стать определённая понятийная картина мира.

Построение понятийной картины мира осуществляется двумя операциями, которые взаимодополняют друг друга:

а) дедуктивным разбиением понятийного континуума, покрываемого лексикой данного (в нашем случае, русского) языка;

б) индуктивным «восхождением» от отдельных слов к выделенным дедуктивным методом рубрикам. Последнее осуществляется путём группировки слов, содержательная сторона которых допускает объединение их с дру-

гими словами на основании некоторого семантического признака (парадигматическая классификация лексики).

Цель дедуктивного разбиения состоит в том, чтобы при помощи некоторой простой логической операции выделить наиболее очевидные «целкупные» понятийные области. В работе В.В. Морковкина «Опыт идеографического описания лексики» дана схема, на которой изображено последовательное вычленение из совокупного целого, которым представляется наша вселенная, пяти обширных понятийных областей или классов.

I класс – есть класс понятий, обозначающих абстрактные отношения и формы существования материи. Дихотомично противопоставленный ему класс понятий, обозначающих собственно материальный мир во всём его многообразии, может быть без остатка разделён на две понятийные области, одна из которых соотносится с неорганическим миром, а другая – с органическим. Органический мир, в свою очередь, также разделяется на два огромных царства – царство растений и царство животных. И, наконец, из царства животных вычленяется человек как существо, наделённое разумом, в проти-

воположность всем остальным животным, которые, как принято считать, разумом не обладают [См.: 5: 18–21].

Все эти пять основных понятийных классов вместе объемлют без остатка смысловую континуум, покрываемый лексикой языка. И тут особенно важна первая понятийная область, названная «абстрактные отношения и формы существования материи», поскольку она включает в себя, помимо таких важных категорий, как бытие, пространство, протяжённость, количество, качество, отношение, а также и категорию времени.

К тому же естественным является вопрос, а что же такое время? И столь же естественным представляется обращение за ответом на этот вопрос к философии.

История философии знает множество научных трудов, посвящённых проблеме времени. И вместе с тем оно делает очевидной обескураживающую тщетность всяких попыток получить достоверное и общезначимое знание о сущности времени путём традиционной дискуссии.

Мы предлагаем вниманию методистов изучение фразеологизмов русского языка с помощью электронного симулятора на примере forms-тренажеров. Forms-тренажеры – это один из способов применения компьютерных технологий. Электронный учебный тренажер доступен учащимся в любое время суток.

Тренажер запрограммирован на автоматический сбор данных учеников: их ответов и электронных адресов. В ходе нашего исследования у учащихся была выявлена способность находить верные компоненты, подбирать синонимичные слова и объяснять фразеологизмы. Таким образом, нами был создан учебный тренажер с уникальными заданиями.

Фразеологизмы используются часто как в речи, так и в художественной литературе. Они дополняют наши высказывания, придают им образность и являются неотъемлемой частью языка образованных людей. Однако можно отметить, что фразеологизмы иногда с трудом запоминаются учащимися. Многие из них сталкиваются с незнакомыми фразеологизмами и не понимают их значения. Сегодня перед преподавателем стоит задача не просто ознакомить свою аудиторию с богатым миром фразеологизмов, а вызвать неподдельный интерес к их изучению. Одним из способов решения данных задач

является внедрение учебного тренажера, с помощью которого проводится тестирование, которое состоит из упражнений и задач разных типов. По итогам завершения тестирования определяется уровень знаний испытуемого.

По Майорову тестовые задания делятся на 2 типа: тестовые задания открытого и закрытого типа [См.: 4: 82].

Тестовые задания

Таблица 1

Задания открытого типа представляют собой задания дополнения и свободного изложения. Задания второго типа состоят из заданий четырёх разных видов: альтернативных ответов, множественного выбора, восстановления соответствия и восстановления последовательности. Такие задания предполагают различные варианты ответа. Из списка предложенных вариантов ответа выбирается один или несколько верных ответов.

В ходе изучения данных фразеологизмов мы выявили некоторые преимущества заданий как открытого типа, так и закрытого.

«Преимущества заданий закрытого типа:

- задания могут быть надежны, поскольку отсутствуют факторы, связанные с субъективными оценками, которые снижают надежность;
- оценивание заданий полностью объективно: между оценками различных проверяющих не может быть различий;
- неважно, умеют ли ученики хорошо формулировать ответы;
- задания этого типа легко обрабатываются, тестирование быстро проводится;
- простой алгоритм заполнения снижает количество случайных ошибок и опусок;
- эти задания позволяют охватить большие области знания, что для тестов достижений особенно важно;
- возможна машинная обработка ответов;
- низкая вероятность угадывания правильных ответов;
- возможно получение точной оценки содержательности теста, что особенно важно для определения соответствия теста целям исследования;

Преимущества заданий открытого типа:

- краткость и однозначность ответов;
- необходимость воспроизведения ответа по памяти;
- отсутствие необходимости искать несколько вариантов ответа;
- простота формулировки вопроса;
- простота проверки;
- невозможность угадать ответ.

Основное преимущество этих заданий – невозможность угадать ответ, а основной недостаток – сложность формализации правильного ответа» [1: 192–193].

Тестирование, как и другие способы контроля знаний учащихся, имеет общие правила и нормы:

- заданию соответствует порядковый номер;
- задания одинаковой формы имеют указание, в котором излагается формулировка и требование;

- каждое задание имеет идеальную форму верного ответа;
- каждый элемент имеет строгое расположение и форму;
- каждое задание имеет собственные нормы оценивания;
- задание должно быть максимально сжато изложено, а ответ не должен требовать длительных по времени раздумий.

При составлении тестовых заданий по разделу СРЯ «Фразеология» и программировании учебного тренажера по русскому языку мы использовали платформу *Google Форма* (См.: *Рис. 1*). Ценными достоинствами *Google Формы* являются доступность в онлайн-режиме, возможность широкого использования мультимедийных ресурсов, схем, картинок и анимации, позволяющих в большей степени разнообразить вопросы. Ещё один плюс *Google Формы* – это хранение тестов в «облаке» / облачном пространстве *Google*.

Применение подобного электронного симулятора имеет ряд преимуществ:

- вызывает интерес к познанию предмета;
- формирует умение работать с информацией;
- позволяет обрести навыки работы с технологиями;
- позволяет иметь доступ к цифровой информации;
- развивает творческие способности;
- раскрывает способности самостоятельного образования.

На базе одной из средних школ г. Еревана РА нами было проведено исследование при помощи созданного нами тренажера. При составлении учебного тренажера использовались задания как в открытой форме, так и в закрытой. Всего было составлено 20 заданий (См.: *Рис 1*).

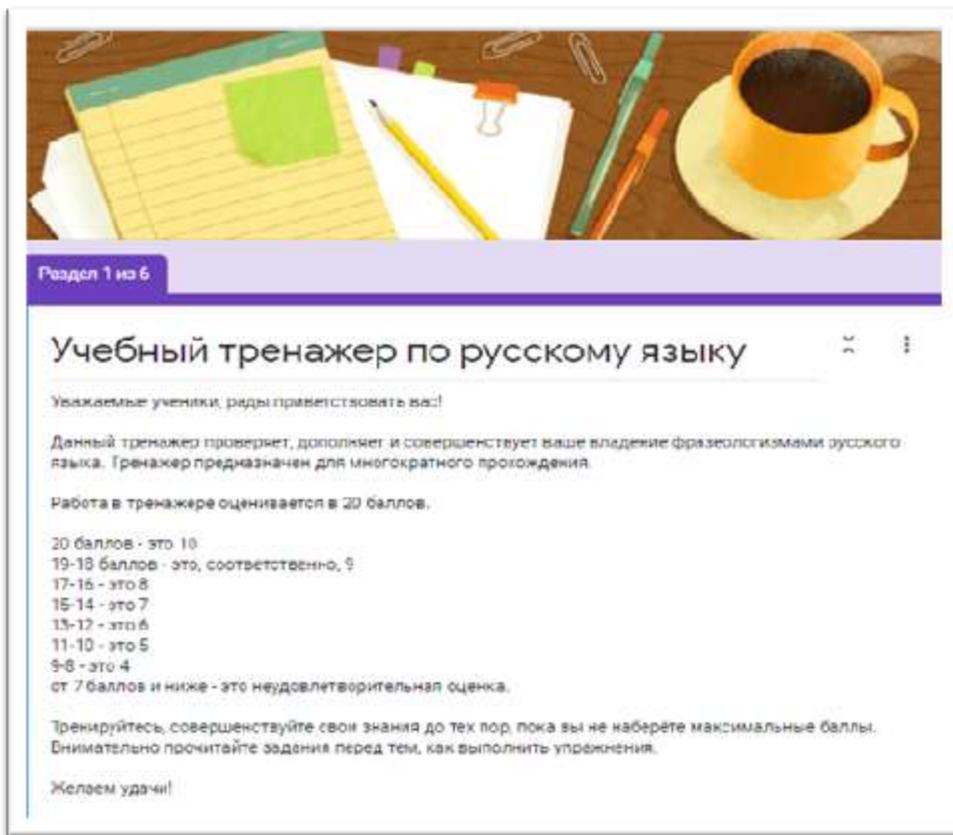

Рис. 1

В дополнение к тренажеру был создан персональный сайт, который послужил проводником в процессе обучения (См.: Рис 2). Если тестируемый в задании выбирает неверный ответ, то в комментариях ему дается ссылка на страницу сайта с пояснениями к соответствующему заданию. Перейдя на сайт, тестируемый знакомится с неизвестным ему фразеологизмом. Это позволяет совершенствовать знания, не теряя времени на поиски объяснения нужного фразеологизма и легко запоминать необходимую информацию. Сайт имеет домашнюю страницу и 20 страниц с пояснениями к заданиям.

Рис. 2

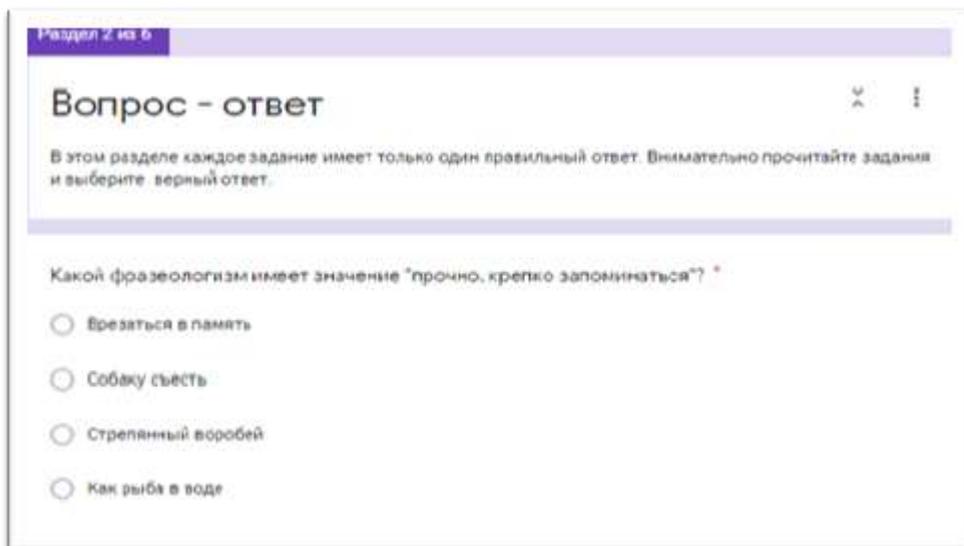

Рис. 3

В тренажере были использованы задания, в которых нужно было определить фразеологизм по картинке, подобрать к нему синоним, выбрать верное значение фразеологизма и вставить пропущенный компонент фразеологизма (См.: Рис 3, 4).

Рис. 4

Тренажер запрограммирован на автоматический сбор данных учеников: их ответов и электронных адресов. В ходе нашего исследования у учащихся была выявлена способность находить верные компоненты, подбирать синонимичные слова и объяснять фразеологизмы. Таким образом, нами был создан учебный тренажер с уникальными заданиями.

По итогам созданного и проведенного теста по разделу русского языка «Фразеология» нами было выявлено, что информационные технологии помогают справиться с задачей нового подхода к образованию. Электронный тренажер способен выявить у учащихся сильные и слабые стороны при освоении раздела и искоренить слабые стороны. Многократное прохождение тренажера и использование персонального сайта с пояснениями служит причиной прогресса в понимании фразеологизмов.

XXI век требует от нас новых подходов к образованию. В современном мире компьютерные технологии задействованы во всех сферах образования, что вполне оправдано, ведь их эффективность обусловлена наглядностью, иллюстративностью, доступностью информации. Применение учителем компьютерных технологий в образовательном процессе положительно сказывается на формировании у учащихся стремления к интеллектуальной и познавательной работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопян А.С.* Создание заданий и тестов по русскому языку в LMS-системе Google Classroom и их использование в студенческой аудитории // «Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике». // III Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию РАУ (Ереван, 24–26 сентября 2017 г.). – Ереван: Изд-во РАУ, 2018. – СС. 186–194 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36680864> (Дата обращения: 17.07.2020 г.).
2. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
3. *Зуева Т.А., Плотникова Г.Н.* Формирование культурных и коммуникативных компетенций в процессе изучения русской фразеологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kulturnyh-i-kommunikativnyh-kompetentsiy-v-protssesse-izucheniya-russkoy-frazeologii> (Дата обращения: 29.06.2020г.).
4. *Майоров А.Н.* Теория и практика создания тестов для системы образования. – М.: Интеллект-центр, 2001. – 296 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://padaread.com/?book=36649&pg=3> (Дата обращения: 15.07.2020г.).

5. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). – М.: Изд-во Московского университета, 1977. – 178 стр.
6. Синельникова И.И., Андросова С.А. Состав фразеосемантического поля «Эмоциональные состояния человека» (на материале французского языка) // Научные ведомости – Серия гуманитарные науки, № 6 (177), Выпуск 21. – Белгород, 2014. – СС. 122–127.
7. Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике; АН СССР. – М., 1961. – СС. 30–63.
8. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания. // «Фразеологический словарь русского языка» (См.: Предисловие). // Под ред. Молоткова А.И. – М., 1978. – 543 с.
9. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: «Русский язык», 1985. – 304 стр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://polyidioms.narod.ru/index/0-166> (Дата обращения: 29.06.2020г.).

**ՌՈՒՍԱՅ ԼԵԶՎԻ ԴԱՐՉՎԱԾԱՅԻՆ ՄԻԱՎՈՐՆԵՐԻ
ՔՆԱՐԿՄԱՆ ՄԵԹՈԴԱԿԱՆ ՏԵՄԱՆԿՅՈՒՆԸ
FORMS-ՄԻՍՈՒԼՅԱՏՈՐՆԵՐԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ**

Ա.Ս. Հակոբյան

AAS-1979@yandex.ru, armen.hakobyan@rau.am

ORCID: 0000-0001-9263-6791

<https://orcid.org/0000-0001-9263-6791>

SPIN-код: 1465-8539 / Author ID: 1045228

*Ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցման
ամբիոնի ավագ դասախոս,
Հայ-Ռուսական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Կրթական գործընթացում տեղեկատվական տեխնոլոգիաների ներդրումը հանգեցնում է ԺՌԼ և ՌՕԼ-ի դասախոսությունների և գործնական պարապմունքների արմատական փոփոխության: Հոդվածում ներկայացվել են դարձվածքների գաղափարախոսական դասակարգման կառուցման որոշ տեսական հիմունքներ, կատարվել է ռուսական լեզվական աշխարհը արտացոլող տեմպորալ դարձվածային միավորների վերլուծություն, ինչպես նաև ներկայացվել է ռուսումնական նյութի ռուսումնասիրման և ամրապնդման համար forms-սիմուլյատորի ստեղծման փորձնական տարբերակը (դարձվածային միավորների հիման վրա):

Բանալի բառեր` տեմպորալ դարձվածքներ, ասոցիատիվ-իմաստաբանական կապ, թեմատիկ դաշտ, forms-սիմուլյատոր, ռուսումնական սիմուլյատոր, թեստավորում:

METHODOLOGICAL ASPECT OF THE CONSIDERATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE ON THE EXAMPLE OF FORMS-SIMULATORS

A. Hakobyan

AAS-1979@yandex.ru, armen.hakobyan@rau.am

ORCID: 0000-0001-9263-6791

<https://orcid.org/0000-0001-9263-6791>

SPIN-код: 1465-8539 / Author ID: 1045228

*Senior Lecturer at the Department
of Russian Language and Professional Communication,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The introduction of information technologies in the educational process leads to a radical change in the conduct of lectures and practical classes in the MRL and RFL. The article considers some theoretical bases for constructing an ideographic classification of phraseological units, analyzes temporal phraseological units that reflect the Russian linguistic picture of the world, and also presents a trial version of creating a formsimulator for studying and comprehending the educational material (based on phraseological units).

Keywords: temporal phraseme, associative-semantic connection, thematic field, forms-simulator, training simulator, testing.

Информация о статье:

статья поступила в редакцию 30 июля 2020 г.,

подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 15.08.2020 г.

ФРЕЙМ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

Виолетта Амаяковна Григорян
violetta.grigoryan@rau.am

*К.п.н., доцент кафедры русского языка
и профессиональной коммуникации
Российско-Армянский университет,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Ученые языковеды и методисты – сторонники фреймового подхода – предлагают фреймовый способ организации лексик, представляя его как весьма перспективное направление в практике преподавания РКИ, равно как и в учебной лексикографии. Такой подход легко объяснить тем, что фрейм являет собой определенную стереотипную информацию, в то же время специально методически организованные системы фреймов и скриптов легко обеспечивают все необходимые условия естественно-языковой среды, а, следовательно, и естественно-языковой коммуникации.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, лингвистика, фрейм, фреймовый подход, стереотипная информация, естественно-языковая среда, модернизация процесса обучения.

Современный этап развития лингводидактики русского языка как иностранного (РКИ) характеризуется огромным интересом к модернизации и рациональной организации именно лексического материала. Модернизированный план можно легко представить в виде конкретной схемы организации лексического материала по микроциклам с учетом непосредственно фреймового способа организации словарных единиц.

Представляется очевидным, что для осознания места категории фрейма в огромном пространстве языковой теории, следует дать ее научное определение, а также выделить основные черты. Так, английская лексическая единица *фрейм* – *frame* обозначает весьма широкий круг понятий. Переводится данное слово как «форма». Понятие *фрейм* было введено в науку американским ученым еврейского происхождения Марвином Ли Минским в связи с изучением проблемы искусственного интеллекта. Однако очень скоро понятие фрейм «перекочевало» в лингвистику, а затем и в методику преподавания иностранных языков. Итак, фрейм – это некая последовательность действий, которые описывают функциональный аспект предмета, либо рассматривают его (предмета) креативный аспект.

Итак, что представляет собой фреймовый способ обучения и почему он так актуален в методике преподавания иностранных языков? Ответ на этот вопрос дают языковеды, в центре внимания которых в настоящее время продолжает оставаться теория фреймов. И это не случайно. Еще в 80-ые годы прошлого столетия американский лингвист Чарльз Филлмор представил ученому миру оригинальную идею о том, что теория фреймов является собой весьма полезный инструмент области языкознания – лексической семантики, грамматической семантики и семантики текста [1: 53]. Вначале идеи Филлмора продолжали оставаться в поле зрения лингвистики. Однако очень скоро их взяли на вооружение методисты-словесники, применив фреймовый метод при обучении лексике.

Ученые языковеды и методисты – сторонники фреймового подхода – предлагают фреймовый способ организации лексики, представляя его как весьма перспективное направление в практике преподавания РКИ, равно как и в учебной лексикографии. Такой подход легко объяснить тем, что фрейм является собой определенную стереотипную информацию, в то же время специально методически организованные системы фреймов и скриптов (специальных инструментов, которые позволяют существенно повысить результативность деятельности) легко обеспечивают все необходимые условия естественно-языковой среды, а, следовательно, и естественно-языковой коммуникации.

Общеизвестно, что основной так называемый «гнездовой» способ обучения лексике иностранного языка связан прежде всего:

- с учетом тематического признака преподнесения материала;
- с учетом лингвистических особенностей словообразования и функционирования словарных единиц.

И для того, чтобы добиться эффективной семантизации лексических единиц в процессе обучения, преподавателю необходимы специальные формы объяснения. Ведь в последнее время из практики преподавания иностранных языков практически «изъят» переводный метод семантизации словарных единиц. Хотя, следует отметить, что именно переводный метод позволял добиться осязаемых результатов, экономя при этом значительное учебное время.

В настоящее время весьма широкое применение находит способ семантизации словарных единиц через наглядность, под которой понимается не только опосредованная (картинки, иллюстрации, репродукции и пр.), но и прямая демонстрация самих предметов. Более того, современные технические средства также дают возможность достигнуть определенных навыков беспереводной семантизации слов, и далее – умений и навыков говорения («живой речи», диалога). Подобный «технический» подход к изучаемому материалу предполагает выполнение очень ограниченного, а потому и весьма однообразного набора заданий и упражнений. Основной целью этих упражнений, в конечном итоге, является привитие навыков воспроизведения уже отработанных знакомых речевых структур, а не их продукцию. Следует констатировать, что данный метод не позволяет учащимся полностью понять и осознать иноязычные языковые явления, полностью проникнуть в глубинную структуру языка. Так, во многих методических работах, посвященных межкультурному обучению и воспитанию, настойчиво оговаривается необходимость поиска новых подходов, новых путей обучения иностранному языку, равно как и рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема кардинального реформирования методического мышления.

Актуальность и новизна фреймового подхода в организации лексического материала на уроках РКИ заключается в использовании фреймового способа организации лексики при разработке ситуативно-тематического

языкового материала. При этом теоретической базой фреймового способа организации лексики как методической концепции в лингводидактике РКИ является представление знаний по М. Минскому, по определению которого, фрейм – это иерархическая структура для представления знаний о некоторой стереотипной ситуации, которая понимается как обобщенный фрагмент действительности, типичное положение дел. [2: 7]. Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно утверждать, что под учебным фреймом понимается структура, которая организована на основе фреймовой гипотезы в соответствии со способом представления знаний по М. Минскому.

В настоящее время многие языковеды говорят об определенном сходстве смысловых структур, принадлежащих к одной лексико-семантической группе, семантические отношения которой характеризуются, как отмечает Л.А. Новиков, ее общими смысловыми закономерностями и обладают значительной степенью предсказуемости [3: 208]. Нельзя не заметить, что сейчас огромное значение приобретают проблемы, которые непосредственно связаны с рассмотрением фреймов в лингвистической семантике. А поскольку методическая наука очень быстро реагирует на лингвистическую проблематику, ибо базой любой хорошо разработанной методики является, несомненно, именно лингвистика, постольку большое место в изучении лексики иностранного языка занимает именно фреймовый подход.

Фреймовый механизм действует следующим образом: в памяти носителя языка, естественно, наличествуют многочисленные фреймы/скрипты, которые естественным образом обобщают их весь жизненный опыт. Это дает индивиду реальную возможность своевременно извлекать из памяти те или иные необходимые фрагменты своего словарного запаса и быстро соотносить лексические единицы языка с уже существующими структурами в процессе как понимания, так и порождения различных по содержанию и объему текстов на русском языке.

Говоря о фреймовом подходе, необходимо, в первую очередь, рассмотреть довольно широкий круг вопросов, касающихся непосредственно понятия фрейма как в междисциплинарном, так и в историческом аспектах (*психологические основания теории фреймов*). Следует также определить понятие фрейма в лингвистической теории (*фрейм как элемент метаязыка, линг-*

вистической семантики), рассмотреть соотношение фрейма с содержательной структурой языковых выражений (*фрейм как слово, фрейм как предложение/высказывание*). Не менее актуальны проблемы изучения фрейма в соотношении с типами знаний, равно как и исследование фрейма в аспекте языковой способности индивида. В ракурсе методики преподавания иностранных языков интересна проблема фрейма в изучении структуры текста. Не менее важна для методистов-практиков теоретическая проблема фрейма в лингвистических и социологических исследованиях. Можно констатировать, что сфера фреймового подхода весьма обширна. При этом главным продолжает оставаться насущный вопрос о так называемой двойственной природе фреймов, ибо они реально относятся и к языковой, и к когнитивной сферам.

Согласно И. Гофману каждую минуту происходит фреймирование реальности – постоянно формируются всё новые и новые фреймы. Процесс их создания социолог представляет следующим образом: вне нашего сознания существует определенный идеальный тип фрейма, который каждый человек соотносит с реальной ситуацией, в которую он попадает [4: 123]. В результате его действий идеальный фрейм деформируется и таким образом создаётся новый, который и закрепляется в сознании человека и используется индивидом при следующем попадании в какой-либо фрейм. Именно эта особенность фреймов эффективно обыгрывается в методике преподавания иностранных языков.

Для эффективной реализации фреймового метода необходимо до начала обучения четко выделить и подробно описать основные цели микроцикла, что предполагает, в первую очередь, наметку результатов обучения в ракурсе фреймового подхода. Студенты по окончании микроцикла должны:

- уметь решать определенные коммуникативные задачи;
- владеть навыками инициирования общения с одним или несколькими участниками акта коммуникации.

Следует отметить, что в структуре коммуникативно-ситуативного фрейма соответствующего микроцикла должны быть непременно заложены известные учащимся языковые и речевые средства. Учащийся должен уметь поддержать диалог с преподавателем. Фреймовый способ организации лексики в данном случае являет собой «смысловую карту» (термин А.Л. Латы-

шевой). Смысловая карта – это тематически связанные между собой вопросы, дающие реальную возможность ожидать большого, логически обоснованного развернутого высказывания учащегося [5: 10].

Это действенный способ проверки умения студентов участвовать в диалоге. Далее, учащийся должен владеть навыками не только диалогичной речи, но и уметь продуцировать монологическое высказывание, естественно, по разработанной теме микроцикла, составленного на основе учебного фрейма.

Уже на втором этапе обучения по предложенной модели следует учесть распределение изучаемого языкового материала во времени, а именно: определить четкое количество обучающих непосредственно в соответствии с временными рамками программного курса. При этом в методике обучения РКИ весьма актуально разрабатывать сразу материал всего курса, равно как систематизировать и обобщать весь пройденный материал отдельных циклов.

В данном ракурсе мы предлагаем распределить языковой материал каждого отдельного цикла (как и всего цикла в целом) по удобной для преподавателя схеме:

Материал, разработанный на основе фреймов

– введение учебного материала – 2 часа;

– отработка до автоматизма и анализ лексико-грамматических конструкций, тренировка в коммуникативном акте, разработанная на основе конкретных ситуативных фреймов, продуцирование монологических и диалогических высказываний – 8 часов;

– обобщение и систематизация пройденного материала, повторение тем предыдущего микроцикла, языковые и речевые упражнения в практике общения – 4 часа;

– контроль знаний – 2 часа.

Для того чтобы разработать языковой материал, например, по теме «Посещение магазина» мы предлагаем данную схему:

– основной грамматический материал (лексико-грамматические упражнения);

– повторный лексико-грамматический материал (упражнения на повторение лексико-грамматических конструкций);

– ситуативно-тематический материал, разработанный в виде плана коммуникативно-ситуативных лексико-грамматических упражнений, основанных на базе соответствующего фрейма-сценария; например, на фрейме/сценарии:

✓ *узнать, где находится соответствующий магазин, супермаркет, универмаг;*

✓ *изучить разделы магазина;*

✓ *изучить предлагаемые товары;*

✓ *вступить в коммуникацию с продавцом;*

✓ *представить список необходимых продуктов;*

✓ *уточнить срок годности продуктов, рассмотреть их упаковку;*

✓ *выразить сомнение относительно качества товаров/выразить удовлетворение качеством товаров;*

✓ *расплатиться в кассе наличными/кредитной карточкой;*

✓ *выход из магазина.*

Здесь особую актуальность приобретают соответствующие данной речевой ситуации речевые клише, соответствующие идиомы и фразеологизмы по теме. Особое внимание следует обратить на тексты для чтения, а также аудирования. Немаловажное значение в предлагаемой схеме приобретает по-аспектный контроль (лексика, грамматика; говорение, письмо, чтение, аудирование), в которой этап предъявления ситуативно-тематического материала может быть эффективно реализован на основе фреймового способа организации лексики и грамматики с учетом сопоставительн-типологического подхода исходного и целевого языков.

Таким образом, «фреймовая» методика преподавания иностранных языков (в нашем случае – РКИ) построена на очевидной связи фрейма и культуры, ибо любой фрейм – это культурный элемент, четко сформированный в данном обществе. С другой стороны, не следует игнорировать тот факт, что фреймы могут сами конструировать национальную культуру в случае, если они уже довольно-таки долгое время существуют в этом обществе и имеют весьма сильное влияние. Ярким примером данной ситуации являет-

ся формирование образа иностранного города у туристов. Каждый определенный город имеет различные специфические зоны, которые легко характеризуются каким-либо фреймами. В то же время турист, естественно, обладает собственными национальными фреймами, которые индивидуальны и неповторимы именно для его города. Таким образом, под влиянием определенных фреймов новой топографии/топонимии у индивида быстро формируется иная культура поведения, которой он вынужден следовать. Все это можно эффективно обыграть в учебном процессе на основе специально разработанных лексико-грамматических упражнений.

Итак, теория фреймов весьма важна в жизни индивида по нескольким причинам:

– фреймы непосредственно формируют поведение индивида в обществе относительно культуры, которая главенствует в нем;

– фреймы дают реальную возможность учёным исследовать не только поведение индивида, но и разнообразные феномены, постоянно определяющие его повседневную жизнь.

Все это делает фреймы весьма привлекательными для методистов-словесников, обучающихся студентов не только иностранному языку, но и иностранной культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Вып 23. – М., 1988.
2. *Минский М.* Фреймы для представления знаний: Перевод с англ./ Под ред. Ф.М. Кулакова. – М.: Энергия, 1979.
3. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. – М.: Высшая школа. 1982.
4. *Вахитайн В.С.* Социология повседневности и теория фреймов. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2011.
5. *Латышева А.Н.* Учебники русского языка и фреймовый подход к обучению инофонов // Мир русского слова, №3, 2004.

**ՖՐԵՅՄԸ ԼԵԶՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԻՄԱՍՏԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ
ԵՎ ՆՐԱ ՕԳՏԱԳՈՐԾՄԱՆ ՀՆԱՐԱՎՈՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ՌՕԼ-Ի ՌԻՍՈՒՑՄԱՆ ԳՈՐԾՆԵՐԹԱՅՈՒՄ**

Վ.Հ. Գրիգորյան

violetta.grigoryan@rau.am

*Մ.գ.թ., Հայ-Ռուսական համալսարանի ռուսաց լեզվի
և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի դոցենտ
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Լեզվաբաններն ու մեթոդիստները՝ ֆրեյմային մոտեցման կողմնակիցները, առաջարկում են բառապաշարի կազմակերպման ֆրեյմային եղանակը՝ այն ներկայացնելով որպես ՌՕԼ-ի դասավանդման, ինչպես նաև ուսումնական բառարանագրության պրակտիկայում բավականին հեռանկարային ուղղություն: Նման մոտեցումը հեշտ է բացատրել այն փաստով, որ ֆրեյմն իրենից ներկայացնում է որոշակի կարծրատիպային տեղեկատվություն, մինևույն ժամանակ հատուկ մեթոդական տեսանկյունից կազմակերպված ֆրեյմերի և սկրիպտների համակարգերը հեշտությամբ ապահովում են լեզվական բնական միջավայր, հետևաբար և լեզվական բնական հաղորդակցություն:

Բանալի բառեր՝ օտար լեզուների դասավանդման մեթոդիկա, լեզվաբանություն, ֆրեյմ, ֆրեյմային մոտեցում, կարծրատիպային տեղեկատվություն, լեզվական բնական միջավայր, ուսուցման գործընթացի արդիականացում:

FRAME IN LINGUISTIC SEMANTICS AND POSSIBILITIES OF ITS USE IN TEACHING RFL

V. Grigoryan

violetta.grigoryan@rau.am

*Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Department of Russian language and professional communication,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

Scientific linguists and methodologists – supporters of the frame approach – offer a frame method of organizing vocabulary, presenting it as a very promising direction in the practice of teaching RFL, as well as in educational lexicography. This approach can easily be explained by the fact that the frame is a certain stereotypical information, while at the same time, specially methodically organized systems of frames and scripts easily provide all the necessary conditions of a natural language environment, and, consequently, natural language communication.

Keywords: foreign language teaching methodology, linguistics, frame, frame approach, stereotyped information, natural language environment, modernization of the learning process.

Информация о статье:

статья поступила в редакцию 14 мая 2020 г.,

подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 11.06.2020 г.

СТАТУС И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Наира Аветисовна Дашян

naira.dashyan@rau.am

*К.ф.н., ст. преподаватель кафедры русского языка
и профессиональной коммуникации,
Российско-Армянский университет;
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию фразеологизированных синтаксических структур в русском языке, особенности построения которых выходят за рамки регулярных синтаксических связей и закономерностей. Фразеологизированные синтаксические структуры являются единицами коммуникативного синтаксиса, поэтому знание данных построений и их употребление в речи необходимо для свободного владения русским языком.

Ключевые слова: фразеологизированные синтаксические структуры, регулярные синтаксические связи, единицы коммуникативного синтаксиса, свободное владение русским языком.

Лингвистика конца XX – начала XXI века характеризуется ростом интереса к изучению смещения между единицами содержания и выражения на уровне разговорного дискурса, который раскрывает экспрессивные возможности языка и является источником изучения синтаксических фразеологизмов со структурной, семантической, прагматической и коммуникативной точек зрения.

Интерес к исследованию выразительных средств русского языка насчитывает не одно десятилетие, однако до сих пор теория общей фразеологии разработана недостаточно: нет единства взглядов на фразеологическую

систему языка, ее состав, структуру, объем и границы. Среди ученых нет единого мнения о том, что считать фразеологическими единицами. Специфика исследования фразеологии заключается в том, что отдельные ее части описаны неравномерно, то есть больше внимания уделяется лексической фразеологии, а синтаксическая фразеология остается в тени.

Статья посвящена системному, компонентному изучению и анализу нестандартных синтаксических конструкций, организованных по фразеологизированным структурным схемам «... как образований, выражающих широкий спектр субъективно-модальных значений» [1: 6]. В таких моделях отношения между компонентами не обусловлены живыми, действующими синтаксическими правилами. Здесь компоненты связаны идиоматически, а прямые лексические значения компонентов, создающих структуру, ослаблены.

В лингвистике к настоящему времени достаточно полно исследованы основные единицы синтаксиса, то есть конструкции, построенные по свободным структурным схемам. Однако при этом не так глубоко изучен синтаксис экспрессивных конструкций, в частности фразеологизированные синтаксические структуры.

Синтаксис и стилистика в их соотношении и взаимосвязи обеспечивают речевую деятельность человека во всех ее функционально-коммуникативных проявлениях. Как утверждает А.В. Величко, русские как носители языка в процессе самой практики пользования языком обычно усваивают условия, ситуации употребления той или иной структуры, употребляют те языковые средства, которые отвечают данным условиям общения. Иностранцы, которые во многом лишены такой возможности, должны получать от преподавателя или из учебника «инструкции к пользованию», которые сообщают ему те условия, при которых то или иное построение соответствует ситуации общения и когда оно, являясь грамматически правильным, окажется стилистически неадекватным. Учащемуся необходимо помочь войти в стилистическое, и шире – социокультурное поле языка [2: 345].

К синтаксическим особенностям разговорной речи, составляющим ее специфику, относят узкий круг синтаксических построений, в состав которых входят и фразеологизированные синтаксические структуры.

Фразеологизированные синтаксические структуры служат средством выражения целого ряда субъективно-модальных отношений: согласия, возражения, оценки, необходимости, невозможности, целесообразности и других. Они всегда экспрессивно окрашены. Эти синтаксические конструкции употребляются в художественной литературе и публицистике, но чаще используются в разговорной речи. Но, несмотря на их широкое употребление, фразеологизированные синтаксические структуры представляют большую трудность для иностранцев, как в плане понимания, так и в плане использования их в речи. Связано это, прежде всего, со сложностью семантики, эксплицитно не выраженной, с тем, что их структурные свойства выходят за рамки регулярных синтаксических связей, а также с тем, что эти построения специфичны для русского языка и часто не находят эквивалента в родном языке учащихся. Их употребление во многом обусловлено конситуацией.

По справедливому утверждению А.В. Величко, синтаксическая специфика разговорной речи представляется недостаточно полно, то есть не описывается во всей полноте та устная речь, которой пользуются русские. «Исследователи, в силу сложившейся традиции изучать язык по зафиксированному его письменным текстам, выделяют синтаксические построения, недостаточно четко дифференцируя при этом сами источники с точки зрения того, какую функциональную разновидность языка эти тексты отражают» [2: 346]. В результате в существующих грамматиках представлен единый массив синтаксических структур вне их стилистической классификации.

Фразеологизированные синтаксические структуры являются единицами коммуникативного синтаксиса, поэтому знание данных построений и их употребление в речи необходимо для свободного владения русским языком. Особенно актуален данный языковой материал для иностранных преподавателей русского языка, студентов-филологов, журналистов и переводчиков.

Фразеологизированные синтаксические структуры (далее – ФСС) понимаются нами как постоянные морфолого-синтаксические схемы, наполняемые различным лексическим материалом. Одни элементы фразеологизированных конструкций постоянные, другие – переменные. Постоянной является схема морфолого-синтаксического построения, самый тип грамматического построения. Переменным – его лексическое наполнение.

В повседневном общении часто используются клишированные конструкции, которые очень удобны при повторяющихся коммуникативных ситуациях. Они «всплывают» в нашем сознании, при этом передают не только информативное, но и эмоционально-оценочное содержание.

ФСС свойственны преимущественно разговорному дискурсу, в котором чаще всего употребляются клишированные, иногда усеченные построения, всплывающие в сознании как готовые реакции на типовые ситуации. При использовании предложений с фразеологизированной структурой говорящий прибегает к имеющимся в его распоряжении синтаксическим «заготовкам». Он как бы «примеряет» их к той или иной ситуации и выбирает наиболее подходящий вариант, который и воспроизводит в речи, предварительно наполнив синтаксический фразеологизм лексикой.

Фразеологизированные синтаксические структуры относятся к экспрессивному дискурсу и их семантика в диалогическом дискурсе определяется различными прагматическими факторами. Синтаксический фразеологизм информативен эмоционально и оказывает сильное вербальное воздействие, то есть передает экспрессивность на синтаксическом уровне.

В последнее время лингвисты все больше и больше направляют свое внимание на функционально-коммуникативный аспект языка, предполагающий исследование особенностей реализации и функционирования языковых единиц в речи, а также к прагматическим, социальным и психологическим факторам речевого поведения личности. В связи с этим разноаспектное изучение одного из наиболее многочисленных классов единиц, составляющих ресурс живой разговорной речи – фразеологизированных предложений, приобретает особую значимость.

Нет необходимости доказывать, что конструкции типа *дом как дом, закон есть закон, мне и чай не в чай; достаточно ... чтобы...; не успел... как ...* – это особые синтаксические образования, однако в науке до сих пор не определен их статус. Обычные это единицы синтаксиса, или единицы фразеологии, или особые маргинальные конструкции, занимающие место между фразеологией и синтаксисом. Нет также очерченных границ и объема данных конструкций.

Многочисленные дискуссии, продолжающиеся и по сей день, касаются не только проблем лексической фразеологии, но и синтаксической фразеологии. Появление работ В.В. Виноградова послужило началом изучения уровня синтаксических фразеологизмов.

Фразеологизированные синтаксические структуры явились объектом специального исследования в работах А.В. Величко, М.В. Всеволодовой, И.Н. Кайгородовой, В.Ю. Меликяна, Н.Ю. Шведовой. В лингвистике пока нет четкой классификации ФСС, построенных по модели простого и сложного предложения.

Хотя вопрос о фразеологизированных синтаксических структурах не нов, однако высказывания о них были и остаются весьма противоречивыми. Нет даже общепринятого термина для тех синтаксических или лексико-синтаксических образований, которые единодушно признаются учеными как своеобразные явления языка. Исследователи называют эти образования и фразеологическими единствами на расстоянии (Виноградов 1947), застывшей конструкцией (Шведова 1958), синтаксическим фразеологизмом (Шведова 1958, РГ–1980, Величко 1996), связанными синтаксическими конструкциями или фразеологическими схемами (Шмелев 1960), предложениями фразеологического типа (Белошاپкова 1977), фразеологизированными предложениями (Лекант 1974), синтаксической идиоматикой (Кайгородова 1999), синтаксическими клише (Тер-Аракелян 2005), стационарными предложениями (Матевосян 1982), фразеосхемами (Меликян 2001).

Наиболее приемлемым, по мнению М.В. Всеволодовой, следует считать термин «синтаксический фразеологизм», к которому относятся только такие построения, которые образованы по определенной фразеологизированной модели, и в результате чего приобретают идиоматичность и структуры, и семантики [4: 10].

По-разному называются и термины: «предложения фразеологизированной структуры» и «синтаксические фразеологизмы» соответственно. «При этом отсутствует дифференциация синтаксических фразеологизмов по степени структурно-семантической слитности компонентов (ведущий критерий), а также по характеру синтаксической структуры предложения (сложная

или простая). Таким образом, уровню синтаксической фразеологии (или подуровню синтаксиса) еще предстоит пережить свое рождение» [5: 14].

В работе мы используем следующие термины: фразеологизированные синтаксические структуры или синтаксический фразеологизм (СФ) и фразеосинтаксическая схема (фразеосхема), которой логично обозначить модель (структурную схему), по которой строятся предложения, противопоставляя их предложениям, построенным по свободным структурным схемам.

Синтаксическая фразеология представлена различными типами фразеологизированных синтаксических структур, ядро которых составляют **нечлененные предложения** (далее НП). В Грамматике–80 НП представляются как построения «с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» [9: 383]. Такие единицы «... строятся не по живым действующим в языке правилам, а представляют собою изолированные структуры – следы когда-то свободных и легко расчленяемых построений» [11: 269].

Нечлененные предложения – это предложения, в которых не выделяются члены предложения – ни главные, ни второстепенные. Основным их структурным признаком является то, что они состоят из одного слова или из сочетаний частиц. Это могут быть:

- 1) частицы *да* и *нет*, выражающие согласие или несогласие;
- 2) модальные слова и модальные частицы: *конечно, вероятно, пожалуйста, едва ли* и др.;
- 3) междометия: *ну!, цыц!, бабушки!, увы, ах, ну и ну, надо же* и др.;
- 4) фразеологизмы со значением согласия/несогласия, побуждения, эмоциональной оценки: *как бы не так!, еще бы!, держи карман шире!, то-то и оно!* [10: 86].

Несмотря на отсутствие выделяемых членов предложения, нечлененные предложения не являются неполными. Они обладают в разговорной речи особой функциональной нагрузкой: восполняют недостающие средства коммуникации, эмоционально-экспрессивны, способствуют максимальной передаче собеседнику информации, при этом не содержат конкретного высказы-

вания. Как правило, в диалоге они выражают согласие или несогласие с каким-либо высказыванием собеседника, эмоциональную реакцию на высказывание, побуждение к действию, утверждение или отрицание [10: 87].

Сложность классификации нечленимых предложений определяется и неоднородностью конструкций, выполняющих одинаковую функцию – выражение эмоционального отношения к чужому высказыванию. Одни структуры обладают неноминативной семантикой, то есть не выражают суждения, например: – *Послушай, Илья Фомич, знаешь ли что? Поезжай ты сам.* – **Ну, вот еще:** *с ума сошел разве* (Н. Гоголь. Женитьба). Другие обладают номинативной семантикой и выражены фразеологизированной конструкцией, например: *Вы хотите в отпуск поехать на Байкал?* – **Ну как не хотеть!** Как уже говорилось, такие построения обозначают термином «фразеосхема», в РГ–80 они описаны как предложения фразеологизированной структуры [9: 383–386].

НП допускают классификацию по различным основаниям, что позволяет более или менее четко дифференцировать поле синтаксической фразеологии.

НП неоднородны прежде всего в семантическом плане. В.Ю. Меликян выделяет две основные их группы:

1) *построения с непонятийной (неноминативной) семантикой – коммуникемы* [6: 64];

2) *построения с понятийной (номинативной) семантикой – «фразеосхемы»*, термин был введен Д.Н. Шмелевым.

Нечленимые предложения	
непонятийная семантика	понятийная семантика
суждения не выражают	выражают суждение
коммуникемы (В.Ю. Меликян)	фразеосхемы (Д.Н. Шмелев)
Ревнуешь? – А то нет (утверждение)	Где же всем поможешь! (не поможешь всем)

Данную классификацию В.Ю. Меликян развивает и уточняет по характеру структурно-семантической слитности компонентов и выделяет четыре основных вида: **коммуникемы**, **фразеосинтаксические схемы**,

устойчивые модели и устойчивые обороты (паремия – крылатые выражения, пословицы, поговорки и другие устойчивые обороты).

В.Ю. Меликян относит **коммуникемы и фразеосинтаксические схемы** к ядру синтаксической фразеологии. **Устойчивые модели** не обладают такой степенью идиоматичности, чтобы включать их в эту группу, поэтому они вместе с **устойчивыми оборотами** находятся на периферии поля синтаксической фразеологии [5: 23].

Коммуникемы – это коммуникативная, непредикативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчлененно выражающая определенное непонятное смысловое содержание, не воспроизводящая структурных схем предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, лексически непроницаемая и нераспространяемая, по особым правилам сочетающаяся с другими высказываниями в тексте и выполняющая в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции [5: 35]. Например: **Ах ты! Елочки точеные!; Знаешь у меня!** Коммуникемы лишены номинативной функции и характеризуются наличием признака идиоматичности. При этом они экспрессивны, эмоциональны и поэтому воздействуют на слушателя, чтобы добиться необходимой реакции, убедить в наличии или отсутствии какого-либо факта.

Более последовательное рассмотрение в отечественной лингвистике получили НП с понятным содержанием, которым всегда приписывался синтаксический статус, а именно фразеосинтаксические схемы: **Без четверти девять. Вот тебе и новая конструкция!** (И. Грекова. Без улыбок); **Всем женихам жених; – Ну, хорошо, – говорит мастер, – ведьма так ведьма** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Синтаксическая фразеологизация охватывает как простое, так и сложное предложение. Объектом нашего исследования стали синтаксические фразеологизмы, построенные по модели простого предложения.

Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием

диктумной или/и модусной пропозиции, выражающая членимое понятийное смысловое содержание (т.е. равное суждению), обладающая грамматической и лексической частичной членимостью, проницаемостью, распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию [5: 116].

Синтаксическая схема таких построений включает в свой состав элементы двух уровней: обязательные (опорные) и факультативные (переменные). Таким образом, они всегда неоднокомпонентны. Опорные компоненты представляют собой переосмысленные слова или сочетания слов (например, **что за** в конструкции «Что за + **N₁**»), что обуславливает частичную грамматическую и лексико-семантическую нечленимость, идиоматичность и целостность таких высказываний, а также морфологические формы (например, **N₁** – имя существительное в именительном падеже), более или менее широко лексически варьируемые и заполняемые семантически актуальными словами, что позволяет говорить о частичной лексико-грамматической членимости этих построений.

Согласно современным исследованиям фразеологизированного простого предложения, в классе фразеосинтаксических схем можно выделить три разряда: **фразеосхемы-сращения, фразеосхемы-единства и фразеосхемы-сочетания** (строящиеся по живым синтаксическим моделям), которые отличаются степенью фразеологизации.

По мнению А.И. Остапенко, применение традиционной терминологии вызвано стремлением к универсализации научного аппарата. В данном случае роль терминов состоит в том, чтобы определить место описываемых единиц в системе фразеологии как общей, так и синтаксической [8: 54].

Первую группу построений составляют собственно фразеологизированные синтаксические структуры, в которых сочетания компонентов не отражают существующих типов синтаксических связей и являются в современном языке немотивированными. Обязательный опорный компонент полностью лишен своих прямых категориальных значений, то есть этимологическая связь с его прямым значением неактуальна. Это наиболее яркий вид фразеологизированных конструкций, собственно фразеологизмы. Отличительной чертой фразеосхем-сращений является моносемичность, семантическая

неделимость. «Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно – химическое соединение растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [3: 147]. Причина этого заключается «в утере первичного значения лексическими элементами, структурирующими опорный компонент подобных синтаксических построений. Отсутствие исходного значения в модели семантического переосмысления ограничивает потенции фразеосхемы в целом к семантическим трансформациям» [7: 239].

К фразеосхемам-сращениям относятся следующие конструкции: **Чем не + N₁ [Adj, Adv](?)!** (*Кого тебе еще нужно? Чем он тебе не муж* (И. Тургенев); **Всем + N₃ (мн.ч.) + N₁ (ед.ч.)!** (*Был он всем бойцам боец! И побывал, с кем вытало рубиться...* (М. Семенова); **Что бы + <N_{1,3}> + <не> + [V, N, Adv]!** (*Ему что бы прямо к прокурору, а он здесь застрял*); **То ли дело + N₁ [V, Adj, Adv, ...]!** (*То ли дело люди – страх для них и есть соблазн* (А. Битов); **То ли не + N₁ [V, Adj, Adv, ...](?)!** (*То ли не чудной старик?*); **Нет + чтоб(-ы) + <не> + Vinf [Vfinit, Adj, Adv, N₁, Pred]!** (*Нет, чтобы реально отомстить!*); **N₁ + не в + N₄** (*И – жизнь не в жизнь без твоего прощенья!*); **Как бы не + V inf [N, Adj, Adv]!** (*Как бы не заметили!*); **N₁ + он + <и> + в Африке + N₁!** (*Чехов он и в Африке Чехов*).

Нам представляется возможным квалифицировать схему **Как бы не + V inf [N, Adj, Adv]!**, а также схему **N₁ + он + и + в Африке + N₁!**, отмеченную в Большом словаре молодежного сленга, как фразеологизированные синтаксические структуры и отнести их фразеосхемам-сращениям.

Группу **фразеосхем-единств** составляют построения, в которых «... отношения между формирующими их компонентами отражают понятные носителям современного языка, но изменившиеся или устаревшие формы. Незаменяемый компонент здесь сохраняет живые категориальные связи с тем или иным классом слов» [11: 276], то есть обязательный опорный компонент в таких конструкциях сохраняет этимологические связи с определенным классом слов, на основе которого он и был сформирован.

Это фразеосхемы **Что + <это> + за + N₁(?)!** (*Что за прелесть!*); **Вот + N₁ [V, Adj, Adv]₍₆₎ + так + N₁ [V, Adj, Adv]!** (*Вот это свадьба так свадьба!*); **N₁ + как + N₁!** (*Рожа как рожа. Обыкновенно какая бывает у нашего брата!*

(И. Гончаров); **Ай + да +N₁ [V_i]!** (); **Тоже + мне +N₁ [V, Adj, Adv]!** (); **Один(-а, -и) + <только> + N₁ + чего стоит [стоил(-а, -и), стоят]!** (*Один гигант «Уралмаш» чего стоит!*); **До чего + <же> + < N₁> + Adj [Adv, V_{fin}it (п., н.вр.)]!** (*До чего же сладок алкогольный рынок! Из-за него чиновники выясняют отношения, не взирая на лица и не стесняясь в выражениях!* (Труд-7) и т.д.

В группу **фразеосхем-сочетаний** относятся «конструкции, образованные в соответствии с действующими синтаксическими нормами, но включающие в свой состав в качестве незаменимого компонента такие слова или сочетания, в которых, при сохранении категориальных значений, в той или иной степени ослабляется конкретное лексическое значение: такие слова и сочетания становятся обязательным формантом предикативной единицы определенного модального значения» [11: 278]. Синтаксические отношения между компонентами подобных построений неактуальны, несмотря на свою понятность и грамматическую правильность.

Я [мы, он, она, они] + тебе [вам, ему, ей, им] + дам [задам, покажу, пропишу] + <не> + V inf [V_{fin}it, N, Adj, Adv, ...]! (*Я собрался с силами и прохрипел: «Кто готов?! Я тебе дам готов». Ну тут все и забежали... (Комсомольская правда); Хорош(-а, -о, -и) + N₁ [V_{fin}it (п., н.вр.), Adv, Adj,...]!* (*К примеру, российские власти научились копить. Хорош научились! А почему же сидим в кризисе?* (РИА Новости); **Какой(-ая, -ое, -ие) + <он [это]> +N₁ [V_{fin}it, Adj, Adv](?)!** (*Какие перушки! Какой носок! И, верно, ангельский быть должен голосок!* (И. Крылов) и т.д.

Язык полифункционален. Но при этом функция общения занимает особое место, так как это не просто функции передачи и получения информации. Человек должен чувствовать себя комфортно при общении, следовательно, для этого необходимо правильное речевое поведение. Важно не только то, что говорит, мыслит человек, но важны и те средства, тот способ, которым он пользуется для их выражения. Это означает, что необходимо учить и тому, как построить то или иное высказывание, как выразить мысль, и тому, как говорить с другими людьми. Обучение говорению неотделимо от обучения речевому общению. Поэтому стилистическая сторона языка, и в частности, его синтаксических ресурсов занимает важное место.

В современном языке наблюдается тенденция к увеличению количества употребления нечлененых предложений, что свидетельствует о стремлении языка к устойчивости, системности, регулярности и объясняется такими наиболее характерными свойствами нечлененых синтаксических построений, как экономность, эмоциональность и высокой степени экспрессивность. НП выступает в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивной экспликации коммуникативного смысла.

НП представляют собой пласт языковых единиц, широко употребляемых в разговорной речи. Они отражают специфику языка, языкового мышления коммуникантов, стратегии общения между людьми.

В данной работе представлены упражнения, направленные на формирование языковой компетенции по усвоению и умению использовать нечлененые предложения и синтаксические фразеологизмы в речи, что облегчит и сделает более эффективным работу при изучении СФ в аудитории, поможет изучающим русский язык расширить синтаксический запас, усовершенствовать свое практическое владение языком за счет введения СФ.

1. Распределите выделенные нечлененые предложения на группы: 1) с неноминативной семантикой (коммуникемы) и 2) с номинативной семантикой (фразеосинтаксические схемы).

1) Заботник тоже! **Нет чтобы мать побережь...** (А. Мусатов). 2) Послушай, Илья Фомич, знаешь ли что? Поезжай ты сам. – **Ну, вот ещё:** с ума сошел разве? (Н. Гоголь). 3) А ведь без него **жизнь не в жизнь**, а книга – не удовольствие, а наказание какое-то («Известия»). 4) Как вы обращаетесь с экспонатами? **Что за петрушка!** Безобразие! (Ю. Домбровский). 5) А ты будешь с нами обедать? Ну а как же! (А. Чехов). 6) Эх слаб! **Ну куда им пить!** (Ю. Домбровский). 7) **Нет чтобы потратить время** на что-нибудь полезное (Комсомольская правда). 8) Я вам скажу, где Коля. – **Ни-ни-ни!** – вскинулся и засуетился впопыхах Лебедев (Ф. Достоевский). 9) А все-таки мы тебя вылечим! – **Ну, это дудки!** (И. Тургенев). 10) **Караул! Режут!** – закричал он (А. Чехов).

2. Выделите в следующих предложениях логический субъект и предикат действия, если это возможно.

1) – Вста-а-ть! Я попрошу! **Я тебе так попрошу, гад!** – И вдруг, закусив губу, он размахнулся и прямо-таки всадил сапог ему в колено. (Ю. Домбровский). 2) Так, что ли? **Хорош гусь!** Глебов сказал, что у других нет таких отношений с этим семейством, им легче. (Ю. Трифонов). 3) А в молодости без этого **жизнь не в жизнь** (Аргументы и факты). 4) – Один раз вы велели мне тридцать рублей отдать, так я и помню. – **Что бы тебе записывать?** – упрекнул его Обломов (И. Гончаров). 5) ... одна бы слеза могла удвоить его привязанность, сделать совершенным рабом. **Ну что бы тебе хоть притвориться!** Но теперь уже поздно (И. Гончаров).

3. Какое значение (диктумную или/и модусную пропозицию) выражают фразеохемы?

1) – Четвертной – как псу под хвост сунул. Свернул трубочкой и сунул. Но вспомнил, что он на ямах теперь будет зарабатывать по двести-двести пятьдесят рублей... И успокоился. «Да гори они синим огнем! – подумал. – **Жалеть еще**» (В. Шукшин). 2) – Я-то хорошо! Я про других. Я-то – дай Бог каждому! Я, допустим, прихожу с работы: «Ну, Нюся, давай корми». Она на стол картошку с мясом. Мясо у меня круглый год не выводится. Свиннота эта у меня вот здесь си. – Иван хлопнул себя по загривку. – **Ох уж и прожорливые же!**.. Иной раз взял бы ружье и пострелял всех... (В. Шукшин). 3) – **Ох уж эти мне планы** – вторые, и третьи, и четвертые (Ю. Домбровский). 4) – **Ох уж эти мне литераторы, ох уж эти мне поэты,** – сказал грек и опять превратился в отдыхающего с покупками немолодого человека (Ю. Тынянов). 5) Вытащила из печи пирог, постучала пальцем по корке и озлобленно плюнула. – Ну – засох! **Вот тебе и разогрела!** (М. Горький).

4. Распределите приведенные ниже фразеосхемы по группам в соответствии с типом выражаемого категориального значения: а) оценки, б) согласие/отрицания; в) целесообразность; г) невозможность; д) акцентирование; е) логическую обусловленность.

1) Она поморщилась. Все опять понемногу вставало на свои места. **То же мне террорист!** (Ю. Домбровский). 2) **Нет бы вспомнить?** Эти же существа не воют, они лишь попискивают (Д. Донцова). 3) Саша сначала отказ отослала, Да уж потом нам письмо показала. Мы уговаривать **чем не жених?** Молод, богат, да и нравом-то тих. (Н.А. Некрасов). 4) **Был он всем бойцам**

боец! И побывал, с кем выпало рубиться... (М. Семенова). 5) Я один как перст. **Что бы вам прийти позавчера?** Вы бы его еще застали (В. Катаев). б) **Что бы тебе не встретить в разговор!** Нет же, обязательно надо вставить словечко! 7) **То ли не рай?** Доля народа, Счастье его, Свет и свобода Прежде всего! (Н. Некрасов). 8) И хотя кресло у стола откидывалось, как в самолете, поза была неудобна. И **сон не в сон** («Звезда»). 9) **Вот глупости!** Очень мне нужно, – сказал Ростов, бросая письмо под стол (Л. Толстой). 10) **Ох уж эти мне сказочники!** Нет чтобы написать что-нибудь усладительное... (Ф. Достоевский). 11) **Какой там муж!** – обиделась, поджав губы, старуха (Ф. Горенштейн). 12) Как было не купить там квартиру? («Известия»).

Синтаксические фразеологизмы широко распространены в разговорной речи, которая занимает в коммуникативной деятельности любого человека ведущее место, и владение этим материалом необходимо иноязычным учащимся, иностранным филологам-русистам и переводчикам. Опыт показывает, что СФ трудны для изучающих русский язык как с точки зрения понимания, так и с позиции употребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абукаева Л.А.* Синтаксические фразеологизмы в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Йошкар-Ола, 2005. – 320 с.
2. *Величко А.В.* Разговорная речь и разговорный синтаксис в иностранной аудитории // X Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – СПб., 2003. – СС. 345–346.
3. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – СС. 140–161.
4. *Всеволодова М.В., Лим Су Ен.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. – М., 2002. – 164 с.
5. *Меликян В.Ю.* Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: Теория нечленимого предложения. – Ростов н/Д., 2002. – 243 с.

6. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения. – Ростов н/Д., 2004. – 288 с.
7. Меликян В.Ю. К проблеме построения типологии фразеосинтаксических схем русского языка // Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах. Выпуск 5. – Ставрополь, 2007. – СС. 237–246.
8. Остапенко А.И. Фразеологизированные сложноподчиненные предложения в системе языка: структурно-семантический, этимологический и фразеологический аспекты. Дисс ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2005. – 177 с.
9. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука. 1982. – 709 с.
10. Синтаксис современного русского языка. – СПб., 2008. – 347с.
11. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М., 2003. – 378 с.

**ՇԱՐԱՀՅՈՒՄԱԿԱՆ ԴԱՐՁՎԱԾԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ
ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ԴՐՎԱԾՔՆ ՈՒ ՄԵԹՈԴԱԿԱՆ
ՏԵՍԱՆԿՅՈՒՆՆԵՐԸ**

Ն.Ա. Դաշյան

naira.dashyan@rau.am

*Բ.գ.թ., Հայ-Ռուսական համալսարանի ռուսաց լեզվի
և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի ավագ դասախոս
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրած է ռուսերենի դարձվածային շարահյուսության կառուցվածքին, որի կառուցման առանձնահատկությունները դուրս են գալիս շարահյուսական կանոնավոր կապակցություններն ու օրինաչափությունների շրջանակներից: Դարձվածային շարահյուսական կառույցները հաղորդակցային շարահյուսության միավորներ են, հետևաբար և այդ կառույցների իմացու-

թյունը և կիրառումը անհրաժեշտ է բանավոր խոսքին ազատ տիրապետելու համար:

Բանալի բառեր՝ դարձվածաբանական շարահյուսական կառույցներ, շարահյուսական կանոնավոր կապակցություններ, հաղորդակցական շարահյուսության միավորներ, ռուսաց լեզվի ազատ տիրապետում:

THE STATUS AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF TEACHING SYNTACTIC PHRASEOLOGY

N. Dashyan

naira.dashyan@rau.am

*Candidate of Philological Sciences,
Senior Lecturer at the Department of Russian Language
and Professional Communication,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The research study is devoted to the illustration of the description of non-standard phraseological syntactic structures the peculiar features of which are beyond the accepted syntactic links and linguistic patterns. Phraseologized syntactic structures are units of communicative syntax, therefore, the knowledge and application of which is necessary for the fluency of the Russian language.

Keywords: phraseological syntactic structures, regular syntactic connections, units of communicative syntax, fluency in the Russian language.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 03 марта 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 21.03.2020 г.*

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ

Алла Алексеевна Руденко
aden58@mail.ru

*Преподаватель кафедры иностранных языков,
Международный университет «Евразия»
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В статье говорится о некоторых особенностях юридического дискурса как одной из форм институционального дискурса, о сложностях, которые возникают при обучении юридическому дискурсу, о важности и необходимости организации специальной работы по формированию у будущих юристов навыков и умений данного вида дискурса.

Ключевые слова: язык права, дискурсивная компетенция, юридический дискурс, институциональный дискурс, юридический документ, правовой акт.

Язык – это важное явление, средство коммуникации, определяющее отношения в обществе. Он неотделим от жизни общества, является связующим звеном между членами коллектива, представителями нации, народа, в нем отражается дух времени, он связан со всеми областями деятельности человека. Язык права регулирует отношения в обществе, оберегая систему ценностей, сохраняя культуру. Язык выступает посредником и выразителем отношений в обществе, средством выражения функций права.

Человек и общество находятся в определенной взаимосвязи, их интересы часто пересекаются и требуют определенного регулирования. Возникает необходимость построить общение, повести его в нужном направлении,

способствующем правильной коммуникации, правильному обмену информацией, согласованным действиям, которые приведут к ожидаемому результату. Роль координатора этих отношений выполняют закон и нормативные акты государственной власти. Законы регулируют взаимоотношения между людьми, защищают права человека и общества. Защита интересов граждан гарантируется юридическими документами, языком права, основой которого является юридический дискурс.

Юридический дискурс регулирует отношения как между отдельными гражданами, так и представителями юридического института, реализуется в ситуациях, свойственных правовой деятельности, в контексте социокультурных и исторических традиций.

Он реализуется в юридических текстах, которые выполняют информационно-воздействующую, познавательную, предписывающую функции, а также определяют позицию автора. Юридический субъект составляет документ, определяющий позицию юриспруденции, другой субъект (гражданин) воспринимает его. Коммуниканты вступают в диалог, воздействуют друг на друга, совершают социальное действие.

Под юридическим дискурсом специалистами обычно понимается текст права или его правовое содержание в момент его порождения, в динамике и в процессе толкования и разъяснения.

В научной литературе определяются следующие функции юридического дискурса: регулятивная, координирующая отношения между институтом и обществом; перформативная, отраженная в коммуникативных действиях; информативная, несущая определенную информацию; интерпретационная; кумулятивная функция; презентационная; кодовая [2: 536].

Выделяются такие тексты (жанры) юридического дискурса, как закон, судебная речь, законодательный акт, акт экспертизы. Тематика текстов юридического дискурса охватывает широкий спектр терминов и концептов права, а именно: доказательство, истина, истец, достоинство, свидетель, вина, закон, нарушение, клевета, право, правосудие, репутация, суд, мораль, честь.

Юридический дискурс выражается в коммуникативных ситуациях институционального вида, реализуется в деятельности судьи, прокурора, адвоката. Выбор формы юридического дискурса определяется целевой установ-

кой, коммуникативными функциями, различными правовыми текстами [3: 9].

Юридические тексты содержат большое количество специальных терминов, профессиональной лексики, что затрудняет решение коммуникативных задач, и традиционные методы обучения не обеспечивают необходимого уровня овладения языком.

Преподавание РКИ на юридическом факультете Международного университета Евразия сопряжено с рядом трудностей, поскольку обучение юридическому дискурсу в рамках овладения коммуникативной компетенцией осуществляется в отрыве от языковой среды. Ее отсутствие затрудняет формирование дискурсивной компетентности студентов, что отражается в неспособности достижения целей коммуникативного акта в конкретной ситуации профессионального общения, в нарушении норм статусно-ролевого общения.

Несформированность дискурсивной компетентности у студентов свидетельствует об отсутствии ясного понимания сущности и структуры последней, а также об отсутствии четкого и целостного системного подхода к ее формированию, о недостаточной разработанности форм и технологий формирования исследуемого феномена.

В связи с этим мы считаем, что программа обучения РКИ в нашем вузе должна быть пересмотрена и направлена, главным образом, на овладение студентами дискурсивной, прагматической и профессиональной компетенциями.

Дискурсивную компетенцию можно рассматривать как теоретическую и практическую готовность и способность студентов к реализации коммуникативной деятельности. Формирование дискурсивных навыков и умений должно начинаться с определения цели, средств ее достижения, подготовительного этапа, прогнозируемого результата, с разработки необходимых заданий и упражнений. Навык составления правовых документов и практическая деятельность студентов по изучению структуры жанров юридических документов является необходимым звеном в овладении дискурсивной компетенцией.

Формирование навыков и умений построения юридического дискурса невозможно без предварительной подготовки. Необходимо учитывать, что не все студенты одинаково подготовлены, готовы к восприятию структуры дискурсов. Приступая к работе, следует определить уровень владения русским языком и уровень подготовки студентов в сфере юриспруденции. Знакомство со структурой и особенностями собственно юридического дискурса должно проводиться на другом этапе, когда студент уже в достаточной степени владеет русским языком и как языком специальности, готов осмыслить и воспринять структуру юридического текста, а также понять стоящую перед ним задачу. Подготовка наших студентов, как мы считаем, необходимо начинать с работы над специальным текстом, предваряя и сопровождая его различными заданиями и упражнениями, развивающими и формирующими дискурсивную компетенцию.

В процессе занятий обрабатывается учебно-речевой материал, выполняются предтекстовые и послетекстовые задания, направленные на формирование коммуникативной компетенции (языковой, речевой, дискурсивной). Профессиональная лексика усваивается на материале специальных адаптированных и аутентичных текстов на русском языке. Предлагаемая нами система заданий способствует усвоению профессионально-терминологической лексики.

Текст помогает студентам воспринимать и усваивать лексико-грамматическую структуру языка, подготавливает и приближает студента к владению коммуникативной компетенцией. Как нам представляется, это начальная ступень в процессе овладения дискурсивной компетенцией. Изучаемый текст сопровождается определенными как некоммуникативными (подготовительными), так и коммуникативно-ориентированными упражнениями. Но, и это главное, работа должна быть направлена на формирование профессиональной языковой личности, конечного результата обучения будущего юриста.

В процессе занятий проводится работа по ознакомлению студентов со структурой правовых документов и рассматривается тот языковой и грамматический материал, который необходим для правильного составления документа. Затем объясняется структура построения документа, анализируется

документ, выполняются задания, направленные на предупреждение ошибок, затем студенты составляют по образцу свои правовые акты. В процессе работы по формированию юридического дискурса студентам следует предлагать больше заданий проблемного характера, активизирующих их познавательную и практическую деятельность, что и будет способствовать быстрому овладению дискурсом.

Работа по формированию юридической дискурсивной компетенции включает в себя рассмотрение, изучение и создание правовых документов, которые являются важной составляющей юридической деятельности.

Рассмотрим, например, такую форму правового документа, как правовой акт.

Согласно Закону Республики Армения «О правовых актах» от 2002 г., *«Правовой акт – это принятый народом Республики Армения, государственными органами или органами местного самоуправления, государственными или муниципальными учреждениями, а также юридическими лицами Республики Армения, их выделенными подразделениями или учреждениями в предусмотренных законом случаях и порядке в пределах их полномочий официальный письменный документ, которым устанавливаются подлежащие обязательному признанию, охране, защите, исполнению или применению права, обязанности, ответственность, ограничения или иные правила [1].*

В подобных документах трудно определить субъект и предикат, поскольку они отделены цепочкой однородных членов предложения (в данном случае – это существительные и словосочетания, стоящие в творительном падеже). Сложным является восприятие структуры документа со множеством однородных дополнений и определений. Умение определить субъект и предикат, выделить однородные дополнения и определения облегчает осмысление правового документа, помогает представить структуру данного документа и при составлении подобного документа правильно выбрать падежную форму.

Другая сложность состоит в том, что в правовых документах глагол используется в форме пассивного залога, что свойственно деловой структуре речи. Именно в пассивных конструкциях реализуется действенность закона:

гарантируется, определяется, обуславливается, устанавливаются, требуется, преследуется, подлежит исполнению.

Необходимо обратить внимание студентов на то, что в правовых актах предпочтителен прямой порядок слов. В них часто употребляются причастные и деепричастные обороты, используемые в научной речи, например: *в предусмотренных законом случаях, подлежащие обязательному признанию.*

Следует обратить внимание на употребление предлога *по* с существительными в предложном падеже: *по истечении (указанного срока), по завершении, по предъявлении (документа), по достижении (результата).*

К синтаксическим особенностям юридического документа является использование длинных предложений, безличных конструкций типа *рекомендовать органам местного самоуправления*; вводных слов; именных частей речи в форме родительного падежа; употребление таких слов, как *в связи с..., в этой связи..., с целью..., на основании..., ввиду.*

Нормативный акт не должен содержать эмоционально-оценочной и устаревшей лексики, должен быть логически целостным, точным и ясным.

Представим некоторые виды упражнений, используемых нами для формирования навыков и умений построения юридического дискурса при обучении РКИ будущих юристов.

• А. Среди данных ниже слов найдите однокоренные к словам *право, суд, мера, закон, порядок, защита, вина.*

Судопроизводство, законодательство, правопорядок, осужденный, виновный, подзащитный, закономерность, правосудие, правоведение, обвинение, правозащитник, правомерный, закономерный, узаконить, законопроект, законодатель.

Б. Объясните значение однокоренных слов.

В. Выделите слова со следующими значениями: *положение закона, отношение к праву, отношение субъекта к праву, устройство суда.*

• Укажите ключевые глаголы.

• Замените данные ниже глаголы однокоренными существительными.

С полученными существительными составьте предложения.

Обсуждать, обвинять, защищать, осуждать, запрещать, определять, наблюдать, наказывать, вести, ввести, соотносить.

• Измените данные предложения. Работайте по образцу: *Закон устанавливает порядок. – Порядок устанавливается законом.*

Конституция гарантирует равноправие граждан. Руководство предприятия поощряет соблюдение дисциплины. Государство поддерживает развитие образования. Эта статья закона определяет меру наказания.

• Составить словосочетания и предложения с данными словами:

Разрабатывать/разработать (что?), обсуждать/обсудить (что?), обвинять/обвинить (кого? в чем?), осуждать/осудить (кого? за что?), узаконить право (на что?), запрещать/запретить (кому? что?), определять/определить (что?), соотносить/соотнести (что с чем?), разграничивать/разграничить (что? от чего?), отметить/отмечать (что? где?), касаться/коснуться (чего?).

• Определите тему и выявите проблемы, поднятые в тексте. Озаглавьте текст так, чтобы заглавие отражало: а) тему текста; б) проблемы, поднятые в тексте.

• Скажите, повтор каких грамматических форм способствует пониманию и развитию основной мысли.

• Выделите в предложении ключевые слова и на их основе сформулируйте фразу по-новому.

• Разделите текст на абзацы.

• Расположите абзацы текста в правильном порядке.

• Задайте друг другу вопросы по тексту.

• Прокомментируйте текст: оцените его актуальность, значимость, информативность.

Приведем пример заданий, специально ориентированных на развитие дискурсивной компетенции.

1. К какому стилю относится данный документ? Что свойственно данному стилю? Обоснуйте свой ответ.

2. Какие синтаксические конструкции используются в данном правовом документе (исковом заявлении, договоре, жалобе...)? Почему? Можно ли их заменить другими конструкциями? Можно изменить порядок слов в документе? Изменится ли смысл документа?

3. Какие основные данные должны быть указаны в исковом заявлении (договоре, жалобе)? Важно ли их отсутствие? Обоснуйте свой ответ.

4. Составьте диалог с использованием следующих слов и выражений: *просьба помочь в решении вопроса, обращение за консультацией, оформить иск, спорные вопросы наследства, представленные документы.*

5. Представьте диалог по данной коммуникативной ситуации: *к Вам обращается гражданин с просьбой помочь в составлении искового заявления (договора, жалобы).* Объясните истцу, как следует составить исковое заявление (договор, жалобу), из каких частей оно состоит и что следует включить в его содержание.

6. Прочитайте вариант договора (искового заявления, жалобы) с ошибками. Найдите и исправьте имеющиеся ошибки.

7. Выскажите свое мнение по какому-либо спорному вопросу, используя выражения: *я недоумеваю по поводу того, что...; мне кажется; думаю, следует поступить таким образом; могу предложить такое решение вопроса; давайте попытаемся договориться; я считаю, что удастся урегулировать проблему.*

8. Составьте исковое заявление (жалобу) по данной ситуации: *Гаспарян Арсен Седракович дал на время свою машину другу. А друг, Микаелян Гурген Бабкенович, отказывается вернуть ее владельцу.*

В работе над другим правовым документом, присягой, следует обратить внимание студентов на перформативные глаголы.

Я, ФИО: в своей профессиональной деятельности клянусь строго соблюдать законодательство Армении, международные акты о правах о свободах человека, правила адвокатской этики, с высокой гражданской ответственностью выполнять возложенные на меня обязанности, быть всегда справедливым и принципиальным, честным и внимательным к людям, строго хранить адвокатскую тайну, везде и всегда беречь чистоту звания адвоката, быть верным Присяге.

Студентам объясняется, какие глаголы считаются перформативными, они выделяют эти глаголы, определяют, в какой форме они представлены, затем выявляют слово, на которое должен быть сделан основной акцент. Обращаем внимание студентов на то, что перформативные глаголы не должны

употребляться в форме прошедшего и будущего времени, не должны содержать модальных слов. Используя перформативные глаголы, студенты начинают понимать, что в речи говорящего должна проявляться искренность, правдивость. Это глаголы действия, они отличаются признаком обязательности, отличаются свойством побудительности и внушаемости, пронизаны доверительностью. Действие и направленность перформативных глаголов усиливается за счет их сочетания с модальными глаголами «должен», «обязан» и другими.

Успешному достижению цели обучения способствует понимание сущности юриспруденции. Формирование юридического дискурса требует внимательного изучения, применения на практике текстов данной направленности, разработки заданий и упражнений, формирующих данную компетенцию. Юристам необходимо владеть данной компетенцией, так как юридический дискурс как одна из форм институционального дискурса влияет на развитие и регулирование процессов и отношений в обществе.

По мнению И.В. Палашевской, «признаком институционального дискурса <...> является выполнение социальной потребности общества организовать свои социальные связи, упорядочить их, регулировать и управлять ими» [2: 535].

Как нами уже отмечалось выше, юридический дискурс, который играет важную роль в процессе организации коммуникативного процесса между участниками, направлен на закрепление правовых норм, налаживание отношений в обществе в контексте социокультурных и исторических традиций. Он считается одним из актуальных дискурсов современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Армения от 29 апреля 2002 года №ЗР-320 «О правовых актах» (Принят Национальным Собранием РА 3 апреля 2002г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=19491 (Дата обращения: 15.01.2020г.).
2. Палашевская И.В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Изв. Самар. научн. центра Рос. акад. наук. – 2010. – Т.12. – №5(2). – СС. 535–640.

3. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.19 / Палашевская Ирина Владимировна; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. – Волгоград, 2012. – 40 с.
4. Якунина Л.Д. Обучение пересказу на иностранном языке при подготовке самостоятельного чтения // Международный научный журнал «Молодой ученый», 2016. – №7. – СС. 81–82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/111/27427/> (Дата обращения: 12.01.2019г.).

**ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԽՈՍՈՒՅԹԻ ՀՄՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ԶԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ՈՐՈՇ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ
ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՄԵԹՈԴՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ**

Ա.Ա. Ռուդենկո

aden58@mail.ru

*Օտար լեզուների ամբիոնի դասախոս,
«Եվրասիա» միջազգային համալսարան,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում խոսվում է իրավաբանական խոսույթի՝ որպես ինստիտուցիոնալ խոսույթի ձևերից մեկի որոշ առանձնահատկությունների, իրավաբանական խոսույթի ուսուցման ժամանակ ծագող բարդությունների, ապագա իրավաբանների մոտ տվյալ խոսույթի հմտությունների և կարողությունների ձևավորման հատուկ աշխատանք կազմակերպելու անհրաժեշտության և կարևորության մասին:

Բանալի բառեր՝ իրավունքի լեզու, խոսույթային կոմպլեքտենցիա, իրավաբանական խոսույթ, ինստիտուցիոնալ խոսույթ, իրավաբանական փաստաթուղթ, իրավական ակտ:

SOME APPROACHES TO BUILDING THE SKILLS OF JURIDICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF MODERN TEACHING METHODS

A. Rudenko

aden58@mail.ru

*Lecturer at the Department of Foreign Languages,
International university «Eurasia»,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article discusses some peculiarities of juridical discourse as a form of institutional discourse, the difficulties that arise in teaching legal discourse, the importance and necessity of organizing special work to train future lawyers in the skills and competences of this type of discourse.

Keywords: language of law, discourse competence, Juridical discourse, institutional discourse, legal document, legal act.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 16 февраля 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 07.03.2020 г.*

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМАНТЫ ПРОИЗВОДНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИВНОСТИ
В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ:
СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Арменуи Суреновна Акопян
hakmina@yandex.ru, hakobyan.armenuhi04@aspu.am

*Преподаватель кафедры русского языка
Армянский государственный педагогический
университет имени Хачатура Абовяна
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Основной целью данной статьи является изучение словообразовательных формантов (деривационных аффиксов) производных прилагательных со значением интенсивности, а также выявление сходств и различий при сопоставительном анализе русского и армянского языков.

Ключевые слова: словообразовательный формант, деривационный аффикс, значение интенсивности, префиксальный дериват, эквивалентность.

Словообразование – особенно в плане сопоставления систем разных языков – до сих пор остается областью гораздо менее разработанной, чем грамматика. Это объясняется сложностью словообразовательных систем рассматриваемых языков. «Между тем знание словообразовательных закономерностей и особенностей изучаемого (русского) языка, вскрытых на фоне родного (армянского), позволило бы изучать и усваивать значительную часть

лексики не в словарном порядке, а методами изучения грамматических явлений» [7: 4].

Сопоставительный анализ изучаемых нами языков более выпукло очерчивает специфику того и другого языка, чем сопоставление в кругу близкородственных языков.

Сравнение русского и армянского материала может способствовать также представлению о том, как далеко могут простираться сходства и различия дальнеродственных языков на уровне словообразования, а также выделению специфических черт сравниваемых языков в их отношении друг к другу.

Рассматривая вопрос об эквивалентности словообразовательных формантов (аффиксов) в русском и армянском языках, имея в виду наличие последних в структуре собственно производных прилагательных, правомерно считать их главным, определяющим выразителем словообразовательного значения.

Таким образом, традиционное выделение способов словообразования – префиксальный, суффиксальный и др. – отразило в сущности определяющую роль соответствующих деривационных морфем в актах словообразования [3: 280].

В отличие от русского языка (и суффиксация, и префиксация занимают одинаковую позицию на словообразовательном уровне), в армянском языке ведущую роль в образовании имен прилагательных со значением интенсивности играет суффиксация. Однако наша главная задача – выяснить, какие деривационные аффиксы (преимущественно префиксы), характеризующие производные прилагательные современного армянского языка, соответствуют тому или иному словообразовательному типу в русском языке¹. Как отмечает С.К. Казарян, «префиксация здесь занимает небольшое место, относительное расширение сферы ее действия в современном армянском языке связывается с влиянием русского» [6: 357].

¹ Деривационные суффиксы со значением интенсивности качества рассмотрены нами в рамках другой исследовательской работы [см. 3].

В первую очередь отметим, что русскому термину *аффикс* в армянском языке соответствует термин *իմասից*. Эквивалентами словообразовательных аффиксов – *префикса* и *суффикса* – в армянском языке выступают соответствующие термины *նախիմասից* и *վերջիմասից*.

В отличие от суффиксального способа образования производных прилагательных, префиксация в разных языках характеризуется заметной автономностью – как дистрибутивной, так и семантической. Префиксальные дериваты, как правило, являются отадъективными образованиями, то есть мотивируются именами прилагательными.

Таким образом, префиксы, не менее активно участвующие в процессе образования производных прилагательных, не выполняют роли транспонирующего средства. Переход одной части речи в другую осуществляется только с помощью суффиксов, присоединение же префикса обычно не изменяет принадлежности слова к определенной части речи. М. Докулил объясняет это тем, что «префиксация в принципе детерминирует (модифицирует) изменяемое слово как лексему (совокупность всех его форм) и потому не меняет его часть речи...» [5: 27].

Кроме того, если суффиксы способны изменять значение слова, то префиксы существенно не меняют значения слова, а только добавляют определенный семантический оттенок. С другой стороны, значительная часть префиксов, сочетаясь с адъективными основами, сохраняет ясно выраженный семантический инвариант. Так, например, префиксы *архи-*, *пре-*, *раз-*, *сверх-*, *супер-*, *ультра-* и др. употребляются для выражения высшей степени признака, заключающегося во второй части слова, то есть в мотивирующем прилагательном. Необходимо выяснить отношения эквивалентности данных префиксальных образований в сравниваемых языках.

Сопоставительный анализ двух неблизкородственных языков, произведенный на основе богатого практического материала, показал, что рассматриваемые приставки имеют своими эквивалентами в армянском языке сравнительно небольшое число префиксальных образований. Иными словами, если при суффиксации в сопоставимом армянском языке обнаруживаются морфемно более информативные конструкции, то префиксация, как один из «формальных» способов передачи значения интенсивности качества произ-

водных прилагательных, в силу своей автономности ограничивает образование подобных конструкций.

К числу наиболее распространенных и продуктивных приставок армянского языка можно отнести префикс **գեր-**, выражающий высшую степень проявления признака и выступающий в качестве эквивалента приставок *архи-*, *сверх-*, *ультра-*, частично *пре-*, *раз-*. Н-р.: *сверхдальний* – *գերհեռու վր*, *сверхмощный* – *գերհզոր*, *сверхскоростной* – *գերարագ*, *ультракороткий* – *գերկարճ*, *премудрый* – *գերիմաստուն* и т.д.².

1) *Յուշիտերի հայտնի տասներկու արբանյակներից վերջին երկուսը հայտնաբերվել են համեմատաբար վերջերս գերհզոր աստղադիտակների օգնությամբ* [Գրիգոր Գուրզադյան. Տիեզերքի ավի մեջ, 2005]; 2) *Այդ ո՞ր վեհապանձ անդորրության բարձունքից էր գերիմաստուն մարգարեություններ ինձ ասում* [Ֆեոդոր Դասունկսի. Ոճիր և պատիժ, 1980]³.

Необходимо подчеркнуть, что префиксальным прилагательным в армянском языке соответствуют адъективные дериваты, в образовании которых активно участвуют не только префиксы, но и суффиксы. Так, приставкам *пре-*, *раз-*, *наи-* равнозначен суффикс **-(ա)զույն**, обозначающий не только высшую степень качества или свойства, но и употребляющийся при образовании превосходной степени качественных прилагательных. В этом отношении данный словообразовательный суффикс с семантической и функциональной точек зрения идентичен префиксу *наи-*. Ср.: *премудрый* – *իմաստնազույն*, *расчудесный* – *արանշելազույն*, *наилучший* – *լավազույն*, *наиважнейший* – *կարևորազույն*, *наипростейший* – *պարզազույն* и т.д.

С. Элоян, интенсивно занимающаяся изучением словообразовательных аффиксов армянского языка, отмечает, что «в современном армянском языке суффикс **-(ա)զույն**, будучи выразителем превосходной степени качественных прилагательных, начинает восприниматься как суффикс, обладающий

² Все возможные варианты эквивалентных образований предложены А.С. Гарибяном. Следовательно, наши наблюдения будут проводиться на основе данных Русско-армянского словаря А.С. Гарибяна [4].

³ В качестве основного иллюстративного материала мы использовали примеры из Национальных корпусов русского и армянского языков.

собственным словообразовательным значением, как и многие адъективные суффиксы» [1: 141, перевод наш].

В качестве строевого элемента выступает также синонимичный суффиксу *-(ա)զույն* префикс **ամենա-**, тоже не лишенный возможности участвовать в образовании превосходной степени качественных прилагательных. Ср.: *наидобрейший* – *ամենաբարի*, *наилучший* – *ամենալավ*, *прескучный* – *ամենաձանձրալի* и т.п. Кроме того, данную приставку можно считать равнозначной префиксу *все-*, характеризующемуся исчерпывающей полнотой качества. Ср.: *всесильный* – *ամենազոր*, *всепокорнейший* – *ամենախոնարհ*, *ամենահեզ*, *ամենահյուս*; *всесовершеннейший* – *ամենակատարյալ* и др.

1) **Ամենազոր լինելի, կարողանալի վերադարձնել նրա կորած, գոհացված գիտակցությունը** [Մկրտիչ Սարգսյան. Չմականվող արյուն]; 2) **Կատարյալ խեղատակ, ավելի կատարյալ խենթ և ամենակատարյալ օրհորդ** [Վիլյամ Շեքսպիր. Միրո ապարդյուն ճիգերը, 1953].

Изучение отношений эквивалентности различных конструкций сравниваемых языков привело к выделению характерных для армянского языка образований, представляющих собой комбинацию двух разных частей речи: наречия **շատ** (*շափազանց*, *խիստ*) и производящего прилагательного. Так, например, посредством различных словосочетаний передается основное значение словообразовательных префиксов *пре-*, *раз-*. Н-р.: *предобрый* – *շափազանց բարի*, *շատ բարեւիր*; *пребогатый* – *շատ հարուստ*, *խիստ հարուստ*; *премудрый* – *շատ իմաստուն*, *անշափ խելացի*; *распрекрасный* – *շատ գեղեցիկ*.

Таким образом, основное значение, заключающееся в производящем прилагательном, усиливается первым компонентом словосочетания. Будучи самостоятельной лексемой, этот компонент обеспечивает семантическую целостность данного словосочетания.

Отадъективные прилагательные могут создаваться и посредством префиксов иностранного происхождения *ультра-* и *экстра-*, имеющих своими эквивалентами в армянском языке помимо одноименных *պլուրի-* и *էքստրի-*, префиксы **գեր-**, **անըր-**, **արտ(ա)-**. Обе приставки, заимствованные

из латинского языка, выражают чрезмерную степень признака и обозначают «сверх, более (какой-либо меры, предела)». Значение префикса *ультра-* передается равнозначной приставкой *անդր*⁴. Ср.: *ультразвуковой* – *անդրձայնային*, *ультракороткий* – *գերկարճ, ուլտրակարճ* и др.

1) *Հենց դրանով էլ բացատրվում է ուլտրաձայնային տեղակայանքների լայն օգտագործումը տեխնիկայում և գիտության մեջ* [Լեոնիդ Ժդանով, Վազգեն Մառանջյան. Ֆիզիկայի դասընթաց, մաս 1, 1975]; 2) *Հիմնական աշխատությունները վերաբերում են ուլտրակարճ ալիքների տիրույթում ռադիոալիքների տարածման հարցերին* [Հայկական սովետական հանրագիտարան, հ. 11, 1985]:

Наименее частотны в армянском языке адъективные дериваты, образованные путем присоединения к производящему прилагательному префикса *экстра-* (*արտ(ա)-*) со значением «сверх меры, чересчур». К числу немногочисленных конструкций следует отнести образования типа *արտակարգ, արտասովոր* как эквиваленты прилагательного *экстраординарный*. Это объясняется тем, что русский язык не изобилует подобными конструкциями, не получившими широкого распространения ни в одном из изучаемых языков.

Примечательно, что армянские прилагательные *արտակարգ, արտասովոր* эквивалентны русскому прилагательному *экстраординарный* только в значении «выходящий из ряда обычных явлений, необычайный».

1) *Հանձարեղության հասնող արտակարգ ստանդի հետ մեկտեղ, օժտված էր նաև արտակարգ համեստությամբ* [Լիդա Գևորգյան, Խորեն Պալյան. Լուսինե, 1999]; 2) *Հնդկական սպիտակ շղարշից կարված հագուստի մեջ բարեկազմ Լուիզա Պոյնդեքստերը իսկապես որ արտասովոր գեղեցկություն ուներ* [Մայն Ռիդ. Անգլուխ ձիավորը]:

К примеру, мы не можем передать значение усиления качества словосочетанием *արտակարգ նիստ* (экстренное заседание), содержащим значе-

⁴ Хотя в древнеармянском языке (грабаре) эта приставка первоначально выражала значение «за пределами, по ту сторону», с течением времени она утратила актуальность и в современном армянском языке стала малоупотребительной.

ние «внеочередной» (ср. также *արիտհերթ*, *արիտհաաւորարիտհին*, *արիտհիտհիտհին*). Не случайно, что приставка *արի-* еще в древнеармянском языке означала «граница, граница, граница» (ср. *արիտհաաւորարիտհին* – заграничный) [2: 266].

Итак, специфика армянского языка состоит в том, что вариантность различных способов передачи исследуемого значения широка и многогранна. Широкий спектр указанных моделей позволяет выделить характерные особенности одного языка в сравнении с другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Հրոյան Ա. Ա.* Ածանցները ժամանակակից հայերենում: – Եր., ՀՄՄՀ ԳԱ հրատ., 1963: – 242 էջ:
2. *Սուրիաշյան Ա. Ա.* Ժամանակակից հայոց լեզու (4-րդ հրատ.): – Եր., Երևանի համալս. հրատ., 2004: – 352 էջ:
3. *Акопян А. С.* Русские прилагательные со значением интенсивности и их словообразовательные эквиваленты в армянском языке. // Сб. научных статей IV Международной научно-практической конференции «Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике» (26–28 сентября 2019 г.). – Ереван: Изд-во РАУ, 2019. – Часть 2. – 348 с.
4. *Гарибян А. С.* Русско-армянский словарь. В одном томе, 2-е изд-е. – Ер.: Айастан, 1977. – 1435 с.
5. *Докулил М.* Структура постосновного словообразовательного форманта (к суффиксальной и безаффиксной деривации в славянских языках). // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – 272 с.
6. *Казарян С. К.* Современный армянский язык и роль русского языка в его обогащении и развитии. Ер.: АН Арм. ССР, 1955, 579 с.
7. *Манучарян Р. С.* Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. – Ер.: Луйс, 1981. – 314 с.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

1. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru/new/)
2. Eastern Armenian National Corpus (www.eanc.net)

**ԻՆՏԵՆՍԻՎՈՒԹՅԱՆ ՆՇԱՆԱԿՈՒԹՅԱՄԲ ԱԾԱՆՑԱՎՈՐ
ԱԾԱԿԱՆՆԵՐԻ ԲԱՌԱԿԱԶՄԱԿԱՆ ՀԱՄԱՐԺԵՔՆԵՐԸ
ՌՈՒՍԵՐԵՆՈՒՄ ԵՎ ՀԱՅԵՐԵՆՈՒՄ:
ՆՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ՏԱՐԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆ**

Ա.Ս. Հակոբյան

hakmina@yandex.ru, hakobyan.armenuhi04@aspu.am

*Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական
համալսարանի ուսաց լեզվի ամբիոնի դասախոս
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածի հիմնական նպատակն ինտենսիվության նշանակությամբ ածանցավոր ածականների բառակազմական ձևային ուսումնասիրումն է, ինչպես նաև ուսերենի և հայերենի համեմատական վերլուծության ժամանակ նմանությունների և տարբերությունների բացահայտումը:

Բանալի բառեր` բառակազմական ձևային, բառակազմական ածանց, ինտենսիվության նշանակություն, նախաձանցավոր ածանցյալ, համարժեքություն:

**WORD FORMATION FORMANTS OF DERIVED ADJECTIVES
WITH INTENSITY MEANING IN THE RUSSIAN AND ARMENIAN
LANGUAGES: SIMILARITY AND DIFFERENCE**

A. Hakobyan

hakmina@yandex.ru, hakobyan.armenuhi04@aspu.am

*Lecturer at the Department of Russian Language,
Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The main purpose of this article is to find out the word formation formants (derivational formants) of derived adjectives with intensity meaning, and also to detect similarities and differences under the comparative analysis of the Russian and Armenian languages.

Keywords: word formation formant, derivational formant, intensity meaning, prefixal derivative, equivalence.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 01 апреля 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 21.04.2020 г.*

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Соня Ашотовна Будагян

budaghyan-sonya@mail.ru

*К.п.н., преподаватель кафедры русского и славянских языков
Государственный университет имени В.Я. Брюсова
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Преподавание русского префиксального глагольного словообразования на фоне армянского языка позволяет наглядно проиллюстрировать типологические расхождения: в современном армянском языке префиксальное глагольное словообразование отсутствует, тогда как в системе русского глагола оно является очень продуктивным и играет существенную роль. В армянском языке многие значения префиксальных глаголов просто не дифференцируются в пределах одной лексической единицы, а передаются либо описательными оборотами, либо вообще не различаются. Таким образом, изучение префиксального глагольного словообразования в армянской школе вызывает серьезные затруднения у учащихся и требует специально разработанной системы обучения.

Ключевые слова: глагольное словообразование, русский язык, армянский язык, система обучения, РКИ.

Сопоставительное изучение системных закономерностей родного и иностранного языков позволяет выделить как универсальные, так и специфические явления на различных языковых уровнях. При изучении явлений, имеющих аналоги в родном языке, создается возможность переноса знаний и

навыков родного языка на иностранный, и, напротив, при выявлении специфических характеристик, не имеющих аналогов в родном языке, необходимо учитывать интерферирующее воздействие родного языка при обучении данному явлению в иностранном языке. «Сопоставительное изучение языков может вестись, – считает Л. Козлова, – как на уровне всей лексической, грамматической или фонетической системы, так и на уровне отдельных подсистем или грамматических классов слов, при условии, что сопоставления отдельных элементов проводятся с учетом системных закономерностей» [6: 73]. Как отмечает Л. Щерба, «... изучение иностранного языка является, с одной стороны, наилучшим средством для познания родного языка, а с другой – для философского его преодоления и для развития диалектического мышления. Но если велико значение иностранного языка для родного, то справедливо громадное значение родного языка для изучения иностранного» [7: 341].

И далее Л. Щерба отмечает, что «... родной язык и иностранный язык образуют тесно связанную пару предметов, являясь филологической основой всего образования, и немислимы один без другого» [8: 363]: «... мы должны признать раз и навсегда, что родной язык учащихся участвует в наших уроках иностранного языка» [9: 343].

Именно поэтому мы попытаемся выявить особенности глагольного словообразования в русском и армянском языках, выделить сходства и расхождения в сопоставляемых языках.

При сопоставлении двух языков, как известно, выявляются следующие типы расхождений:

- языковое явление присутствует в изучаемом языке, но отсутствует в родном языке учащихся;
- языковое явление присутствует в обоих языках, но различается по способу выражения и выполняемым функциям;
- языковое явление отсутствует в изучаемом языке и наличествует только в родном языке учащихся.

Из этих трех основных типов расхождений на всех этапах обучения наибольшую трудность представляет первый, поскольку в этом случае основная задача учителя состоит в том, чтобы сформировать новые понятия и

модели в языковом сознании учащихся. Учитель должен действовать практически, а для этого надо выяснить, что нашим учащимся трудно в русском языке, в чем они особенно часто ошибаются, и соответственным образом ориентировать свою работу.

Преподавание русского префиксального глагольного словообразования на фоне армянского языка позволяет наглядно проиллюстрировать первый тип расхождений, так как в современном армянском языке, как признано лингвистами, префиксальное глагольное словообразование отсутствует, тогда как в системе русского глагола оно является очень продуктивным и играет существенную роль.

Исследователями отмечается, что «наиболее продуктивным способом обогащения лексики армянского языка является внутренний путь образования новых слов посредством сложения и аффиксации» [4: 3]. Отсутствие в армянском языке такого продуктивного для русского языка префиксального глагольного словообразования представляет известную трудность для носителей армянского языка при осознании, восприятии, распознавании, усвоении и воспроизведении вышеназванного способа словообразования, так как у таких учащихся «... формировать в сознании новую, неизвестную им из родного языка <...> категорию возможно лишь путем тщательно продуманной, лингвистически и психологически обоснованной и рационально построенной системы упражнений» [2: 53].

Сопоставительный анализ поможет выявить сходства, которые могут быть изучены с опорой на родной язык учащихся (все способы глагольного словообразования), и выявить различия, которые не находят опоры в родном языке учащихся (префиксальное глагольное словообразование) и требуют тренировки для привития умений и навыков.

Наш опыт преподавания подтвердил верность вывода Л. Щербы о том, что «... можно изгнать родной язык из процесса обучения (и тем самым обеднить этот процесс, не давая иностранному языку никакого оружия для самозащиты против влияния родного), но изгнать родной язык из голов учащихся... – невозможно» [8: 62].

В процессе сопоставительного анализа мы опирались на известные исследования Р.С. Манучаряна «Словообразовательные значения и формы в

русском и армянском языках» (Ереван, 1981) и Е.П. Арустамяна «Вопросы методики преподавания русской грамматики в армянской школе и трудности изучения некоторых ее категорий» (Ереван, 1973).

Рассмотрим состав слова в русском и армянском языке. Как известно, и в русском, и в армянском языке обязательным является наличие корня: *дом, տնի; дом-ик, տնի-ի; глад-и-ть, ցրընի-ել*. Наличие аффиксов тоже является общим. Однако в армянском и русском языках некоторые морфемы выполняют разные функции. В армянском языке роль приставки выполняют морфемы (նիսիւծիւծիւցնիւթ), меняющие лексическое значение слова: *տ-գետ, ցիւ-նը*. В русском же языке есть не только приставки, меняющие лексическое значение слова (*говорить – подговорить – уговорить*), но и приставки, не меняющие его (*говорить – поговорить, читать – прочитать*).

Словообразовательных постфиксов, т.е. суффиксов, следующих за флексиями (типа русского *-ся*), в армянском языке нет. В армянском языке суффиксы, по сравнению с префиксами, занимают большое место.

Способы словообразования в русском и армянском языке отличаются также по степени продуктивности: префиксальное глагольное словообразование в армянском языке не является настолько продуктивным способом словообразования, как в русском. И, как отмечают многие лингвисты, префиксация в армянском языке не только занимает небольшое место, но и относительно расширение сферы ее действия в современном армянском языке, по их мнению, связывается с влиянием именно русского языка.

Перейдем к рассмотрению глагольных приставок. Образование новых глаголов посредством приставок имеет очень сложный механизм. Префиксы, сочетаясь с глаголами, вносят новые, добавочные значения в основное значение глаголов.

В глагольных префиксах обнаруживается вся словообразовательная гибкость русского языка для выражения содержания мыслей, чувств, переживаний. Поэтому классики русской литературы широко используют глагольные приставки как один из способов создания разветвленных значений и вариантов значений. Это подтверждается фактами из произведений корифеев русской литературы: А. Пушкина, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Чехова, Л. Толстого и др. Приведем лишь один иллюстративный пример. художе-

ственный язык Л.Н. Толстого очень богат. Есть факт использования глагола «**вести**» с 16-ю различными префиксами: **навести, привести, завести, довести, увести, свести, подвести, отвести, развести, обвести, взвести, ввести, извести, вывести, провести, подвести.**

Отметим здесь, что в вопросе продуктивности глагольных приставок нет единого мнения. Так, Г.Н. Аверьянова считает, что в современном русском глагольном словообразовании продуктивны 22 глагольные приставки [1: 4]:

<i>в-</i> (<i>во-</i>)	<i>из-</i> (<i>ис, изо-</i>)	<i>обез-</i> (<i>обес-</i>)	<i>пре-</i>	<i>с-</i> (<i>со-</i>)
<i>вз</i> (<i>взо-, вс-, воз-</i>)	<i>на-</i>	<i>от-</i> (<i>ото-</i>)	<i>пред-</i> (<i>предо-</i>)	<i>у-</i>
<i>вы-</i>	<i>над-</i> (<i>надо-</i>)	<i>пере-</i>	<i>при-</i>	
<i>до-</i>	<i>недо-</i>	<i>по-</i>	<i>про-</i>	
<i>за-</i>	<i>о-</i> (<i>об-, обо-</i>)	<i>под-</i> (<i>подо-</i>)	<i>раз-</i> (<i>рас-, разо-, рос-</i>)	

Другие учёные [5: 148–151] считают, что в современном русском литературном языке активны 18 простых продуктивных приставок, которые участвуют в процессе внутриглагольного образования: **в-** (**во-**), **вз** (**вс-, взо-, воз-**), **вы-**, **до-**, **за-**, **из-** (**ис-, изо-**), **на-**, **над-** (**надо-**), **о-** (**об-, обо-**), **от-** (**ото-**), **пере-**, **по-**, **под-** (**подо-**), **при-**, **про-**, **раз-** (**рас-, разо-, рос-**), **с-** (**со-**), **у-**.

Кроме указанных приставок, есть две сложные приставки: **недо-** и **обез-** (**обес-**). Приставка **недо-** состоит из **не-** и **до-**: **недобрать, недослышать**. Она указывает на неполноту, недостаточность действия. Приставка **обез-** (**обес-**) состоит из двух элементов **о-** и **без-**: **обезволить, обесценить, обессилить**; она придает значение лишения, потери и удаления чего-либо.

При изучении глагольных приставок в армянской школе возникают большие трудности, учащиеся долгое время не в состоянии бывают понять и усвоить эту специфическую особенность русского глагольного словообразования, особенно если учесть то обстоятельство, что многие русские глаголы сочетаются практически со всеми продуктивными глагольными приставками, а некоторые (причем с тем же лексическим значением, но отличающиеся, например, видом) – со сравнительно небольшим количеством приставок.

Сравним:

говорить	сказать
вы-	вы-
до-	до-
за-	–
на-	на-
о- (об-)	–
от-	–
пере-	пере-
по-	–
под-	под-
–	пред-
при-	–
про-	–
раз-	рас-
с- + -ся	–
у-	–

И дело не в простом механическом присоединении приставок к глаголам, а в том, что каждая приставка как словообразовательный элемент приносит свое добавочное, вторичное значение и получается новое слово с новым значением. Рассмотрим, например, глагол **говорить** с разными приставками:

вы- – **выговорить** имеет следующие значения:

- 1) произнести, сказать: *выговорить слово*;
- 2) выговаривать (делать замечание, выражать неудовлетворение);

за- – **заговорить**:

1) начать говорить: *ребенок рано заговорил; больной, наконец, заговорил слабым голосом; долго молчал и слушал, затем заговорил*;

2) утомить разговорами: *заговорить до головной боли; заговорил всех своим нудным пустословием*;

3) может употребляться и в метафорическом значении: *заговори́л го́лос рассу́дка, заговори́ло зо́лото́е се́рдце, заговори́ла о́гненная́ кавка́зская́ кро́вь; заговари́вать зу́бную́ бо́ль.*

на- – **наговори́ть** имеет несколько значений:

- 1) сказать, сообщить многое: *наговори́ть лишне́го;*
- 2) оклеветать, приписать кому-нибудь что-нибудь: *наговари́вать на сосе́да.*

Глагол **ска́зать** сочетается с префиксами: **вы-** **до-**, **на-** **пере-**, **под-**, **пред-**, **рас-**. К главному значению – выразить вербально какую-либо идею, соображение, сообщить что-либо, произнести – указанные приставки приносят вторичные значения. Так, например:

вы- – **выска́зать** имеет значения:

- 1) выразить словами: *выска́зать мы́сль;*
- 2) выявить, обнаружить свое отношение, свои чувства, желания: *выска́зать по́желание;*
- 3) выразить свое недовольство: *выска́зать все.*

до- – **до́ска́зать** имеет значение:

- 1) закончить сообщение, информацию, рассказывание чего-либо: *до́ска́зать мы́сль.*

на- – **на́ска́зать:**

- 1) сказать очень много, наговорить: *на́ска́зать ма́ску но́востей, «Же́нщина, е́сли захочет, ка́ких сло́в не на́скажет»* (Н. Гоголь); *«Я на́ска́зала е́му́ глупо́стей, а он пове́сил го́лову и ше́пчет что-то по́д нос»* (А. Гончаров);

пере- – **пере́ска́зать:**

- 1) передать содержание виденного, прочитанного, слышанного: *«Все́го, что зна́л е́ще Евге́ний, пере́ска́зать мне́ недо́суг»* (А. Пушкин);

под- – **по́дска́зать:**

- 1) сказать другому то, что тот должен сказать: *по́дска́зать о́твет на во́прос, по́дска́зать во вре́мя э́кзамена.* Переносно: навести на мысль: *по́дска́зал хоро́шую мы́сль, о́пыт по́дска́зал пра́вильное ре́шение.*

пред- – **предска́зать:**

- 1) заранее предвидеть, сказать то, что должно произойти: *предска́зать по́году, хо́д бо́лезни, хо́д со́бытий;*

рас- – рассказать:

1) устно информировать, сообщить (сообщать) о чем-либо: *рассказать об экскурсии на завод, о поездке на теплоходе по Волге, рассказать о своих впечатлениях о выставке картин.*

Следовательно, глаголы **говорить** и **сказать**, сочетаясь с приставками, приобретают несколько значений и, помимо того, префиксальный глагол, как видно из приведенных примеров, в зависимости от цели высказывания, может иметь несколько значений.

Как упоминалось выше, в армянском языке практически нет глагольных префиксов, вносящих добавочное значение в слово и меняющих его значение, что и затрудняет изучение и понимание префиксальных глаголов.

Как же употребляются эти глаголы в армянском языке? Мы обратились к некоторым русско-армянским словарям [10, 11] с целью проанализировать, как переведены на армянский язык глаголы писать и говорить в сочетании с разными приставками.

<u>вписать</u>	1. ներգրել, ներգծել, գրանցել, մեջը գրել
<u>выписать</u>	1. դուրս գրել, նախշագրել
<u>дописать</u>	1. գրել վերջացնել
<u>записать</u>	1. գրի առնել, ցուցակագրել, հասցեն գրել, մեկի ա-
նունով գրել, մեկի վրա գրել
<u>написать</u>	1. գրել
<u>описать</u>	1. նկարագրել, շարադրել 2. վերգրել, ցուցակագրել
3. արտագծել 4. աղեղնաձև շարժում կատարել
<u>отписать</u>	1. կտակել 2. բռնագրավել 3. փոխադրել 4. գրել վեր-
ջացնել
<u>переписать</u>	1. արտագրել 2. նորից գրել 3. վերանկարել 4. վեր-
գրել (գույքը), ցուցակագրել (մարդկանց) 5. ընդօրինակելով արտագրել
<u>пописать</u>	1. խզրզել, գրոտել
<u>подписать</u>	1. մակագրել, բաժանորդագրվել
<u>приписать</u>	1. հավելագրել
<u>прописать</u>	1. գրանցել

- расписать** 1. չափազանցնել
- списать** 1. արտազրել
- Рассмотрим глагол говорить с разными приставками.
- говорить** 1. ասել, խոսել
- выговорить** 1. արտասանել 2. արտու՛մ եղածը թափել
- договорить** 1. ասել վերջացնել
- заговорить** 1. կախարդել 2. ավելորդաբանել
- наговорить** 1. չափից ավել, շատ խոսել 2. չարախոսել 3. հմայախոսել 4. իր փոսքը ձայնազրել
- оговорить** 1. գրպարտել 2. կանխապայման դնել 3. վերապահու՛մ անել 4. հանդիմանել
- отговорить** 1. տարհամոզել (ետ համոզել) 2. ետ կանգնեցնել 3. խոսել վերջացնել
- переговорить** 1. կարճ խոսակցել (բանակցել) 2. գրուցել (շատ բանի մասին) 3. լեզվակոխ անել
- поговорить** 1. գրուցել, արտակցաբար խոսել
- разговорить** 1. գրույցի բռնվել 2. խոսակցել 3. խոսքով ընկնել 4. լեզուն բացվել
- сговориться** 1. պայմանավորվել 2. համաձայնության գալ 3. խոսքները մեկ անել, դավադրել 4. նշան դնել
- угговорить** 1. համոզել, հորդորել 2. հանգստացնել, մխիթարել

Как мы заметили, глаголы, которые в русском языке меняют свое значение при помощи приставок, в армянском выражаются в основном сочетанием слов. Мы проанализировали глаголы армянского языка, чтобы найти соответствия между приставками. По нашему мнению, эта работа на определенном этапе может нам помочь при изучении префиксальных глаголов. Работа основывалась на данных пособия «Ժամանակակից հայոց լեզու» (Ս.Մ. Սուբիաշյան, Երևան, 1982) [12], а также Русско-армянского словаря (А.С. Гарибян, 3-е изд-е, Ереван 1982) [10], и Русско-армянского словаря (Дж.А. Гарибян и др., Ереван: Антарес, 2008) [11].

Следует отметить, что армянские приставки *ապ(ա)-*, *ան-*, *դժ-*, *տ-*, *չ-* соответствуют русской приставке *(о)без-/ (о)бес-*. Например:

ապա-զինել – *обез-оружить*

դժ-գունացնել – *обес-цветить*

ան-բախտացնել, *դժ-բախտացնել* – *обез-долить*

ան-հանգստացնել – *бес-покоить*

ան-արգել, *ան-պատվել* – *обес-честить*

ան-զգայացնել – *обез-болить*

Приставка *գեր(ա)-* соответствует русской приставке *пере-*:

գերա-գնահատել – *пере-оценивать*

գերա-կշռել – *пере-весить*

Приставке *փոխ(ա)-* также соответствует приставка русского языка *пере-*:

փոխա-դրել – *пере-водить, пере-возить*

փոխ-անցել – *пере-дать*

Приставке *նախ(ա)-* соответствует приставка русского языка *пред-*:

նախա-պատվել, *նախ-ընտրել* – *пред-почитать*

նախա-ձեռնել – *пред-принимать*

նախա-գուշակել – *пред-вещать*

նախա-տեսել – *пред-видеть*

Приставке *թեր(ա)-* соответствует приставка русского языка *недо-*:

թերա-գնահատել – *недо-оценивать*

թերա-բեռնել – *недо-грузить*

թերա-կշռել – *недо-весить*

թեր-սուել – *недо-говаривать*

Приставке *համ(ա)-* соответствует приставка русского языка *со-*, а в некоторых случаях приставке *до-*:

համա-գործակցել – *со-трудничать*

համա-տեղել – *со-вместить*

hshw-ηրել – со-поставить

hshw-լրել – до-полнить

Приставка *ներ(ա)*- соответствует приставкам русского языка **в-, воз-**, а некоторых случаях приставке **про-**:

ներա-ծել – в-вести

ներ-դնել – в-кладывать, в-ставить

ներ-արկել – в-водить

ներ-ծծել – в-питать

ներ-գործել – воз-действовать

ներ-խուժել – про-никать

Приставке *ստոր(ա)*- соответствует приставка русского языка **под-**:

ստորա-գրել – под-писать

ստորա-գծել – под-черкнуть

Наши наблюдения показали, что возможны и некоторые другие нетипичные соответствия. Например:

մակա-գրել – над-писать

վերա-բերել, վերա-բերվել – от-носиться

րադա-դրել – со-ставлять

արտա-գրել – с-писать

ենթ-արկել – под-чинять

ստորա-նկել – со-держать и др.

Мы также заметили, что значение некоторых глагольных префиксов русского языка соответствует суффиксам армянского языка или повторам корней. Например:

раз-резать – *կտր-ալ-ել*

под-прыгивать – *ցատկ-ալ-ել*

раз-бросать – *բախ-թել-ել*

При подборе приставочных глаголов мы исходили из следующих методических соображений: брали примеры, на которых можно наглядно показать (речь идет о внутренней наглядности) гибкость и способность глаголь-

ных приставок сочетаться с глаголами и придавать новые значения, что имеет весьма важное значение для понимания русского языка учащимися армянской школы.

По богатству словообразовательных возможностей русский язык во многом отличается от армянского, особенно в рамках исследуемой нами темы. В армянском языке нет подобной развитой системы префиксации, и многие значения префиксальных глаголов просто не дифференцируются в пределах одной лексической единицы, а передаются либо описательными оборотами, либо вообще не различаются. Изучение префиксального глагольного словообразования в армянской школе вызывает серьезные затруднения у учащихся и требует специально разработанной системы обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверьянова Г.Н.* Русские глагольные приставки. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 120 с.
2. *Аракин В.Д.* Типология языков и проблемы методики преподавания русского языка как иностранного // Русский язык за рубежом, 1969. – №3. – СС. 17–22.
3. *Арустамян Е.П.* Вопросы методики преподавания русской грамматики в армянской школе и трудности изучения некоторых ее категорий. – Ереван, 1973. – 207 с.
4. *Григорян П.А.* Обучение словообразованию в средней школе // Автореф. дисс. ... к.п.н. – Ер.: 1982. – 21 с.
5. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Т. 1–2. Часть вторая. – Братислава, 1960. – 880 с.
6. *Козлова Л.А.* Сопоставительный анализ моделей словообразования качественных наречий в английском и русском языках // Сопоставительный анализ языковых единиц. Межвузовский сборник научных трудов, 1986. – СС. 31–39.
7. *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. – 2-е изд-е. – М., 1974. – 139 с.

8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
9. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / Под. ред. Звегинцева В.А. – М.: Просвещение, 1965. – Ч. 2. – 495 с.
10. Гарибян А.С. Русско-армянский словарь. – Ер.: Айастан, 1982. – 1440 с.
11. Гарибян Дж.А. и др. Русско-армянский словарь. – Ер: Антарес, 2008. – 384 с.
12. *Սոսթիսյան Ա.Մ.* Ժամանակակից հայոց լեզու: – Երևան, 1982:

**ԲԱՅԵՐԻ ԲԱՌԱԿԱԶՄՈՒԹՅԱՆ
ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ՌՈՒՄԵՐԵՆՈՒՄ ԵՎ ՀԱՅԵՐԵՆՈՒՄ
(ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆ)**

Ս.Ա. Բուդաղյան

budaghyan-sonya@mail.ru

*Մ.գ.թ., Ռուսաց և սլավոնական լեզուների ամբիոնի դասախոս,
Վ. Բրյուսովի անվան պետական համալսարան,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ռուսաց լեզվի նախաձանցավոր բայերի դասավանդումը հայոց լեզվի ֆոնին թույլ է տալիս ցույց տալ տիպաբանական տարբերությունները. ժամանակակից հայոց լեզվում նախաձանցավոր բայակազմությունը բացակայում է, մինչդեռ ռուսերենում բայերի համակարգում այն շատ արդյունավետ է և էական դեր է խաղում: Այսպիսով, նախաձանցային բայերի ուսումնասիրությունը հայկական դպրոցում լուրջ դժվարություններ է առաջացնում աշակերտների մոտ և պահանջում է ուսուցման հատուկ մշակված համակարգ:

Բանալի բառեր՝ բայի բառակազմություն, ռուսաց լեզու,
հայոց լեզու, ուսուցման համակարգ, ՌՕԼ:

FEATURES OF VERBAL WORD FORMATION IN RUSSIAN AND ARMENIAN LANGUAGES (COMPARATIVE ANALYSIS)

S. Budagyan

budaghyan-sonya@mail.ru

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Lecturer at the Department of Russian and Slavic Languages
Brusov State University
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

Teaching Russian prefixal and verbal word formation against the background of the Armenian language allows us to clearly illustrate typological differences: in modern Armenian, prefixal verbal word formation is absent, while in Russian verb system word formation is very productive and plays an essential role. In the Armenian language, many meanings of prefixal verbs simply do not differentiate within a single lexical unit, but are conveyed either by descriptive turns or not differentiated at all. Thus, the study of prefixal verb formation in the Armenian school causes serious difficulties for students and requires a specially designed training system.

Keywords: verb formation, Russian language, Armenian language, learning system, RFL.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 14 апреля 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 03.05.2020 г.*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ ПРИ РАБОТЕ С РУССКИМИ ПЕРЕВОДАМИ ЛИМЕРИКОВ Э. ЛИРА

Надежда Ивановна Горобец

nadya.gorobets2016@yandex.ru

*К.п.н., доцент кафедры русского языка,
Военный институт физической культуры,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Объектом исследования стал процесс становления диалогических отношений в иностранной аудитории курсантов при знакомстве с поэтическим жанром, английским лимериком в переводах русских писателей. В статье раскрывается методика работы с указанным жанром, которая направлена на стимулирование лингвокультурологических интерпретаций обучаемых, на расширение их культурного поля и формирование интереса к другой культуре.

Ключевые слова: лимерик, Э. Лир, диалог культур, поэтический текст, иностранная аудитория, перевод.

В научных исследованиях, раскрывающих вопросы взаимодействия различных культур, широко используется такой термин, как «межкультурная коммуникация». Безусловно, что только воспитание уважения к чужой культуре, языку, национальным особенностям является залогом возникновения истинных коммуникативных отношений.

Проиллюстрируем, как работа с жанром лимерика английского поэта Эдварда Лира в иностранной (курсантской) аудитории может способствовать межкультурному диалогу.

В основе лимериков, как известно, лежит нонсенс, нелепица, бессмыслица. Э. Лир выпустил целую Книгу бессмыслиц. Она была такой интересной, захватывающей, что её раскупили мгновенно. Нелепицы Лира, хотя и представляются бессмысленными, имеют особый смысл. Поэт нарисовал в них прекрасный мир добрых чудачков, которые занимаются тем, чем хотят, не боятся болезни и смерти, не притворяются, не дрожат перед тем, что скажут люди.

Жил один старичок из Марокко,

Видел он удивительно плохо.

– Это ваша нога?

– Сомневаюсь слегка, –

Отвечал старичок из Марокко.

Однако лимерики не только смешны, но и познавательны. Так, исследователями подсчитано, что только в одной книге Э. Лира упоминается около ста топонимов. Географические названия в лимериках Эдварда Лира встречаются самые разные, от известных до самых необычных: Чертси, Лидс, Довер, Доркинг (Англия), Смирна (Турция), Реймс (Франция), Килкенни (Ирландия), Искья, Апулия, Лукка (Италия), Анерли, Бута (Южная Африка) и др.

Чтение лимериков, таким образом, расширяет кругозор военнослужащих. Но самое важное, на наш взгляд, то, что лимерики в переводах русских писателей позволяют увидеть богатство русского языка с его гибким порядком слов и способностью передавать при помощи языковых средств искрящееся чувство юмора.

Курсантами было прочитано более трех десятков лимериков в разных переводах, в том числе безымянных, представленных в Интернете. Самыми интересными оказались лимерики в переводах Григория Кружкова. Поэт и переводчик Григорий Михайлович Кружков привнес в лимерики Лира еще больше озорства, шалости и милого чудачества. В его переводах все необычно и удивительно. Например, мы встречаем странного господина из Саксо-

нии, обучавшего совят церемонии, а также старушонку, которая живет на горе и учит танцам – утенка! Григорий Кружков написал предисловие к изданию лимериков с иллюстрациями художника Николая Ватагина, в котором положил конец спорам, как правильно говорить: *ли*мерик или лимЕрик? «Лично я всегда говорю «лимерик» с ударением на первом слоге, потому что так произносится название ирландского города Лимерик» [1: 5]. В этой замечательной книге есть и послесловие: «Читайте, смотрите и радуйтесь! А если получится, то и сами сочиняйте и рисуйте» [1: 46]. И курсанты тоже вступили в диалог культур. Правда, она не переводили лимерики Эдварда Лира, а пробовали сочинить свои по традиционной схеме:

Кто? Откуда? (первая строка).

Какой? Какая? (вторая строка).

Что произошло? (третья и четвертая строки).

Чем закончилось? (пятая строка).

В курсантских работах (нами проанализировано 15 лимериков) мы встретили чудаков, которые в шляпе варят макароны, накладывают грим на лицо, не зная меры; отдирают с картины ковриги и едят их или «раздают собачонкам по целым бочонкам»; читают книги «без букв, без слогов и без слов» и т.п. Например:

Рассудительный мальчик из Риги

Прочитал все ученые книги.

И все думал он долго и жадно:

«Почему на Луне так прохладно?»

Вот такой был тот мальчик из Риги.

Знакомя ИВС с лимериками, важно показать связь этого жанра с народной смеховой культурой. Карнавальная смех, согласно концепции М.М. Бахтина, – явление игровое, помогающее освободиться от господствующей точки зрения на мир, от всякой условности, от всего обычного, привычного, общепринятого [2: 42]. Лимерики, как и карнавал, пронизывает атмосфера вольности и веселья. Комизм положений в этих небольших стихотворениях реализуется в элементах буффонады, фарса, балаганного действия.

Эти элементы довольно часто встречаются в литературных опытах курсантов по созданию собственных лимериков:

Рассудительный мальчик из Риги
Всем прохожим показывал фиги.
В них камнями кидал,
А потом убегал,
Вот такие у мальчика сдвиги.

Отметим, что в этом примере, а также и в некоторых других видны проявления ненормированной речи: «сдвиги», «классно», «от балды» и т.п. Некоторые ненормированные слова придают особый колорит лимерикам, органично входят в их структуру (вспомним, что лимерики «вышли» из народной поэзии, для которой элементы ненормированной речи – явление обычное). Однако в работах обучающихся мы встретили примеры просторечных и жаргонных слов, с нашей точки зрения, эстетически неприемлемых. Анализируя такие стихотворения (подбирая синонимы, перестраивая предложения), курсанты совершенствовались художественный вкус, чуткость к слову.

Рамки статьи не позволяют остановиться на анализе всех лимериков, сочиненных курсантами. Далеко не все примеры были удачными, но сочинение лимериков позволило глубже усвоить особенности их содержания и структуры.

Другой важной составляющей работы обучающихся было рассмотрение одного лимерика «There was a Young Lady of Russia...» в переводах Владимира Набокова, Марка Фрейдкина, Евгения Клюева, Бориса Архипцева и Григория Кружкова. Сначала курсантами был выполнен подстрочный перевод лимерика «There was a Young Lady of Russia...».

*There was a Young Lady of Russia,
(Там была молодая леди России),
Who screamed so that no one could hush her;
(Которая так кричала, что никто не мог заставить ее замолчать);
Her screams were extreme,
(Ее крики были крайними),
No one heard such a scream,*

*(Никто не слышал такого крика),
As was screamed by that lady of Russia.
(Как кричала эта леди из России).*

Далее они обратились к переводам Владимира Набокова [3].
*Есть странная дама из Кракова:
орет от пожатия всякого,
орет наперед
и все время орет –
но орет не всегда одинаково.*

Сравнили перевод В. Набокова с переводом Марка Фрейдкина [4].
*Безутешная мисс из Манилы
Непрестанно рыдала и выла.
Кто услышал впервой
Тот немислимый вой,
Чуть живой убегал из Манилы.*

И переводом Бориса Архипцева [5].
*Вот вам некая Мисс из России.
Визг ее был ужасен по силе
И разил, как кинжал.
Так никто не визжал,
Как визжала та Мисс из России.*

А также с переводом Евгения Клюева [6].
*Дико воет девица из Скопле.
Чтоб унять этот вой, эти вопли,
Что ни делал народ, –
Все белугой ревет,
Завывает девица из Скопле!*

Завершением работы стало знакомство с переводом Григория Кружкова [7].

Жил мальчик вблизи Фермопил,

*Который так громко вопил,
Что гложли все тетки,
И дохли селедки,
И сыпалась пыль со стропил.*

Сопоставление переводов показало, что все авторы следуют традиционной структуре лимерика: одной рифмой объединены первая, вторая, пятая строки, другой – третья и четвертая строки. Причём третья и четвертая – короче остальных.

Содержание лимериков также имеет свои особенности, на которые уже было указано ранее и которые учитывают все переводчики. Первая строка представляет героя и заканчивается названием страны, где живет или откуда приехал герой (Кто? Откуда?). В третьей и четвертой строках рассказывается о странном свойстве или поступке героя (Какой? Какая?) В пятой строке даётся оценка или реакция окружающих на этот поступок (Чем закончилось?).

Однако переводы не повторяют друг друга, а отражают творческий подход интерпретаторов. Например, при чтении переводов у читателя может возникнуть вопрос: почему а Young Lady of Russia стала дамой из Кракова (у В. Набокова) и мисс из Манилы (у Марка Фрейдкина), девицей из Скопле (у Бориса Архипцева), даже мальчиком вблизи Фермопил (у Г. Кружкова). Но перевод – это выражение фантазии, словотворчества, игры, что и нашло отражение в разнообразии переводческих интерпретаций первой строки. Сама личность переводчика, как правило, существенным образом влияет на перевод. Перевод художественного текста, в том числе и поэтического, является интерпретацией, истолкованием. Вне зависимости от языка, на котором написано произведение, художественный перевод должен сохранять его атмосферу и авторский стиль. При этом художественный перевод не должен быть буквальным. Скорее, наоборот, это очень свободный, вольный перевод, не требующий доскональной точности. Талантливый переводчик вступает в творческий диалог с автором произведения. Миновать творчество, как и трансформацию, при художественном переводе невозможно. Изменения заданы самой природой попытки приблизить иноязычный текст к современно-

му читателю. Таким образом, переводчику просто необходимо сообщить тексту музыку своего времени и родного языка [8].

Как свидетельствуют наши наблюдения, переводы лимериков русскими писателями могут служить яркой иллюстрацией диалога культур, английской и русской. Диалог культур является приметой современного мира, он выражает тенденцию к единству человечества и обогащает каждую национальную культуру широким диапазоном достижений других народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лир Э.* Лимерики: [сб. стихов]; пер. с англ. Г.М. Кружкова. – М.: Нигма, 2017. – 160 с.
2. *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.
3. *Набоков В.* Другие берега. – М.: Азбука, 2014. – 288 с.
4. *Лир Э.* Книга бессмыслиц; пер. с англ. М. Фрейдкина; рис. автора. – М.: Изд-во Рудомино, 1992. – 259 с.
5. *Лир Э.* Полный нонсенс! – М.: Москва. – 2008. – 288 с.
6. *Лир Э., Кэрролл Л.* Целый том чепухи (Английский классический абсурд XIX века) // Сост. Е. Клюев. – М.: Всесоюзный молодежный книжный центр, 1992. – 128 с.
7. Книга NONсенса. Английская поэзия абсурда в переводах Г. Кружкова. – М.: Б.С.Г. – М.: ПРЕСС, 2003. – 232 с.
8. Интерпретация художественного произведения. Факультативный курс для старшеклассников и студентов: учебное пособие / Под общей ред. В.Г. Маранцмана. – СПб.: САГА, 2007. – 138 с.

ՄԻՋՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅԱՆ
 ԻՐԱԿԱՆԱՑՈՒՄԸ ՕՏԱՐԱԼԵԶՈՒ ԼՍԱՐԱՆՈՒՄ Է. ԼԻՐԻ
 ԲԱՆԱՍՏԵՂԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԹԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
 ՀԵՏ ԱՇԽԱՏԵԼԻՍ

Ն.Ի. Գորոբեց

nadya.gorobets2016@yandex.ru

*Մ.գ.թ., Ռուսաց լեզվի ամբիոնի դոցենտ,
Ֆիզիկական դաստիարակության ռազմական ինստիտուտ,
Սանկտ Պետերբուրգ, Ռուսաստանի Դաշնություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հետազոտության օբյեկտն է արտասահմանյան լսարանում կուրսանտների երկխոսության կայացման գործընթացը՝ ծանոթանալով անգլերենով բանաստեղծական ժանրին ուսուցողների թարգմանությունների հիման վրա: Հոդվածում բացահայտվում է նշված ժանրի հետ աշխատելու մեթոդիկան, որն ուղղված է սովորողների լեզվամշակութաբանական մեկնաբանությունների խթանմանը, նրանց մշակութային դաշտի ընդլայնմանը և այլ մշակույթի նկատմամբ հետաքրքրության ձևավորմանը:

Բանալի բառեր՝ Լիմերիկ, Է. Լիր, մշակույթների երկխոսություն, բանաստեղծական տեքստ, արտասահմանյան լսարան, թարգմանություն:

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN A FOREIGN AUDIENCE WHEN WORKING WITH RUSSIAN TRANSLATIONS OF LIMERICK E. LEAR

N. Gorobets

nadya.gorobets2016@yandex.ru

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor at the Department of Russian Language*

*Military Institute of Physical Education
Saint Petersburg, Russian Federation*

ABSTRACT

The object of the research is the process of the development of a dialogue in foreign auditory of cadets when they became acquainted with the poetic genre, English limerick in the translations of Russian writers. The article reveals the methods of working with this genre, which is aimed at stimulating the linguoculturological interpretations of students, at expanding their cultural field and generating interest in another culture.

Keywords: Limerick, E. Lear, the dialogue of cultures, poetic text, foreign audience, translation.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 10 февраля 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 28.02.2020 г.*

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Мариам Мкртчевна Испирян

ispiryanmariam@aspu.am

*К.п.н., доцент кафедры русского языка,
Армянский государственный педагогический
университет имени Хачатура Абовяна,
Ереван, Республика Армения*

Элен Самвеловна Аветисян

avetisyan.elen@inbox.ru

*Преподаватель английского языка базовой гимназии при
Армянском государственном педагогическом
университете имени Хачатура Абовяна,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Теория языковых контактов чрезвычайно значима в прикладном аспекте в целях организации и проведения эффективной языковой политики с учетом социальной организации общества на разных уровнях руководства и управления, усвоения ценностей и норм как важнейших ориентиров общества, решения вопросов о политическом, экономическом, правовом образовании. В статье предпринята попытка оценить языковую ситуацию в Республике Армения как следствие языковых контактов.

Ключевые слова: языковая ситуация, теория языковых контактов, смешение языков, дивергенция, конвергенция, языковая интерференция, билингвизм.

Первым на значение взаимных контактов в развитии языков обратил внимание Г. Шухардт, позже содержание понятия закрепилось за термином «скрещивание языков», введенным Н.Я. Марром. Дальнейшее развитие концепция языковых контактов получает в трудах А. Мартине, У. Вайнрайха, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Верещагина, Л. Щербы, Н. Мечковской и др.

Российские лексикографические источники определяют понятие «языковые контакты» как взаимодействие двух или более языков, оказывающих влияние на разные уровни структуры одного или многих из них. Причиной возникновения подобных контактов является необходимость общения между представителями разных языковых и этнических групп, находящихся между собой в различного вида и интенсивности связях, а результатами языковых контактов могут стать явления интерференции; языковые заимствования; различные виды билингвизма; смешение языков и даже смена языка [8; 9; 26].

Человечество сегодня живет в новом социальном пространстве, языковые границы и изоглоссы которого все более и более расходятся с границами географическими, национальными, экономическими: в связи с чем встает проблема новой языковой идентичности. Особенно это касается современного состояния и развития европейских языков на фоне процессов европейского объединения: «В узких европейских рамках языковые границы не идентичны социокультурным и экономическим. Отсюда следует расширение норм идентификации, которым подвержены носители различных европейских языков» [12: 11].

Мы стали свидетелями формирования своеобразного языкового гиперпространства, свидетельством чему является наличие в европейских языках около 7000 общих корней, по преимуществу греко-латинского происхождения, 7000 интернационализмов и терминов.

Отмечается активизация процессов языковой ассимиляции и смена модели языковой социализации [35: 512].

Межъязыковые контакты, неизбежные в земном сообществе вообще, а в эпоху глобализации – особенно, ведут к взаимовлиянию языков, о чем писали многие исследователи [18; 37; 39].

«Изменения, обусловленные языковыми контактами, есть в истории каждого языка, – отмечает Н. Мечковская. – Не существует генетически «чистых», «беспримесных» языков, которые бы в течение тысячелетий развивались без всякого влияния окружающей языковой среды, в полной обособленности от соседей. Любой современный язык – это сплав языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных, языков и диалектов» [17].

Исследовательница довольно категорична в своих выводах: она выделяет два вектора взаимодействия и взаимовлияния языков – дивергенцию и конвергенцию.

Дивергенция в лингвистике и социолингвистике рассматривается обычно как: 1) превращение вариантов языковой единицы (как правило, вариантов фонемы) в самостоятельные единицы по причине устранения тех условий, что определяли ее варьирование; 2) размежевание в реализации одной языковой единицы; 3) разведение диалектов или вариантов одного языка и их становление в качестве самостоятельных языков [3].

В случае конвергенции в двух или нескольких языках развиваются сходные черты, не связанные с общим происхождением этих языков по причине культурных, политических, экономических и пр. связей и территориальной близости. Так, звуковая конвергенция нередко приводит к совпадению двух бывших фонем в одной [2].

В связи с этим считаем необходимым остановиться на понятии «смешанного языка», разработка которого в языкознании и социолингвистике сталкивалась со значительными трудностями. Более полувека назад Л. Щерба высказал мысль о том, что явление смешения языков относится к самым неясным в современной лингвистике. Он писал, что процессы смешения происходят не только между разными языками, но и между разными групповыми языками внутри одного языка, что эти процессы являются основополагающими и постоянными в жизни языков [39: 38–39].

В истории сравнительного языкознания можно выделить в этом плане две различные линии: с одной стороны, – тенденция к отказу от какого-либо противопоставления «чистых» языков «смешанным» [4; 20; 36; 41 и др.], с

другой стороны, – целесообразность и оправданность подобного противопоставления [22; 24; 28; 43 и др.].

Б. Серебренников считает фикцией образование нового языка в результате смешения существенно различных языков. Он отмечает, что в контактирующих языках наблюдаются два процесса – усвоение типологических моделей и частичное смешение (в некоторых областях). Ученый отмечает, что для более точного наименования этого явления более подходят термин и понятие «языковая интерференция», а не «языковое смешение» [24: 295–296].

О смешении в прямом понимании этого слова можно говорить, видимо, только в области лексического состава. Это отмечается рядом исследователями [24: 291].

«Если иметь в виду, что именно лексическими заимствованиями опосредствована большая часть других контактно обусловленных изменений – фонологических и морфологических (исключение составляют синтаксические), – указывает Б. Серебренников, – то нетрудно увидеть, к каким далеко идущим для структуры языка последствиям они способны приводить. *Известно, что обилие иранских напластований разных эпох в армянском словаре в течение длительного времени даже мешало адекватному определению места армянского языка среди индоевропейских*» (курсив наш – М.И.) [24: 291]. Столь высокая степень проницаемости лексической системы указывает на ее более открытый характер в сопоставлении с другими уровнями структуры языка.

А. Реформатский же признает язык смешанным, если в результате контакта затронута не только его лексическая, но также фонологическая и морфологическая структуры языка [21]. Л. Щерба, в свою очередь, разводит простое заимствование и языковое смешение: он полагает, что в реальности наблюдаются промежуточные между указанными явлениями формы и оба указанных процесса обычно переплетаются [38: 52].

В области звуковой структуры может произойти усвоение ряда чуждых для конкретного языка элементов артикуляции, но отнюдь не смешение двух систем. Конечно, в ситуации языкового взаимодействия заимствуемые из одного языка в другой лексические единицы аккомодируются к особенностям звуковой системы заимствующего языка, но в этом случае вероятны

лишь трансформации некоторых особенностей фонологической синтагматики конкретного языка, как-то: сдвиги закономерностей, присущих началу и концу слова, нарушение определенных надсегментных характеристик слова, появление ранее отсутствовавших последовательностей фонем и др.

Однако в условиях более интенсивных языковых контактов, которые сопровождаются включением значительно более объемного слоя фонетически неаккомодируемого материала, в фонологической структуре заимствующего языка трансформации возможны и на уровне системы. В качестве примера Б. Серебренников приводит *преобразование всей так называемой «напряжённой» серии смычных и аффрикат в смычногортанную в некоторых армянских диалектах* (курсив наш – М.И.) [24: 293].

Системы словоизменяемых элементов, как правило, не перемещаются, а потому здесь не может быть речи о смешении, ибо язык может заимствовать лишь некоторые типологические модели. Усвоение последних характерно и для синтаксиса, хотя здесь может иметь место заимствование некоторых связующих элементов, например, союзов.

Говоря о языковых последствиях, отметим в качестве вероятного полную смену языка. При смене языка можно говорить о последовательном вытеснении одного языка другим из различных сфер функционирования, при этом в одних происходит относительно полноценное усвоение другого языка и наблюдается ассимиляция соответствующих групп, а для других сфер характерны неполноценное усвоение и возникновение «пиджинов» и креолизованных языков, появление и развитие которых можно толковать как следствие неравноправных экономических и/или социальных отношений между носителями контактирующих языков [24: 285].

Длительные языковые контакты в пределах определенного региона могут привести к конвергентному развитию не только пар контактирующих между собой языков, но и групп соседствующих языков. В результате могут возникать языковые союзы, которым присуще совокупность структурно-типологических, а нередко и материальных особенностей [33; 40].

Е. Поливанов, например, отмечал конвергентность происхождения такой значимой фонологической черты, как различие твердых и мягких согласных, которая наблюдается на огромной территории: «...от польского и

ревельского говора эстонского языка на западе через русский и восточно-финские вплоть до дунганского в качестве крайнего юго-восточного представителя этого района» [19: 116].

Важно отметить, что для всех отмеченных выше явлений характерны различная степень интенсивности языковых контактов и разные социальные, политические и экономические условия осуществления этих контактов.

Характер языковых контактов определяется зоной контактирования, ситуацией (наличие/отсутствие билингвизма, живые контактируют языки или мертвые), условиями – частотой контактов, их интенсивностью и регулярностью.

Анализ специальной литературы по вопросу о языковых контактах выявил, что проблематика сути и формы языковых трансформаций, происходящих как в процессе контактов, так и в целом в процессе языкового развития, изучены далеко не достаточно. При этом можно признать, что причины эти следует искать как в структуре контактирующих языков, так и за ее пределами.

Выше нами была отмечена целесообразность разведения случаев поверхностного языкового контактирования, сопровождающихся заимствованиями, не затрагивающими внутренней структуры языка, и ситуаций более глубинного языкового проникновения, в той или иной степени отражающихся на структуре языка. Отметим здесь, что именно в последнем случае говорят о языковом смешении, или языковом скрещивании. В этой связи с ассимилируемым языком принято соотносить понятия субстрата, суперстрата и адстрата.

Субстратом в языкознании принято называть язык населения, первоначально обитавшего на данной территории или следы влияния этого языка в языке пришельцев [7; 27]. Субстрат в той или иной степени нарушает действие внутренних закономерностей развития языка, поэтому его воздействие распространяется на все стороны языковой структуры. С субстратным фактором может быть связано формирование языковых семей и языковых союзов. Так, В. Пизани рассматривает индоевропейскую семью как результат языкового союза, образовавшегося путем наложения языков завоевателей на местные языки различного происхождения [44: 204–212].

Рассуждая о современном статусе русского языка на постсоветском пространстве, некоторые отечественные исследователи отмечают, что он «обеспечивается куда более глубинными факторами, чем политические или юридические. <...> Русский язык, по крайней мере в СНГ, не только средство коммуникации, но прежде всего носитель соответствующей культуры. <...> Русский не только обеспечивает коммуникацию, но и является носителем смыслов, если не общих, то понятных и взаимопереводимых на пространстве СНГ» [10: 35].

Под суперстратом в лексикографических источниках понимается язык появившихся на какой-либо территории людей, повлиявший на язык местного населения и постепенно прекративший свое существование [25; 27]; язык, наслоившийся на какой-либо другой, однако с течением времени ассимилировавшийся с ним. Признаки воздействия языкового суперстрата обычно выявляют в определенных фонологических явлениях, наличии ряда характерных лексико-семантических групп и упрощении грамматической структуры.

Адстрат – это языковые явления, объясняемые как результат влияния одного языка на другой при длительных контактах народов, говорящих на этих языках, когда не происходит этнической ассимиляции и растворения одного языка в другом; разновидность билингвизма, связанного с влиянием чужого языка на язык аборигенов [3; 29].

В последнее время в связи с процессами глобализации замечена новая тенденция в области теории языкового контактирования: языки рассматриваются не в качестве конкурентов, а с позиции возможности включения каждого усвоенного языка в целях расширения культурного, делового и общечеловеческого багажа знаний. Подвергается критике ценностное отношение к отдельным языкам, как способствующее росту националистических настроений. Например, Дж. Верч предлагает использовать вместо дефиниции «доминирующие языки» термин «социальные языки, обладающие определенными преимуществами», как отражающие «иерархическую организацию медиаторов (языков-посредников) по признакам «мощности, или применимости» [5: 14].

Интересной представляется также теория «языкового континуума», согласно которой в настоящее время в ситуации глобализации языки полиэтни-

ческих сообществ можно рассматривать как континуум, на одном полюсе которого находятся национальные языки, на другом – языки нацменьшинств.

Современные лексикографические источники дефинируют «языковой континуум» как совокупность вариантов идиома, представленных во времени, пространстве, социальных коллективах и различных коммуникативных ситуациях. Понятие континуума подразумевает непрерывность и постепенность языковых изменений во времени и пространстве, т.е. отсутствие четких границ между языками и диалектами [26].

Исследование межъязыковых контактов позволило ряду ученых выдвинуть версию о том, что существует нечто вроде языковой гравитации, согласно которой влияние одного языка на другой прямо пропорционально политической и экономической значимости культуры народа-носителя данного языка [13: 38].

Определенный интерес представляет позиция тех исследователей, что высказывались в пользу регионального деления языков международного общения. Так, еще в 1933 г. Э. Сэпир предположил, что один из великих национальных языков современности (английский, испанский или русский) со временем станет «всеобщим языком землян» [42: 156]. Через полвека С. Кузнецов отмечает, что сложился «клуб мировых языков» (английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, русский, японский, китайский), но при этом ни один не может претендовать на роль единственного всемирного языка [16: 42].

Сегодня языковые контакты стали объектом специальной науки – лингвоконтактологии, связанной с исследованием взаимовлияния английского языка и контактирующих с ним языков. Рассуждая о региональных вариантах английского языка, лингвоконтактолог Т. Иванкова указывает: сохраняя ядро и основные элементы, английский язык приобретает специфические черты своего культурно-языкового окружения и переходит к существованию в своих новых формах – в виде региональных вариантов и разновидностей [11].

Думается, что данное наблюдение вполне может быть взято на вооружение и развито учеными, занимающимися проблематикой функционирования русского языка на постсоветском пространстве, в том числе в РА. Ана-

лиз специальной литературы показал, что особенности русской речи армяно-билингвов исследованы далеко не достаточно и русский язык носителей языка и двуязычных армян на территории Армении рассматривается не как его региональная разновидность, а как народный (островной) говор или ряд говоров [1: 128–142; 30: 55–58; 32].

В 1985 г. вышла в свет книга И. Долженко «Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX – начало XX вв.)», посвященная истории русских крестьянских поселений на территории Восточной Армении [6]. В последние тридцать лет в РА вышло несколько книг, в которых поднимаются вопросы культурной и этнической самобытности духоборов и молокан [23], однако и в этих исследованиях мы не находим специального обращения к особенностям языка, на котором говорили эти переселенцы и на котором сегодня говорят их потомки.

В 2004 году в ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова вышла в свет монография С. Тошьяна «Русская диалектная речь в Армении», где дано описание русских говоров в местах позднего заселения – Армении и Карабахской губернии.

«В Закавказье, – отмечает С. Тошьян, – в результате специфических условий поселения там русских, различные русские говоры вошли во взаимодействие друг с другом и с местными национальными языками. <...> Речь идет об изучении говоров сел, возникших как сектантские или военные поселения в Армении, Грузии и Азербайджане, об исследовании процессов и результатов взаимодействия диалектов друг с другом и с местными национальными языками. Говоры русских переселенцев в силу своей длительной оторванности изолированности от основной территории распространения русского языка и принадлежности большинства их носителей к различным религиозным сектам до революции были лишены связи с центрами русской культуры и русскими городами вообще и поэтому почти не испытывали влияния русского литературного языка» [31: 4–5].

Отметим здесь, что на сегодняшний день в РА пока нет исследований, специально посвященных особенностям русской речи носителей языка, проживавших или проживающих на территории РА, не относящихся к указанным группам переселенцев и не являющихся их потомками.

Некоторые работы, посвященные вопросам русско-инонационального двуязычия в целом, безотносительно к его специфике, показывают, насколько сложно, многосторонне и подвижно это явление. Формируя особые варианты русского языка за пределами российского социума (Дмитрюк 2009; Журавлева 2008; Григорян, Даниелян 2008; Байгарина 2007; Кремер 2010 и др.), оказывая влияние на развитие иного национального языка, данное явление ощутимо отражается в обеих языковых системах.

Должным образом не исследован также русский язык армян-билингвов. Исследователей этой сферы не могут отвлечься от интерференции и сталкиваются с разными уровнями владения языком. По справедливому замечанию А. Хачикян, любая речь, которую мы можем охарактеризовать как русскую, отличается различными признаками, среди которых, конечно, есть и интерференция, но главное заключается в том, что здесь представлены различные степени владения языком [34].

Функциональное распределение языков становится объектом изучения особой научной дисциплины – геолингвистики, в задачи которой входит описание распределения языков по различным регионам с учетом их политической, экономической, социальной и культурной значимости, исследование путей и каналов, по которым они взаимодействуют, выявление важности того или иного языка для стратегии социального развития [35].

Теория языковых контактов чрезвычайно значима в прикладном аспекте в целях организации и проведения эффективной языковой политики с учетом социальной организации общества на разных уровнях руководства и управления, усвоения ценностей и норм как важнейших ориентиров общества, решения вопросов о политическом, экономическом, правовом образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асланов Н.А. Лексические заимствования из азербайджанского языка, связанные с названием одежды, в русских говорах на территории Азербайджанской ССР // В кн.: Слово в русских народных говорах. – Л., 1968. – СС. 128–142.

2. Большая советская энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1969–1978 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse> (Дата обращения: 08.02.2014г.).
3. Большой Энциклопедический словарь, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/119134> (Дата обращения: 09.08.2013г.).
4. *Верещагин Е.М.* О проблеме заимствования фонем // В сб.: «Язык и общество». – М.: Наука, 1968. – С. 161.
5. *Верч Дж.В.* Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию: Учеб. пособие для высш. школы. – М.: Трикола, 1996. – 176 с.
6. *Долженко И.В.* Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX – начало XX вв.). – Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1985. – 180 с.
7. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-105925.htm> (Дата обращения: 15.08.2017г.).
8. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов: 5-е изд-е, исправл. – Назрань: «Пилигрим», 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvisticsdictionary.academic.ru> (Дата обращения: 09.08.2013г.).
9. *Жеребило Т.В.* Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. – Назрань: «Пилигрим», 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sociolinguistics_dictionary.academic.ru (Дата обращения: 09.08.2013г.).
10. *Золян С.Т.* Русский язык в Армении // Вестник Ереванского государственного лингвистического университета имени В. Брюсова / Вопросы руссиеведения. 1 (24). – Ереван, Лингва, 2012. – СС. 12–36.
11. *Иванкова Т.А.* Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка (на материале письменных текстов): автореф. дисс. ... к. филол. н. – Владивосток, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/448629/> (Дата обращения: 02.01.2019г.).

12. *Илишев И.Г.* Языковые права народов в европейском измерении: опыт государств – членов ОБСЕ. – Уфа: Гилем, 2002. – 227 с.
13. *Кабакчи В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: РГПУ им. А. Герцена, 1998. – 232 с.
14. *Каменский И.В.* К теории звуковых изменений // ВЯ. – 1966. – №2.
15. *Кремер Е.Н.* Проблемы русско-инонационального билингвизма: дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2010. – 203 с.
16. *Кузнецов С.Н.* Теоретические основы интерлингвистики. – М.: УДН, 1987. – 207 с.
17. *Мечковская Н.Б.* Взаимовлияние языков как главный фактор языковой эволюции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bugabooks.com/book/240-socialnaya-lingvistika/46-vzaimovliyanie-yazykov-kak-glavnyj-faktor-yazykovo-yevoljucii.html> (Дата обращения: 12.08.2016г.).
18. *Пауль Г.* Принцип истории языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
19. *Поливанов Е.Д.* Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. – Берлин: Гос. Изд-во РСФСР, 1923. – 96 с. [Переизд. Конспекта], 1968. – 116 с.
20. *Расторгуева В.С.* Об устойчивости морфологической системы языка // Вопросы теории и истории языка. – М., 1952.
21. *Реформатский А.А.* О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. – М., 1955.
22. *Розенцвейг В.Ю.* О языковых контактах // ВЯ, 1963. – №1.
23. *Семенов И.Я.* История закавказских молокан и духоборов. – Ер.: Авторское издание, 2001. – 124 с.
24. *Серебренников Б.А.* Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 597 с.
25. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-foreign-term-12685.htm> (Дата обращения: 22.11.2017г.).
26. Словарь социолингвистических терминов // Отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sociolinguistics.academic.ru/954> (Дата обращения: 09.08.2013г.).

27. Современный толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-35325.htm> (Дата обращения: 12.09.2016г.).
28. *Стеблин-Каменский И.В.* К теории звуковых изменений // ВЯ, 1966. – №2.
29. Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. – М : Русский язык, 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/53023 (Дата обращения: 15.08.2013г.).
30. *Тошьян С.Б.* О заимствованиях в говорах русских переселенцев в Армянской ССР // В кн.: Тезисы докладов об изучении русских и украинских говоров Дона и Северного Кавказа, прочитанных на IV Межобластном совещании диалектологов в г. Ростове-на-Дону (21–28 апр. 1958 г.). – Ростов на/Д., 1958. – СС. 55–58.
31. *Тошьян С.Б.* Русская диалектная речь в Армении. – Ер.: Лингва, 2004. – 185 с.
32. *Тошьян С.Б.* Русские говоры в Армянской ССР (говоры русских переселенцев-молокан Степанаванского района Армянской ССР): дисс. ... к.ф.н. – М., 1952.
33. *Трубейко Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics1/trubetskoy-99.htm> (Дата обращения: 18.08.2013г.).
34. *Хачикян А.Я.* Функционирование русского языка в Армении // Вестник МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы), 2006. – № 52.
35. *Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д.* Теория языка: Учебное пособие // Под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 512 с.
36. *Шаумян С.К.* Структурная лингвистика. – М.: Наука, 1965. – 396 с.
37. *Щерба Л.В.* О тройком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // В кн.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – СС. 24–39.
38. *Щерба Л.В.* О понятии смешения языков // В кн.: Л.В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. – СС. 60–74.
39. *Шухардт Г.* Избранные статьи по языкознанию // Ред., предисл. и примеч. Р.А. Будагова; пер. с нем. А.С. Бобовича. – М.: УРСС, 2003. – 291 с.

40. *Якобсон Р.О.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике, Вып. 3. – М., 1963. – СС. 95–105.
41. *Jespersen O.* Language: its nature, development and origin. – London, 1925.
42. *Sapir E.* «Language» // The English Language. Essays by Linguists and Men of Letters. Vol. 2. – Cambridge, 1969. – P. 156.
43. *Taylor D.* Language contacts in the West Indies. «Word», 1956. – V. 12, №3.
44. *Պիզանի Վ.* Հնդեվրոպական լեզուների ծագումը // Պատմա-բանասիրական հանդես, 1979: – № 1: – էջ 204–212. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hpi.asj-oa.am/3113> (Дата обращения: 02.11.2016г.).

**ԼԵԶՎԻ ՎԻՃԱԿԸ ՀՀ-ՈՒՄ՝
ՈՐՊԵՍ ԼԵԶՎԱՀԱՂՈՐԴԱԿՑՈՒԹՅԱՆ ՀԵՏԵՎԱՆՔ**

Մ.Մ. Իսպիրյան

ispiryanmariam@aspu.am

*Մ.գ.թ., Ռուսաց լեզվի ամբիոնի դոցենտ,
Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական
պետական մանկավարժական համալսարան,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

Է.Ս. Ավետիսյան

avetisyan.elen@inbox.ru

*Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական
պետական մանկավարժական համալսարանի
հիմնական գիմնազիայի անգլերենի ուսուցչուհի,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հողվածում փորձ է արվել գնահատել լեզվի վիճակը ՀՀ-ում՝ որպես լեզվահաղորդակցության արդյունք:

Լեզվական շփումների տեսությունը չափազանց կարեւոր է կիրառական տեսանկյունից՝ արդյունավետ լեզվական քաղաքականություն կազմակերպելու և վարելու համար՝ հաշվի առնելով հասարակության սոցիալական կազմակերպումը ղեկավարման և կառավարման տարբեր մակարդակներում, ինչպես նաև արժեքների ու նորմերի յուրացումը՝ որպես հասարակության ամենակարևոր ուղենիշերը, և լուծելու քաղաքական, տնտեսական և իրավական կրթության հարցեր:

Բանալի բառեր՝ լեզվական իրավիճակ, լեզվահաղորդակցության տեսություն, լեզուների միաձուլում, մշակույթների միավորում և բաժանում, լեզվական միջամտություն, երկլեզվություն:

LINGUISTIC SITUATION IN THE REPUBLIC OF ARMENIA AS A RESULT OF VERBAL CONTACTS

M. Ispiryan

ispiryanmariam@aspu.am

*Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor at the Department of Russian Language,
Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan,
Yerevan, Republic of Armenia*

E. Avetisyan

avetisyan.elen@inbox.ru

*English language teacher at the base High-School College,
Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The theory of linguistic contacts is extremely important in the applied aspect in order to organize and conduct an effective language policy, taking into account the social organization of society at different levels of leadership and management, the assimilation of values and norms as the most important landmarks of society, and the solution of issues of political, economic, and legal education. The article attempts to assess the linguistic situation in the Republic of Armenia as a result of linguistic contacts.

Keywords: language situation, theory of linguistic contacts, language mixing, divergence, convergence, language interference, bilingualism.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 29 января 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 17.02.2020 г.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ОСТРОВ САХАЛИН» – «АД» VS. «КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ КОЛОНИЯ»: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Карен Суренович Акопян

karen.hakobyan@rau.am

*К.ф.н., доцент,
и.о. профессора, зав. кафедрой русского языка
и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук
Российско-Армянский университет
Ереван, Армения*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены два центральных в книге путевых записок А.П. Чехова «Остров Сахалин» образа-мотива – «Сахалин – это ад» и «Сахалин – это крепостническая колония». Взаимодействие и взаимосвязанность этих образов-мотивов показаны также в одной из точек их пересечения – в теме экзистенциального обезличения каторжных, оказавшихся на острове.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Остров Сахалин, ад, крепостническая колония, обезличение.

«Остров Сахалин» – книга очерков А.П. Чехова, написанная в 1891–1893 годах в жанре путевых записок после путешествия писателя на остров Сахалин летом – осенью 1890 года¹. В основу книги легли как личные путе-

¹ В статье текст книги «Остров Сахалин» цитируется по полному собранию сочинений и писем А.П. Чехова: в 30-и тт. – М.: «Наука», 1987. При цитировании сахалинских очерков и писем Чехова указываются том издания и страницы.

вые впечатления Чехова, так и собранные им обширные статистические данные.

«Сахалин – это ад» – один из центральных обобщающих образов чеховской книги. Этот образ несет большую смысловую нагрузку в художественной системе произведения, создавая особый ракурс рассмотрения проблемы и особую тональность восприятия сахалинской действительности. Он является одновременно и фоном, необходимым для адекватного понимания авторской позиции, и ключевым мотивом, способствующим верному осмыслению других художественных образов. В ходе его анализа мы опирались как на прямые лексические указания (функционирование слова «ад» в различных контекстах), так и на многочисленные косвенные, опосредованные ссылки.

Впервые слово «ад» встречается уже в первой главе предваряющих «Остров Сахалин» очерков «Из Сибири», являющихся своеобразным прологом-вступлением к основному произведению: Чехов завершает изображение паромщиков – ссыльных (!) – следующими словами: 1) «На **этом свете** они уже не люди, а звери, а по мнению деда, моего возницы, и **на том свете** им будет худо: пойдут за **грехи в ад**» (здесь и далее в примерах выделено нами – *К.А.*) [С. XIV–XV: 10].

В IV главе очерков «Из Сибири», описывая разлив Иртыша, Чехов пишет о нем и его берегу, что, «судя по виду», на нем «могут жить одни только жабы и **души** больших **грешников**» – и далее приводит следующее сравнение: 2) «Иртыш не шумит и не ревет, а похоже на то, как будто он стучит у себя на дне по **гробам**. Проклятое впечатление!» – и тут же рядом, не боясь чрезмерности повтора, – «сердитый Иртыш стучит по **гробам**...» [С. XIV–XV: 19]. Как не сравнить в эту минуту могучую сибирскую реку со Стиксом?

Уже подплывая к самому Сахалину, автор замечает: 3) «Кажется, что тут **конец света** и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами» [С. XIV–XV: 45].

В очерках мы еще несколько раз встречаемся с прямым указанием на «адский» характер острова: накануне прибытия на остров Чехов наблюдает картину пожара: 4) «Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэ-

тов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастической. <...> похоже, как будто горит весь Сахалин. <...> И все в дыму, как в **аду**» [С. XIV–XV: 54].

Удивительно, но сами каторжные воспринимают себя мертвыми: 5) «...приговоренный к каторге удаляется из нормальной человеческой среды без надежды когда-либо вернуться в нее и таким образом как бы **умирает** для того общества, в котором он родился и вырос. Каторжные так и говорят про себя: “**Мертвые** с погоста не возвращаются”» [С. XIV–XV: 345].

Описывая Дуйскую тюрьму – одно из самых ужасных мест на острове, – Чехов замечает: 6) «...воображаю, какой **ад** бывает здесь зимою, когда внутри тюрьмы по утрам находят иней и сосульки» [С. XIV–XV: 131].

Негодую против равнодушия общества, лицемерно возмущающегося тюремными порядками и в то же время встречающего протестом всякий шаг к улучшению быта арестантов, Чехов приходит к справедливому заключению: 7) «Если мужик часто живет дома хуже, чем на каторге, то по логике такого замечания каторга должна быть **адам**...» [С. XIV–XV: 134–135].

В черновой рукописи число этих деталей еще больше. Так, прощаясь с Северным Сахалином, со «страшной Воеводской тюрьмой» и Дуэ, он писал: 8) «...и глядя назад, на этот мрачный мирок, этот маленький **ад**...» [С. XIV–XV: 514; варианты к с. 180].

Кроме того, 9) «**кромешным адом**» назван был в черновике дом терпимости на Сахалине, куда за 15–20 лет до Чехова попадали все каторжные женщины по прибытии на остров: «поступали в дом терпимости ... женщины / поступали в кромешный ад...» [С. XIV–XV: 580; варианты к с. 247].

Неудивительно, что по возвращении с острова Чехов вновь обращается к этому образу, называя Сахалин адом: 10) «Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым **адам**» (А.С. Суворину, 9 дек. 1890 г.) [П. IV: 139]; 11) «Я был <...> в **аду**, каким представляется Сахалин...» (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 10 дек. 1890 г.) [П. IV: 143].

Приведенные примеры явственно указывают на то, что этот образ-мотив находит в произведении отнюдь не одномерное, не однолинейное вопло-

шение. Во-первых, очевидно, что идея «ада» воплощается в сибирско-сахалинских очерках не столько в христианско-религиозном ключе, сколько в художественном, образно-метафорическом, опирающемся на культурный, литературно-мифологический фон. Во-вторых, наблюдается динамический процесс смещения смысловых акцентов с прямого значения этого многозначного слова на переносное, перетекание религиозно окрашенного значения «место, где души умерших грешников после смерти предаются вечным мукам» (примеры 1, 4 и 5, косвенно – 2 и 3) в переносное – «невыносимые условия, тяжёлое состояние; хаос и ужас, царящие где-нибудь» (примеры 6 – 9) (значения даны по [6: 18]; см. также [5, I: 25]). Однако в некоторых случаях, как в примерах (10) и особенно (11), контекстная диффузность приводит к тому, что размываются границы между прямым и метафорическими значениями слова (добавляется также ещё одно переносное значение «об испытываемых нравственных страданиях, душевных муках» [5, I: 25]), они налагаются друг на друга, и происходит смысловой резонанс, когда слово переливается различными семантическими оттенками, обогащая тем самым художественный образ.

Этот образ питают и ряд косвенных, опосредованных деталей: это устойчивые словосочетания с опорным словом «свет» (в пространственном значении) – «этот / тот свет»²; «конец света» (в значении «край мира»); это и немаловажный мотив «греха» и, следовательно, «грешников»³ (в книге было обнаружено 6 контекстов употребления слова «грех» как в прямом, так и в переносном значениях (См.: [С. XIV–XV: 43, 173, 263, 264, 274, 346]).

² На с. 120 повествуется о некоем надзирателе со странной (а в ракурсе исследуемого образа – символической) фамилией **Убьенных** (!) («на лице у него в самом деле <было> что-то убиенное, горько-недоумевающее»), вся служба которого «закключалась только в докладах приезжающим, что всё **на этом свете** обстоит благополучно». И вновь Чехов обращается к «языковой игре»: в противопоставительной паре «этот свет» – «тот свет» именно второе словосочетание понимается как обозначение потустороннего, загробного мира, однако в данном контексте наблюдается референциальная перестановка: Сахалин – «этот свет» для надзирателя – является другим, иным миром для приезжающих с материка и, следовательно, ассоциируется ими с «тем светом».

³ «Ассоциация “Сахалин – ад” подкреплялась и тем обстоятельством, что на острове страдали, отбывая наказание, преступники, то есть грешники» [4: 152].

Безусловно, усиливает анализируемый нами образ такое – в духе античности – сравнение: 12) «люди бродили, как тени, и молчали, как тени» [С. XIV–XV: 65] (это во время праздника по случаю прибытия на остров генерал-губернатора Корфа). Тонким намеком на «адский» характер Сахалина являются полные тайной тревоги и одновременно юмора строки из письма Чехова А.С. Суворину (собиравшемуся летом отправиться куда-то на юг): 13) «...Скоро пробьет час, в онъ же все праведные уедут за границу или в Феодосию, а грешные к генералу Кононовичу и аггелам его...» (А.С. Суворину 17 мар. 1890 г.) [П. IV: 42]. В словаре В. Даля читаем: «Аггель – злой дух, дiаволь, сатана» [3, I: 4]⁴. Стало быть, В.О. Кононович воспринимался тогда писателем, конечно иронически, не только как начальник острова, но и как предводитель дьявольских сил, что для Чехова было одно и то же, а сам остров, очевидно, ассоциировался с адом.

Надо сказать, что восприятие Чеховым острова не было статичным, оно изменялось: если в первое время изображение писателем сахалинской действительности часто принимает фантазмагорические, inferнальные черты, то потом, по мере погружения в жизнь острова, его будни (и даже праздники), описание становится все более реалистичным, наполняется естественными красками и формами.

Второй обобщающий образ, также постоянно возникающий в книге, – «Сахалин – крепостническая колония». Сняв в процессе работы слова: «о рабовладельческой эпохе в. о сходстве рабовладельческой эпохи, которое пе-

⁴ Это сугубо книжное, церковнославянское слово имеет довольно интересную историю: «В период II южнославянского влияния в соответствии с греч. орфографическими правилами начинают писаться и сочетания букв, что предполагает и греческие правила чтения этих сочетаний. Именно так обстоит дело с написанием *гг* вместо *нг*, *жк* вместо *нк*. Так, например, под влиянием греческой орфографии вместо *ангелъ* начинает писаться *лггелъ* (ср. греч. *ἄγγελος*)...

При этом по правилам греческого произношения *γγ* и *γκ* читается с первым носовым согласным: [ng], [nk]. <...> Однако под влиянием грецизированного написания появляется и неправильное произношение, обусловленное побуквенным чтением... Этому неправильному произношению усваивается специальный смысл: ... *аггель* начинает означать не ангела, а **беса, падшего ангела**; в этом специальном значении данное слово входит в норму церковнославянского языка» (выделено нами – К.А.) [9: 304, 334].

реживает теперь сахалинская колония...», «возводились [колизеи и] храмы» [С. XIV–XV: 593; варианты к с. 260], Чехов нейтрализует возможность сравнения Сахалина с римским рабовладельческим обществом и, напротив, усиливает ассоциативную связь с русским крепостничеством. Публицистически остро эта тема звучит в V главе, в которой автор обращается к вопросу о прислуге на Сахалине – «обидному и грустному вопросу». Прибегая к жонглированию законами, начальники острова господина Гинце и Кононович отдавали приказы, внешне запрещающие назначать ссыльнокаторжных в прислугу к чиновникам, но на деле «человек заинтересованный мог широко толковать их в свою пользу» [С. XIV–XV: 97] – и толковали! К моменту прибытия Чехова на остров, все чиновники, даже не имевшие никакого отношения к тюремному ведомству, пользовались каторжными для своего домашнего обихода «в самых широких размерах», причем жалованья им не платили. И Чехов раздражается гневной тирадой в адрес сахалинского чиновничьего аппарата (что, кстати сказать, довольно редкое явление в фактически «спокойном» тексте книги), обвиняя чиновников в том, что 14) они превратили каторгу в крепостничество, «так как каторжный служит не государству, а лицу, которому нет никакого дела до исправительных целей»; а ссыльнокаторжного превратили в раба, «зависящего от воли барина и его семьи, угрождающего его прихотям...» [С. XIV–XV: 98]. Образ такого «барина» и его семьи появляется в IX главе, когда писатель посещает селение Дербинское. 15) Смотритель Дербинской тюрьмы – В.В. Овчинников – «точь-в-точь как помещик доброго старого времени, денно и ночью пекущийся о запасах» [С. XIV–XV: 150]. Сколько жёлчной иронии скрыто в описании этого чиновника, который «все ходит от амбара к амбару и звенит ключами»; так и слышатся щедринские («головлёвские») интонации: 16) «и кругом чувствуется тихая, приятная сытость и довольство; ступают мягко, по-кошачьи, и выражаются тоже мягко: рыбка, балычки, казенненькое довольствие...» [там же].

Со временем, ближе познакомившись с островом, с его населением и с его порядками, Чехов приходит к гораздо более горькому заключению, включив в чиновничью среду и интеллигенцию: 17) однажды за обедом старик-каторжный «подал что-то не так, как нужно, и чиновник крикнул на него строго: «Дурак!» Я посмотрел тогда на этого безответного старика и,

помнится, подумал, что русский интеллигент до сих пор только и сумел сделать из каторги, что самым пошлым образом свел ее к крепостному праву» [С. XIV–XV: 209].

Оба указанных образа-мотива, несомненно, тесно взаимосвязаны. И дело здесь не только в том, что на Сахалине суровые природные условия становятся адскими вследствие равнодушного, бесчеловечного, попустительского отношения чиновничьего аппарата, что люди низведены до рабов, в лучшем случае – крепостных, бессловесных тварей, оцениваемых лишь с точки зрения их физических возможностей (каторжные, по признанию Чехова, заменяют на острове вьючных животных(!) [С. XIV–XV: 75]). Помимо невыносимых физических страданий, выпадающих на долю ссыльных, чрезвычайно губительно воздействовали на них и сама окружающая обстановка, тупость, недобросовестность и крутой нрав всяких крупных и мелких чиновников, когда на каждом шагу приходилось терпеть от их наглости, несправедливости и произвола⁵. 18) «А между тем каторжник, как бы глубоко он ни был испорчен и несправедлив, любит всего больше справедливость, и если ее нет в людях, поставленных выше его, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неверие» [С. XIV–XV: 139].

Крайне пагубно сказывалась на психике сахалинцев и система наказаний, принятая на острове. На каторге широко применялись розги – единственный метод «воспитания», плети, приковывание к тележке, то есть те наказания, которые не просто причиняют телу преступника боль и мучения, но и позорят его личность, что приводит в результате к нравственному падению человека, к утрате им человеческого достоинства. Что касается других видов наказания, то, например, и оковы, и туз на спине (сначала – желтый, потом – черный), и наполовину бритые головы, утратили свое прежнее значение (они служили для предупреждения побегов и распознавания ссыльных) и сохранились лишь как позорящие наказания. (О семиотической интерпретации старения и стирания *опознавательных и различительных знаков*, об *опусто-*

⁵ «И теперь встречаются чиновники, – с горечью признается Чехов, – которым ничего не стоит размахнуться и ударить кулаком по лицу ссыльного... или приказать человеку, который не снял второпях шапки: “Пойди к зрителю и скажи, чтобы он дал тебе тридцать розог”» [С. XIV–XV: 319].

шенных знаках в поэтике Чехова см.: [7]). Особенно показательно разрушающее воздействие на психику людей цепей и кандалов, когда восприятие ненормального, неестественного положения дел приводит к экстраполяции заключенного состояния каторжных на окружающую действительность. Так, на острове не только собаки находятся на привязи, но если есть свиньи, то с колодкой на шее, и даже петухи привязаны за ногу. «У нас на Сахалине все на цепи. Земля уж такая», – слышит в ответ на свой вопрос изумленный писатель. (См.: [С. XIV–XV: 73; также 152]).

И все же своеобразие сахалинского «ада» заключается в том, что писатель не заостряет особого внимания на исключительных проявлениях жестокости, садизма, почти проходит мимо психопатологических причин преступления, крайностей произвола и насилия. В этом смысле он даже считает, что «“Мертвого дома” уже нет»⁶ [С. XIV–XV: 320]. Трагизм и ужас ссыльно-каторжного существования он видит прежде всего в извращающем влиянии общей атмосферы неуважения к человеческому достоинству, постоянного унижения личности. Чехов увидел каторгу и ссылку «через трагедию повседневного, будничного, рядового явления. Вот почему среди вопиющих ужасов каторжной жизни, таких, как телесное наказание, писатель замечает, казалось бы, «невинные», «безобидные» формы неуважения к человеку: он подчеркивает, что каторжники за 50 шагов снимают шапку перед начальством, чиновники бесцеремонно выбирают прислугу <и «девочек» и многое другое>...» [2: 28].

Не вызывает никакого сомнения, что описанные невыносимые условия, унижавшие человеческое достоинство, неминуемо приводили к деградации, нравственному падению человека. И здесь нам бы хотелось остановиться на анализе несколько необычной, нетривиальной связи указанных выше двух образов-мотивов, пересекающихся в теме **обезличивания** человека на Сахалине.

Прибыв на «каторжный остров», Чехов оказывается в некотором антагонистическом мире, в котором естественные законы человеческого обще-

⁶ Тонкому сопоставительному анализу «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского и «Острова Сахалин» А.П. Чехова посвящена статья Г.П. Бердникова «Чехов и Достоевский». См.: [1].

жития либо не действуют вовсе, либо перевернуты с ног на голову. В этом «перевернутом» мире даже **имя**, необходимо-естественное свойство человека, претерпевает коренные, сущностные изменения – оно перестает отличать людей друг от друга, но становится показателем их обезличенности: 19) «У бродяг самое употребительное имя Иван, а фамилия Непомнящий. Вот несколько бродяжеских прозвищ: Мустафа Непомнящий, Василий Безотечества, Франц Непомнящий, Иван Непомнящий 20 лет, Яков Беспровзвания, бродяга Иван 35 лет [это число составляет часть фамилии; в действительности ему 48 лет], Человек Неизвестного Звания» [С. XIV–XV: 69]. Какими бы утилитарными, практически ориентированными ни были причины добровольного отказа человека от собственного имени (например, для того чтобы скрыться от властей при побеге), это так или иначе приводит к его обезличиванию. Отречение от имени преследовало именно эту цель, ведь бродяга стремится утратить отличительные черты, индивидуальные особенности, стремится стать похожим на других. А именно данные значения приводятся в «Словаре русского языка» при определении слова «обезличиться» [5, II: 526; см. также: 6: 426]. «Потеря» же имени разрывает последнюю, самую крепкую связь человека с его прошлым и с родиной.

Мотив обезличивания человека на каторге находит довольно неожиданное развитие. В селении Дербинском Чехов оказывается свидетелем сцены распекания зрителем тюрьмы группы каторжников в 20 человек, просившихся в больницу. 20) «Они оборваны, вымокли на дожде, забрызганы грязью, дрожат; они хотят выразить мимикой, что им в самом деле больно, но на озябших, застывших лицах выходит что-то кривое, лживое, хотя, быть может, они вовсе не лгут... Приходит на ум слово «парии», означающее в обиходе состояние человека, ниже которого уже нельзя упасть. За все время, пока я был на Сахалине, только в поселенческом бараке около рудника да здесь, в Дербинском, ... были моменты, когда мне казалось, что я вижу крайнюю, предельную степень унижения человека, дальше которой нельзя уже идти» [С. XIV–XV: 152]. «Верный себе, Чехов видит «предельную степень унижения человека» не в страшных преступлениях и злодействах, не в сцене телесного наказания, а в такой привычной, наверное, для сахалинского быта (да только ли сахалинского?) картине: люди, которые и болеть-то могут

только по разрешению, которые потеряли способность владеть даже собственным лицом: хотят выразить мимикой одно, а получается совсем другое, – парии, будто шагнувшие в дождливое утро из ночного кошмара», – замечает литературовед И.Н. Сухих [8: 89]. При всей тонкости комментария, И.Н. Сухих не отмечает суггестивной насыщенности этого образа, когда «предельная степень унижения» человека приводит к абсолютному его *обезличиванию*, вплоть до потери контроля над собственным лицом. Тем самым образ создается благодаря синтезу двух смысловых блоков: с одной стороны, значения «лишение самостоятельности, возможности проявления себя как личности» (см. переносное значение «обезличить» [5, II: 526]), а с другой – своеобразной смысловой игры, вызываемой прямым, буквальным толкованием внутренней формы слова *обез-лич-ивание*. Физиологическое «обезличивание» становится показателем высшей степени униженности, забитости каторжника, его попранных прав и растоптанного человеческого достоинства.

Таким образом, представлены различные смысловые грани этого сложного образа, в формировании которого участвуют не только прямое и переносное значения, отмеченные в толковых словарях, но также те смыслы, которые создаются в результате «языковой игры» на уровне внутренней формы слова. Отказ от родного имени, предельная униженность человека и даже невозможность контролировать мимику собственного лица оказываются явлениями одного порядка, объединяясь в точке пересечения – **экзистенциальной обезличенности** ссыльнокаторжного, оказавшегося на «адском» острове.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердников Г.П. Чехов и Достоевский // ВЛ. № 2. – М., 1984. – СС. 105–150.
2. Гайдук В.К. Творчество А.П. Чехова 1887–1904 гг. (проблема эволюции). – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
4. Долженков П.Н. Чехов и позитивизм. – М.: Изд-во «Скорпион», 2003.

5. МАС – Словарь русского языка в 4-х тт. // Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: «Русский язык», 1985–1988 [Малый академический словарь].
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополн. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2005.
7. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. – М., 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://my-chekhov.ru/kritika/problem/content.shtml> (Дата обращения: 07.10.2020 г.).
8. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987.
9. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – М.: «Аспект Пресс», 2002.
10. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-и тт. [Редкол.: Н.Ф. Бельчиков и др.] Сочинения в 18-и тт. – М.: «Наука», 1983–1987.
11. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30-и тт. [Редкол.: Н.Ф. Бельчиков и др.] Письма в 12-и тт. – М.: «Наука», 1974–1983.

«ՍԱԽԱԼԻՆ ԿՂԶԻՆ»՝ «ԴԺՈՒԹ» VS. «ՃՈՐՏԱՏԻՐԱԿԱՆ ԳԱՂՈՒԹ». ՀԱՏՄԱՆ ԿԵՏԵՐ

Կ.Ս. Հակոբյան

karen.hakobyan@rau.am

*Բ.գ.թ., դոցենտ, պրոֆեսորի պաշտոնակատար,
Հումանիտար գիտությունների ինստիտուտի
ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի վարիչ
Հայ-Ռուսական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում են Ա.Պ. Չեխովի «Սախալին կղզին» ճանապարհորդական գրառումների գրքում տեղ գտած երկու կենտրոնական պատկերները-եղանակները՝ «Սախալինը դժոխք է» և «Սախալինը ճորտատիրա-

կան գաղութ է»: Այս պատկերների-եղանակների փոխազդեցությունն ու փոխկապակցությունը նույնպես ցուցադրվում են դրանց հատման կետերից մեկում՝ կղզում հայտնված դատապարտյալների էքզիստենցիալ անձնագերծման թեմայում:

Բանալի բառեր՝ Ա.Պ. Չեխով, «Սախալին կղզին», դժոխք, ճորտատիրական գաղութ, անձնագերծում:

«SAKHALIN ISLAND» – «HELL» VS. «SERF COLONY»: THE POINTS OF INTERSECTION

K. Hakobyan

karen.hakobyan@rau.am

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Acting Professor, Head of the Department of Russian Language
and Professional Communication of the Institute of Humanities
Russian-Armenian University
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article considers two central images in the book of travel notes by A.P. Chekhov's «Sakhalin Island» – «Sakhalin is hell» and «Sakhalin is a serf colony». The interaction and correlation of these images-motives is also shown in one of the points of their intersection – in the theme of existential depersonalization of convicts who find themselves on the island.

Keywords: A.P. Chekhov, «Sakhalin Island», hell, serf colony, depersonalization.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 15 октября 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 19.11.2020 г.*

РАССКАЗ ЭДГАРА ПО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТАНАТОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Наталья Кареновна Гончар-Ханджян

natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

*К.ф.н., доцент,
доцент кафедры зарубежной литературы
Ереванский государственный университет
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В данной статье малоизвестный рассказ представителя американского романтизма XIX века Эдгара Аллана По «Правда о том, что случилось с мосье Вальдемаром» рассматривается с интертекстуальной точки зрения, а именно, как текст-палимпсест, служащий экспериментальным полигоном для выражения и сублимации танатофобии самого автора. Проводятся параллели с современной научной теорией, посвященной исследованиям смерти.

Ключевые слова: Эдгар По, танатология, месмеризация, эксперимент, таинство жизни и смерти, пророческие рассказы.

В глобальном общечеловеческом мифе тема смерти и посмертных переживаний играет ведущую роль. Культурное наследие древних цивилизаций отразило тему смерти в наскальной живописи и – позднее – в сводах египетской «Перт эм хру», тибетской «Бардо Тходол», «Керамическом кодексе» и «Кодексе Борджиа» майя и ацтеков, в мифологии Древнего Китая и Греции. Тесно связанный с мифом о рождении и возникновении жизни и всего живого, танатологический миф дает представление о переходном состоянии души, измененном, но не конечном ее воплощении.

В современном секуляризированном мире, где само понятие смерти девальвировано в результате глобальных войн, кризиса современного сознания и экологической катастрофы, оно теряет свое сакральное наполнение, нарушается тандем рождение/смерть, на котором базировались древние мистические учения, из табуированной темы становится «субъектом» пост-модернистского гипертекста в литературе и кино, предметом научного эксперимента в мультикультурных исследованиях.

«Исследования смерти» (death studies), или танатология, дает возможность считать достижения в теории и практике экзистенциальной психологии более обоснованными и всеобъемлющими. Работам Германа Фейфеля, давшего первый мощный толчок старту междисциплинарных исследований в области танатологии, предшествовал призыв нобелевского лауреата Ильи Мечникова к сугубо научному подходу к проблеме смерти, необходимому для «блага человечества» (Об этом см. подробнее: Мечников И. Этюды о природе человека // https://royallib.com/author/mechnikov_ilya.html (дата обращения: 31.01.2020), получивший дальнейшее разрешение в программе Спин Гроув на базе исследований Станислава Грофа в области холотропных состояний сознания, опирающихся на мистические переживания – вплоть до «клеточного уровня» [6: 35].

Таким образом, именно научная мысль, несмотря на свою экспериментальную «прозрачность», возвратила смерти ее сакральное содержание. Если современный пост-модернистский роман представляет собой опытный полигон, созданный с учетом новейших научных достижений, в частности, в области психологии, как и ее сегмента – танатологии, то сама «наука о смерти», в свою очередь, получает интертекстуальное содержание посредством мифологических и литературных реминисценций. И здесь отдельное место отводится некоторым рассказам Эдгара По, в рамках литературы создавшего все предпосылки для будущего научного эксперимента.

Еще древнеримская литература дает примеры научно-аналитического взгляда на смерть. Кумская пророчица Амалфея, обращенная, по преданию, в прах и заточенная в бутылку, жаждет смерти, в которой ей отказано. Этим образом «живого» мертвеца, не находящего «ни успокоения в смерти, ни об-

новления в воскресении», Т.С. Элиот предвдвряет свою символическую поэму «Бесплодная земля» [12: 163].

Состояние мифической сивиллы подобно, если прибегнем к формулировкам французского мыслителя Мориса Бланшо, «проклятию существования, объединяющего в себе смерть и бытие, не будучи при этом ни тем, ни другим» [2: 70]. Античная легенда о кумской сивилле, являющаяся, возможно, фантазией завравшегося Трималхияна из «Сатирикона» Петрония и становящаяся метафорой жизни как процесса умирания для Элиота, не беспочвенна. В своей книге «Танатология – наука о смерти» [8: 17–19] С. Рязанцев говорит о новейших исследованиях, установивших, что смерть – это постепенная эволюция организма с вероятной долей обратимости, так сказать, *особый род существования*, когда до 39-го дня (на 39-ый день регистрируется последний значительный мозговой сигнал) тело сохраняет определенную электрическую активность и, следовательно, под воздействием суггестивных методов внушения (месмеризация, гипноз) способно подняться и двигаться. Но если допустимо и то, что «после смерти живых существ дольше всего живет та часть их телесного состава, которая называется словом» [9: 179], то свидетельства трупа недавно усопшего из одной из вставных новелл «Золотого осла» Апулея возможно реальны, а не фантастичны.

Обратимся теперь к рассказу Эдгара По «Правда о том, что случилось с мосье Вальдемаром», т.е. «правда» о том, как благодаря месмеризации (предшествовавшей современному гипнозу) в течение «почти шести месяцев» поддерживался гипнотический контакт с трупом. Мосье Эрнест Вальдемар, сам будучи человеком образованным (составитель «Судебной библиотеки и переводчик на польский “Валленштейна” и “Таргантюа”») и зная о близкой своей кончине, добровольно соглашается принять участие в эксперименте своего ученого друга-гипнотизера, пытающегося выяснить, подвержен ли человек месмерическому воздействию *in articulo mortis*, т.е. в состоянии агонии [См.: 11: 361]. Месмерическое воздействие оттянуло ожидаемый момент смерти, что возбуждает чрезмерное любопытство медиков, находившихся при больном и должных «освидетьствовать» труп мосье Вальдемара. Тело послушно реагирует на гипнотические пассы, чего не удавалось раньше, при жизни Вальдемара, и между экспериментатором и трупом возникает

«месмерический rapport» (Термин этот, используемый По, является одним из ключевых понятий в современной НЛП и означает отношения доверия и взаимопонимания между контактерами). Но попытка завести разговор приводит к тому, что мосье Вальдемар умоляет не будить его и дать умереть.

У Апулея читаем: «... и поднялся мертвец, и заговорил юноша: – Зачем, скажите мне, зачем вкусившего уже от летейских чаш, уже по стигийским болотам плывшего, к делам мимолетной жизни возвращаете? Перестань же, молю, перестань, и меня к покою моему отпусти! – вот что сказал голос, исходивший из тела» [1: 132]. Страдания, на которые персонажей Апулея и По обрекают возвращающие их ненадолго к жизни, объяснимы в свете тезиса М. Бланшо, утверждающего, что «умирая, мы одновременно покидаем и мир, и смерть» [2: 61], в противовес известному изречению Эпикура, по которому: когда есть мы, то смерти еще нет, а когда наступает смерть, то нас уже нет.

Если, как говорит об этом Борхес, «для бедного По чудовищным был сам факт существования», то описание кощунственного опыта, в результате которого смерть (или то, что под ней разумеется) остановлена «месмерическим воздействием», порождает «страх особого рода, и этот страх выражен в фавуле» [3: 60].

Ссылаясь на опыты науки, С. Рязанцев в указываемой нами главе своей книги приводит сведения, согласно которым при разрушении тела расщепляются квантовые оболочки, период полураспада которых равен 9-ти дням, а полного распада – 40-а суткам, и названные сроки совпадают со временем поминок по усопшим [См.: 8: 17–19]. Все это имеет место при условии, что не поступает информационно-энергетической подпитки, замечает автор работы о «науке умирания».

Внешнее воздействие держит героя По в пороговом (между жизнью и смертью) состоянии в течение примерно 210 дней. И утверждение о том, что «когда я говорю, через меня говорит смерть» [2: 43] более чем точно отражает то не поддающееся описанию состояние, в котором пребывает персонаж рассказа По: когда вновь вопрошают мосье Вальдемара, «кошмарный голос, рассказать о котором было бы безумием ... невозможно по той причине, что подобные звуки еще никогда не оскорбляли человеческого слуха»,

произносит: «Ради бога!.. скорее!.. усыпите меня, или скорее... разбудите! скорее!.. Говорю вам, что я умер!» [11: 369].

Попытка оживить тело приводит к полному разложению: «С языка, но не с губ страдальца рвались крики: “умер!”, “умер!”», все его тело – в течение минуты и даже быстрее осело, расплзлось, буквально разложилось под моими руками. На постели перед нами лежала полужидкая, отвратительная, гниющая масса» [11: 369]. Словно подводя итог мучениям кумской прорицательницы, ставшей песком, или вернувшегося в «жидкое» (первоначальное) состояние героя-страдальца Эдгара По, звучат слова Мориса Бланшо: «пока я живу – я смертен, но стоит мне умереть, я перестаю быть способным умереть» [2: 61] или Абрахама а Санта-Клара, немецкого монаха-августинца XVII века: «Человек, который умирает до того, как умирает, не умирает, когда умирает» [Цит. по: 5: 66].

«Грань, отделяющая Жизнь от Смерти, в лучшем случае, обманчива и неопределенна. Кто может сказать, где кончается одно и начинается другое?» [11: 227], – задается вопросом герой другого рассказа По «Заживо погребенные». В то время как в герое первого рассказа искусственно поддерживают признаки жизни, несмотря на его собственную констатацию смерти («Я спал... а теперь... теперь я умер» [11: 397]), один из персонажей второго рассказа, мистер С., которого врачи объявили мертвым, «в отчаянии пытался вымочь, поняв, что попал в мертвецкую» [11: 219], что он жив. По приводит в рассказе некоторые примеры погребения заживо, почерпнутые из лейпцигского «Хирургического журнала» и других печатных органов, а также из рассказов современников. В основе всех этих вопиющих случаев невольной врачебной ошибки лежала болезнь, которой страдал и герой рассказа «Погребенные заживо», хорошо известная медикам и получившая название летаргия или «малая смерть».

Когда человек впадает в летаргию, он напоминает мертвого – все функции организма снижаются до предела. Причиной летаргического сна является функциональное нарушение нервной системы. Во время летаргического сна замораживаются все функции организма, психическая деятельность, замедляются процессы старения. Известно, что летаргию вызывают простейшие паразиты – трипаномы, которые переносятся мухой цеце (этот вид

сонной болезни называется болезнью Брюса, по имени ученого, определившего ее возбудителя). Другой пример летаргии – сонный энцефалит (или болезнь Эконома, по имени детально ее изучившего австрийского психиатра). Наконец, причинами летаргического сна могут стать не только функциональные нарушения нервной системы, вирус и трипаносомы, но и травмы и опухоль мозга, тромбоз мозговых сосудов [Об этом см.: 10: 319].

Зная о подверженности человека каталепсии и не наблюдая признаков распада, родные и друзья могут спасти больного от преждевременного захоронения. Успокаивая себя этим, герой рассказа, посвящая читателя в таинство болезни (со всеми симптомами которой автор рассказа знаком, можно сказать, на профессиональном уровне и, возможно, как предполагают некоторые из биографов По, эмпирически, сам будучи жертвой расстройства), старается все предусмотреть заранее, распорядившись так перестроить склеп, чтобы он содержал все мыслимые приспособления для комфортного в нем пребывания, а главное же – для немедленного, по возвращении к жизни, из него освобождения. Но «беспокойство, неуравновешенность – удел героев По. Их преследуют кошмары... им поистине не чужд ни один оттенок безумия, ни одна стадия помешательства» [4: 15]. И потому герой рассказа, несмотря на все предосторожности, не может избавиться от вязких мыслей об адских муках погребенного заживо и только «сильнейшее потрясение вызвало неизбежный перелом» [11: 226] в его рассудке, помогло сформировать и интегрировать стойкую мысль о возможности избежать преждевременного захоронения, а потом и навсегда «избавиться от страхов перед могилой, а с ними и от каталепсии, которая была скорее их следствием, нежели причиной» [11: 226].

Таинство жизни и смерти, их оппозиция, их связь занимали умы во все времена, занимают и в наше, новейшее, время. В тибетской книге мертвых «Бардо тходол» демонстрируются стадии сознания, связанные с процессом смерти и возрождения, где *бардо* (промежуточное состояние) внутриутробного состояния сменяется *бардо* момента смерти, затем завершается *суней бардо* – выходом из состояния сансары в поисках нового рождения. Выражением универсальной темы смерти и возрождения являются и миф о Кецаль-Коатле, изложенный в «Кодексе Борджиа» месоамериканцев или

миф в «Керамическом кодексе» майя, повествующий о братьях-близнецах, попавших в Шибальду (царство мертвых), но восставших из мертвых и заработавших бессмертие [См. подробнее: 5: 116–126].

Английский поэт и проповедник Джон Донн, чьими последними словами миру были: «схватка со смертью», утверждал единство таинств, связывал таинство рождения (крещения, брака) со смертью, в своей проповеди говорил: «само наше рождение – это *exitus a morte*, исход из смерти, ибо в утробе матери мы мертвы, так как еще не знаем, что мы живем» [7].

В своих драматических рассказах «Колодец и маятник» и «Низвержение в Мальстрем» Эдгар По показывает *exitus a morte*, которые затем для других его героев станут лишь вратами (*introitum in mortem*) в другую смерть – «туда, где мы преданы многообразным смертям этого мира» [7].

Теория перинатальных матриц, на которых базируется учение Грофа, за полтора века до ее научного обоснования оказалась предсказанной и подробнее описанной в рамках художественного текста (Об этом см.: Н. Гончар-Ханджян. Перинатальные матрицы в рассказе Эдгара По «Колодец и маятник»). Соединяя – вслед за Джоном Доном – появление на свет и уход из жизни, обрамляя своеобразной мистической рамкой свое творчество, в котором мучительно пытался разрешить терзавшие его проблемы, По создал тексты-палимпсесты, дающие возможности для новых и новых прочтений и толкований.

«Есть темы, проникнутые всепокоряющим интересом, но слишком ужасные, чтоб стать законным достоянием литературы» [11: 214], – так начинает По свой рассказ «Погребенные заживо» и сам же, нарушая табу, сделал эти темы ее достоянием, в своих рассказах отсылая нас к древним мифам и вместе с тем предвосхищая обращение к этим волнительным в сегодняшнем научном контексте вопрос.

Таким образом, классик американской литературы первой половины XIX века, По в своих рассказах касается вопросов, в которых пытается разобраться современная медицина и трансперсональная психология, в исследованиях по танатологии и перинатальной психологии ссылающаяся и на пророческие рассказы По за подтверждением и примером.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апулей*. Апологии. Метаморфозы. Флориды. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.
2. *Бланшо М.* Литература и право на смерть. – В кн.: М. Бланшо, В. Зомбарт, Э. Канетти. Тень парфюмера. – М.: «Эксмо», 2007.
3. *Борхес Х.Л.* Собр. соч в 4-х тт. – СПб.: «Амфора», 2001. – Т. 4.
4. *Брукс Ван Вик.* Писатель и американская жизнь. – М.: «Прогресс», 1971.
5. *Гроф С.* Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. – М.: Изд-во Института трансперсональной психологии, 2008.
6. *Гроф С.* Холотропное сознание. – М.: «Ганга», 2006.
7. *Донн Дж.* Поединок со смертью // Перевод, предисловие и комментарии – Н.Н. Казанский, А.И. Янковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fugatemporis.com/russian/donne.html> (Дата обращения: 31.01.2020г.).
8. *Рязанцев С.* Танатология – наука о смерти. – СПб., 1994.
9. *Павич М.* Звездная мантия. – СПб.: «Амфора», 2001.
10. *Полный словарь психоаналитика.* – М.: «Эксмо», 2008.
11. *По Э.* Избр. произведения в 2-х тт. – М.: «Художественная литература», 1972. – Т. 2.
12. *Элиот Т.С.* Бесплодная земля. – М.: «Прогресс», 1971.

ԷՂԳԱՐ ՂՈՅԻ ՂԱՏՄՎԱԾՔԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ՄԱՀԱԳԻՏԱԿԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՆԵՐՔՈ

Ն.Կ. Գոնչար-Խանջյան

natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

Բ.գ.թ., դոցենտ,

Արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ

Երևանի պետական համալսարան

Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հողվածում ինտերտեքստուալ տեսանկյունից դիտարկվում է 19-րդ դարի ամերիկյան ռոմանտիզմի ներկայացուցիչ Էդգար Ալան Պոյի «Ճշմարտություն այն մասին, թե ինչ կատարվեց պարոն Վալդեմարի հետ» քիչ հայտնի պատմվածքը՝ իբրև տեքստ-կրկնագիր, որը ծառայում է որպես գրողի թանաստֆորիայի՝ մահվան վախի արտահայտման և սուբլիմացիայի միջոց: Զուգահեռներ են անցկացվում մահվան հետազոտություններին նվիրված ժամանակակից գիտական տեսությունների հետ: **Բանալի բառեր**՝ Էդգար Պո, մահագիտություն, մեսմերիզացիա, փորձ, կյանքի և մահվան խորհուրդ, մարգարեական պատմվածքներ:

THE SHORT STORY BY EDGAR POE IN THE LIGHT OF MODERN THANATOLOGICAL THEORY

N. Gonchar-Khanjyan

natalie.goncharkhanjyan@ysu.am

*PhD, Associate Professor,
Associate Professor at the Chair of Foreign Literature
Yerevan State University
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

In this article, the little-known story of the representative of 19th century American romanticism, Edgar Allan Poe, «The Facts in the Case of M. Valdemar», is considered from an intertextual point of view, namely, as a palimpsest text that serves as an experimental training ground for the expression and sublimation of thanatophobia of the author himself. Parallels are drawn with modern scientific theory dedicated to the study of death.

Keywords: Edgar Allan Poe, thanatology, mesmerization, experiment, sacrament of life and death, prophetic stories.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 13 февраля 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 28.03.2020 г.*

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСКУССТВА ХАЧКАР С 6–17 ВВ.

Армен Самвелович Аветисян

avetlsyan.armen@inbox.ru

*Магистрант 1 курса
направления «Теория, история и управление искусства»,
Армянский государственный педагогический
университет имени Хачатура Абовяна,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей статьи является представление истории становления и развития искусства Хачкар с 6–17 вв.

Ключевые слова: Хачкар, становление истории, развитие искусства, историография.

Պատմագիր Ագաթանգեղոսի աշխատության համաձայն, Հայաստանում խաչերը երևան են գալիս Գրիգոր Լուսավորչի կողմից նոր կրոնը երկրում տարածելու ընթացքում¹: Դրանք կանգնեցվում էին ավերված հեթանոսական մեհյանների տեղում, որպես նոր կրոնի հաղթանակի հավաստում, կառուցվելիք տաճարի տեղանշում: Ապա դրանք կանգնեցվում էին ամենուրեք՝ բնակավայրերում, ճանապարհների վրա, հրապարակներում և այլուր: Այսպիսով, կատարվում էր «հեթանոսական տարածքի»

¹ Այդ մասին տե՛ս Ագաթանգեղոս, Պատմություն հայոց (աշխարհաբար թարգմանությունը Ա. Տեր-Ղևոնդյանի): – Եր., 1983: – էջ 394–402:

քրիստոնեացում: Տարածքի քրիստոնեացումը նախ և առաջ նշանակում էր նրա «խաչացում»:

Մինչ 4-րդ դարը (մինչ Կոստանդինոս Մեծի ժամանակները), երբ առաջին քրիստոնյաները ստիպված էին գաղտնի դավանել քրիստոնեությունը և գաղտնի պաշտել նրա այս կամ այն գաղափարը ցուցող մի շարք խորհրդանշաններ ու պատկերներ(ձուկ, նավ, աղավնի, արմավենի և այլն), խաչը դեռ համարվում էր սպանության և անարգանքի գործիք և որպես քրիստոնեության խորհրդանշան կիրառվում էր եզակի դեպքերում: Միայն քրիստոնեության հաստատումից հետո խաչը դարձավ նոր կրոնի խորհրդանիշ և լայն տարածում ստացավ:

Վաղ քրիստոնեական արվեստում որոշակի տեղ են զբաղեցնում հավասարաթև կամ հունական խաչերը: Հայաստանում տարածված հավասարաթև խաչերի զգալի մասը ունի դեպի ծայրերը շառավղաձև լայնացող թևեր: Նման խաչերը երբեմն կոչվում են նաև սիրիական, քանի որ դրանք սիրիական բազիլիկաների ամենատիպական խաչապատկերն են: Այսպիսի խաչերի առավելությունն այն է, որ դրանք շատ հեշտ է քանդակել սահմանափակ մակերևույթների վրա:

Ձարգացման ավելի մեծ հեռանկարներ ունեցավ ձգված համամասնություններով խաչը, որը տարածվեց հավասարաթև խաչերից մի փոքր ուշ՝ 5-րդ դարի կեսերից սկսած: Այս խաչերն ունեն հորիզոնական թևերի համեմատ ավելի երկար, ուղղաձիգ թևեր, որոշ դեպքերում էլ՝ ստորին թևի ընդգծված երկարություն:

Չողաբարձ խաչերը կարելի է բաժանել անշարժ և շարժական տեսակների: Առաջին դեպքում դրանք ունենում են զանգվածեղ պատվանդան, կարճ ձող, երբեմն էլ՝ խաչատակի խոյակ (շրջանի մեջ ներառված ձողաբարձ խաչերն համարվել են Գր. Լուսավորչի և Տրդատի կողմից կանգնեցված խաչեր): Դրանց մի մասը պատրաստվել է փայտից, որոշ օրինակներ էլ կամ դրանց առանձին մասեր՝ մետաղից:

Պետք է նշել, որ խաչի քրիստոնեաբանական ընկալումը որևէ կերպ չէր կարևորում քարի պահը: Խաչքարի պաշտամունքն արդյունք էր նաև հայերի՝ առանձին քարակոթողի (Ժայռի, լեռան) հանդեպ տաճած ավանդական պաշտամունքի: Հայ ժողովուրդը դարեր ի վեր քար-ժայռին վերագրել է առասպելական ուժ, կերպավորում, խորհուրդ: Այդ պաշտամունքի հիմքերից մեկը այն բնաքարային միջավայրն է, որտեղ ձևավորվել ու զարգանում էր հայ մշակույթը: Հայը իր առասպելական աշխարհընկալմամբ լեռներին, ժայռերին, քարափներին վերագրել է սրբազան ծագում և սրբազան գործառույթ:

Հարկ է նշել, որ առաջին խաչքարերը կարող էին առաջանալ ավելի վաղ քան 9-րդ դարում: Դրան արգելք հանդիսացավ 8-րդ դարի առաջին քառորդում արաբների վարած քաղաքականությունը, որը մերժում էր ոչ միայն մարդկային քանդակները, այլև խաչանշանները: Այդ է վկայում նաև 8-րդ դարի պատմիչ Ղևոնդը, որը, գրելով քրիստոնեական կոթողների ավերման մասին, գրում է «Խորտակեր ևս զնշան տէրունեան խաչին Քրիստոսի»:

6–7-րդ դարերի սահմանագծում խաչային հորինվածքը արդեն լիովին ձևավորված էր, սակայն ընդհուպ մինչ 9-րդ դարի կեսերը խաչքարի՝ որպես առանձին կանգնած կոթողի մասին փաստագրված որևէ վկայություն չկա:

Ինչպես արդեն նշվել է, Հայաստանում 7-րդ դարի վերջերից մինչ 9-րդ դարի արաբների տիրապետության շրջանում գրեթե դադարում է թե՛ աշխարհիկ, թե՛ հոգևոր շենքերի, ինչպես նաև կոթողային հուշարձանների շինարարությունը:

9-10-րդ դարերից սկսած Հայաստանում բուռն ծաղկում են ապրում քաղաքները (Անի, Կարս, Լոռի, Վան), հիմնվում են վանքեր և մենաստաններ (Տաթև, Սևան, Գնդեվանք, Սանահին, Հաղպատ, Հոռոմոս), որոնք միևնույն ժամանակ դառնում են հոգևոր մշակույթի կարևոր կենտրոններ: Զարգացում են ապրում ճարտարապետությունը, որմնանկար-

չությունը, քանդակագործությունը, որոնք արտահայտում են և՛ կրոնա-դավանաբանական, և՛ աշխարհիկ բովանդակություն: Այդ ժամանակաշրջանից սկսած՝ երևան են գալիս միջնադարյան Հայաստանում այնքան տարածված խաչքարային հուշարձանները, որոնք հարատևում են մինչ և՛ մեր օրերը:

Խաչքարի կերտման գործընթացը ակավում էր քարատեսակի և սալաբեկորի ընտրությունից: Անկախ Հայաստանում քարի առատությունից մեծ քարաբեկորներ ստանալը դժվար գործ էր: Դժվարություն էր ներկայացնում նաև կոթողների տեղափոխումը և կանգնեցումը (ինչի մասին են վկայում որոշ խաչքարերի վրա առկա ճարտարապետական տեսքի և քանդակային հորինվածքի հետ կապ չունեցող մանրամասներ): Պատվանդանի վրա կանգնեցվելու համար խաչքարն ունենում էր հատուկ պոչուկ-ելուստ, որն ագուցվում էր պատվանդանի վրա արված հստակ փոսորակի մեջ և ամրացվում մանր քարերով և կրաշաղախով: Հնարավոր է, որ առանձին դեպքերում պոչուկը պատվանդանին կամ քիվը սալին միացնելիս կիրառվել են նաև քարե, փայտե կամ մետաղե ամրակսեպեր:

Ի տարբերություն վաղմիջնադարյան կոթողների, որոնք հիմնականում բաղկացած են խարիսխ-պատվանդանից, սյունից, խոյակից, որը, որպես կանոն, պսակվում էր խաչկալի վրա ամրացվող թևավոր խաչով, առաջին խաչքարերն իրենցից ներկայացնում են ուղղաձիգ տափակ սալեր՝ նեղացող պոչուկով ուղղակի խրված հողի մեջ:

Խաչքարերը երևան եկան արաբական լծի թուլացմանը զուգահեռ, ուստի պատահական չէ, որ առաջին թվագիր խաչքարերը համապատասխանում են Արաբական խալիֆայությունից Հայաստանի՝ քաղաքական անկախություն ձեռք բերելու ժամանակին: Առաջին խաչքարերը կանգնեցնողներն էին պետության և եկեղեցու մի շարք աչքի ընկնող դեմքեր: Վաղ թվագրություն ունեցող խաչքարերից մեկը կանգնեցրել է Կատրամիդե թագուհին 879 թ-ին: Խաչքարային առաջին հորինվածքները վաղ

միջնադարյան հորինվածքների համեմատ շատ պարզունակ են: Դրա պատճառներից կարող են լինել դավանական քաղաքական տեղաշարժերը, որ կատարեցին արաբները, ինչպես նաև խաչքարերի՝ որպես հուշարձանային նոր տիպ սկզբնավորվելու հանգամանքը: Հետագայում նյութական պայմանների բարելավման և հոգևոր և էսթետիկական պահանջների զարգացման հետ մեկտեղ զարգանում է նաև խաչքարային արվեստը, այդ հուշարձանները շքեղ քանդակներով դրվագելու ձգտումը:

9-րդ դարի ամենաաչքի ընկնող խաչքարերից մեկը գտնվում է Գեղարքունիքի Մեծ Մասրիկ գյուղի հին գերեզմանոցում:

Մոտավորապես 10-րդ դարում խաչքարային հորինվածքը դարձավ ավելի փոխկապակցված: Տարածվում են կանոնավոր ուղղանկյուն խաչասալերը:

10–11-րդ դարերում ուղղանկյուն խաչքարերի մի մասը սալի ներքնամասում որևէ պոչուկ կամ ելուստ չունի, ինչը վկայում է, որ դրանք նախատեսված էին հոգևոր շինությունների պատի մեջ դնելու համար (եկեղեցի, գավիթ, մատուռ): Հավանական է, որ 10-րդ դարում կամարածն սալի փոխարինումը քառանկյուն վերնամաս ունեցող սալով նույնպես կարող էր թելադրվել այն պատի մեջ ագուցելու պահանջով, ինչը բավական տարածված երևույթ էր այդ ժամանակաշրջանում:

Որմնափակ խաչքարերը երբեմն զետեղվում են նաև հուշարձանների պատերի մեջ: Որմնափակ խաչքարերը մեծ տարածում են ունեցել 11–14-րդ դարերում, իսկ 14-րդ դարի երկրորդ կեսից գրեթե դադարում է սրանց շինարարությունը:

12-րդ դարից սկսած խաչքարը դառնում է նաև միջնադարյան գերեզմանոցի համապատկերի հիմնական տարրը: Այն, որպես կանոն, կանգնեցվում է հարթ կամ երկթեք տապանաքարի արևելյան ծայրին՝ բարձր պատվանդանի վրա, այնպես որ հանգուցյալի հայացքն ուղղված լինի դեպի խաչը: Սակայն պետք է նկատի ունենալ, որ խաչքարը երբեք

չէր փոխարինում տապանաքարին, քանզի այն, ի տարբերություն վերջինիս, որը դրվում էր հորիզոնական դիրքով, կանգնեցվում էր ուղղաձիգ²:

Տապանաքարի և խաչքարի միջև կապի կայունացման հետևանքով երբեմն փորձ է արվել տապանաքարի խաչքարի պատվանդանը կերտել միակտոր քարից:

Ձևավորվում է խաչի՝ որպես հանգուցյալների հոգիների փրկության համընդհանուր միջնորդի ընկալումը:

Միջնադարում սովորություն է եղել խաչքարերի ներկումը կարմիր գույնով (կարմիրը և՛ արքայական, և՛ Քրիստոսի արյան գույնն է): Այն դեպքում, երբ քարերը շատ ծակոտիներ ունեին, դրանց ճակատը նախապես կրաշաղախի բարակ շերտով ծեփում էին և ապա ներկում: Խաչքարը ներկելու սովորությունը գալիս է հնուց: Հիմքեր կան կարծելու, որ երբեմն խաչքարերը ներկվել են բազմագույն ներկով. դրա ապացույցը Հաղպատավանքի Ամենափրկիչ (1273 թ.) խաչքարն է, առայժմ միակը իր տեսակի մեջ:

Այսպես, եթե հորինվածքի բաղադրիչների մի մասը գուտ երկրաչափական, իսկ մի մասն էլ բուսականացված քանդակներով իրագործվող խումբը բնորոշ է Հս. Հայաստանին (Սանահին, Հաղպատ, Հաղարծին), ապա հիմնականում Այրարատի կենտրոնական գավառներում, Տավուշում և Արցախում տեղակայվող մի այլ խումբ առանձնանում է խոշոր մանրամշակ վարդյակով, ոճավորված ծաղկեփնջերի վերածված արմավենազարդերով, սրբերին ու մահկանացուներին ներկայացնող պատկերաքանդակներով: Եթե Խաչելիությունը, Համբարձումն ու Արդար դատաստանը համատեղող Ամենափրկիչ խաչքարերի տարածքը Հս. Հայաստանն է, ապա մահկանացուների պատկերաքանդակներով առանձնանում է Արցախը և այլն:

² Այդ մասին տե՛ս Գ. Սարգսյան, Խոսում են տապանաքարերը: – Էջմիածին, 1963: – էջ 39:

Մասնագիտացված խաչքարերի շարքում լայն տարածում ունեին Հազախաչերը, Հազամեռները, Թալանոցները, որոնք ի գորու էին բուժել մրսածության հետ կապված հիվանդությունները: Ըստ անցյալի հավատալիքների Մբ Մարգիս կոչվող խաչքարերը իրենց այցելող սիրող զույգերին երջանկություն են բերում, Մբ Գևորգ կոչվող խաչքարերի այցելուները անխոցելի և համարձակ են դառնում պատերազմում:

Մեծ տարածում են ունեցել Ցասման խաչեր կոչված խաչքարերը՝ կանգնեցված բլուրների վրա, գյուղերի և վանքերի մոտակայքում և այլուր: Բանասեր Մբ Հայկունին գրում է. «Բագրեւանդա շատ մի գիւղերու մոտ բարձր դիրքի վերայ տեսած եմ մեծ խաչ արձաններ, որոնց գիւղացիք Սասման խաչ կասեն, որ լինելու է Ցասման խաչ, արդեն երբ երաշտ լինի, զոհ կը մատուցանեն եզ, կով, ոչխար և այլն... կօրհնեն կուտեն կասեն Սասման ժամ»³: Չոհաբերության այս սովորությունը Հայաստանում տարածված էր դեռևս հեթանոսության շրջանում: Ինչպես գրում է Կ. Մելիք-Փաշայանը⁴, Նարի (ջրի և պտղաբերության աստվածուհի) և Անահիտի արձանները շրջեցնում էին և ամեն կողմից նրանց վրա ջուր ցանում ու զոհեր մատուցում, որպեսզի անձրև գա: Միջնադարում այդպիսի դեր վերագրվում էր այսպես կոչված Ցասման խաչերին: Մանուկ Աբեղյանը Ցասման խաչերը համարում է Աստղիկ-Դերկետո դիցուհու հեթանոսական շրջանից մեզ հասած հավատալիքների վերապրուկ՝ կապված ջրի պաշտամունքի հետ⁵:

Հովհան Օձնեցու կանոնի համաձայն՝ ցանկացած նյութից պատրաստված խաչ, չի կարող իր մեջ աստվածային զորություն կրել, քանի դեռ օծված չէ համապատասխան եկեղեցական ծեսով: Նման պայմաններում խաչքարերի վրա ավետարանական թեմաների ու կերպարների

³ Տե՛ս Գ. Մարգայան, Ս. Հայկունի, Բագրևանդ ջրաբաշխ գավառ, (մաս Ա): – Էջմիածին, 1964: – էջ 130:

⁴ Կ. Մելիք-Փաշայան, Անահիտ դիցուհու պաշտամունքը: – Եր., 1963: – էջ 30–31:

⁵ Կ. Մելիք-Փաշայան, Ս. Աբեղյան, «Վիշապներ» կոչված կոթողներն իբրև Աստղիկ-Դերկետո դիցուհու արձաններ: – Եր., 1941: – էջ 93:

երևան գալը 12-րդ դարից սկսած կարելի է դիտել որպես հայ եկեղեցու նախաձեռնություն՝ վերաքրիստոնեացնելու խաչքարերը: Այս շարժման բարձրակետն է Ամենափրկիչ կոչված խաչքարի երևան գալը 13-րդ դարի վերջին:

Կարելի է հավաստել, որ Ամենափրկիչ խաչքարի գաղափարն ու իրագործումը պատկանում է Հաղպատի, զուցե նաև Սանահինի վանականությանը: Ամենահին օրինակը կանգնեցվել է Հաղպատում 1273 թ-ին: Ի տարբերություն սովորական ծաղկուն խաչերի, խաչն այս դեպքում որևէ զարդ կամ բուսային հավելում չի կրում և վերարտադրում է բուն խաչելության խաչը՝ Քրիստոսով հանդերձ: Խաչը կանգնեցված Գողգոթայի բլրին տեղադրված զանգվածեղ խորանարդաձև պատվանդանի վրա: Գողգոթան պատկերված է կիսաշրջանակից ավելի մեծ սեգմենտի տեսքով, որին ներգծված է բուսազարդերով ծածկված եռակամար մի խորան: Կենտրոնական կամարում պատկերված է Ադամի գլուխը: Խաչյալ Քրիստոսից վերև՝ խաչի վերին թևի երկու կողմերում, պատկերված են արևն ու լուսինը, երկու քերովբեներ և երկու սրբեր: Քրիստոսի երկու կողմում կանգնած են Մարիամ աստվածածինն ու Հովհաննես ավետարանիչը, Հովսեփ Արեմաթացին ու Նիկողիմոսը, որը փորձում է երկար ունելիով Քրիստոսի ոտքից հանել խաչելության բեռը: Քիվի վրա տեղադրված է Քրիստոսի համբարձման տեսարանը, որի մասն են կազմում 12 առաքյալները՝ վեց- վեց տեղադրված հորինվածքի եզրագոտիների վրա: Խաչքարի վրայի արձանագրությունները մեկնաբանում են հորինվածքը: Խաչքարն ամբողջովին ներկված է եղել (երևում են կարմիր, նարնջագույն, սպիտակամոխրագույն ներկերը): Սա մեզ հասած միակ բազմագույն ներկած խաչքարն է: Բոլոր կերպարները պատկերված են խնդրարկուի դիրքով՝ ձեռքերը դեպի Քրիստոսը պարզած, բայց հայացքները՝ դիտողին, որն ընկալելի է որպես Քրիստոսից միջնորդության հայցում նրանց, ում նվիրված է խաչքարը:

12-րդ դարից սկսած՝ կիրառվում է քանդակագարդման երկու հիմնական ոճ: Առաջինի դեպքում ողջ սալը պատվում է քանդակներով՝ գրեթե ժխտելով անգարդ ետնախորքի գաղափարը: Երկրորդ դեպքում հորինվածքի առանձին բաղկացուցիչները քանդակվում են իրարից բավականին առանձնացված: Մա իրագործվում է ետնախորքի հեռացման տեխնիկայով. սկզբում հարթ մակերեսի վրա տարվում են հորինվածքի առանձին բաղկացուցիչների եզրագծերը, հետո տաշվում-հեռացվում են նրանց միջակայքերը:

Խաչքարային արվեստի ամենաբարձր ծաղկման շրջանը կարելի է համարել 13-րդ դարի կեսը և 14-րդ դարի սկիզբը: Այս շրջանում տարածում է գտնում խաչքարերի մի խումբ, երբ հորինվածքը կազմվում էր միայն խաչաքանդակներից: Այս միտումը կարող էր կապված լինել ընդհանրական պատկերացման հետ, որն ավելի ակնառու է դառնում 13-րդ դարից սկսած, երբ յուրաքանչյուր խաչանշան կարող էր խորհրդանշել առանձին անհատի, նրա խնդրանքը, հիշատակը կամ փրկությունը: Այս առումով առանձնակի նշանակություն են ստանում այն խաչքարերը, որոնց հորինվածքը կազմվում է 2 կենտրոնական խաչերով: Արձանագրությունները վկայում են, որ նմանատիպ խաչքարերը կանգնեցվել են երկու անձի համար:

14–15-րդ դարերի հայկական հոծ գաղթականությունը խաչքարեր է կանգնեցրել այնտեղ, ուր դադար է առել՝ Փոքր Ասիա, Վրաստան, Ադվանք, Հս. Կովկաս, Իրան, Հնդկաստան և այլն:

Խաչքարերը հայ միջնադարյան մշակույթի այն ստեղծագործությունների շարքին են պատկանում, որոնք երբեմն իրենց վրա են կրում նաև կերտող վարպետների անունները: Միջնադարում խաչքարեր կերտող վարպետները վիճագիր արձանագրություններում կոչվել են կաղմող, հորինող, գործող, նկարող, գրիչ և այլ մակդիրներով⁶: Դրանց կողքին

⁶ Ս. Բարխուդարյան, Միջնադարյան հայ ճարտարապետներ ու քարագործ վարպետներ: – Եր., 1963: – էջ 129:

շատ դեպքերում վարպետները հանդես են գալիս իրենց անունների սուկ հիշատակումով, երբեմն էլ խնդրելով միայն հիշել իրենց: Քանդակագործ վարպտների աշակերտները իրենց հերթին կոչվել են թերատաշ, աշակերտ, մոթ, դեռայբ և այլն, իսկ երբեմն էլ արձանագրությունների վերջում՝ վարպետների անվան հիշատակումից հետո, նշվել են միայն նրանց անունները՝ առանց մակդիրի:

15–17-րդ դարերում Հայաստանում տարածում գտած տապանաքարային քանդակի հիմնական թեման մահը հաղթահարելու ժողովրդական պատկերացումներն են, հիմնական կերպարները՝ հավատացյալները: Խոսելով 15–17-րդ դարերի խաչքարերի մասին՝ պետք է ուշադրություն դարձնել նաև Ջուղային, որի խաչքարերն իրենց արվեստով առանձնանում են թե՛ նախորդ ժամանակաշրջանի, թե՛ համաժամանակյա հարեվան տարածքների խաչքարերից: Հիմքում ունենալով հայ խաչքարային մշակույթի դասական ավանդույթները՝ Ջուղան, շնորհիվ իր բացառիկ տնտեսա-մշակութային ու քաղաքական դիրքի ու դերի, նոր արտաքին հարդարում ու իմաստաբանություն հաղորդեց խաչքարերին: Հիմնավորապես փոխվում են խաչասալի համամասնությունները՝ երկարությունը գերազանցում է լայնությանը 3–4 անգամ: Սալերը դեպի հիմք չեն նեղանում, պատվանդաններ չունեն և ուղղակի խրվում են հողի մեջ, քիվը ճարտարապետորեն շատ թույլ է արտահայտված, դրա փոխարեն ընդգծված է սլաքաձև խորանը: Կենտրոնական խաչը փոխարինվում է զուգահեռ երկու շարքով դասավորված խաչերով, ինչը նպաստում է դեկորատիվության աճին: Հորինվածքը, որպես կանոն, բաղկացած է 4 ուղղաձիգ տեղադրված բաղադրիչներից՝ քիվ, խորան, վարդյակ, արձանագրություն կամ պատկերաքանդակ: Պատկերները, նախշերը Ջուղայում ավելի հստակ ու համաչափ են, սակայն պարզ և միօրինակ: Բավականին թիվ են կազմում երկմարմին միագլուխ առասպելական կենդանիները՝ պատկերված բացառապես քիվի վրա (նկատենք, որ զանազան առասպելական արարածների պատկերներով աչքի է ընկնում 12–14-րդ դարերի հայ եկե-

դեցական քանդակը: Սրանք հանդես են գալիս որպես սրբազան տարածքը պաշտպանող և ցուցող կերպարներ):

Ջուղայի բնակչության բռնի գաղթեցումից հետո խաչքարային արվեստը կորցնում է իր նախկին գեղարվեստական հմայքը⁷:

Հավանական է, որ խաչքարային հորինվածքում ներքնը ցուցում է անցյալը, աշխարհիկը, մահը: Եվ քանի որ խաչքարային հորինվածքի հիմնական իմաստաբանությունը հանգում է խաչի՝ որպես համընդհանուր միջնորդի գործառույթին, ուստի այս քանդակները լոկ հետմահու պատկերներ չեն, այլ հանգուցյալների կյանքի մատյանն են և պետք է նպաստեն հանգուցյալի հոգու փրկությանը⁸:

Խաչքարը, որպես կանոն, անհատական կոթող էր և ներկայացնում էր առանձին անհատի գործը: Ցանկացած խաչքար կանգնեցնողը հոգում էր, որ հենց իր կանգնեցրած խաչքարին երկրպագեն հավատացյալները և Աստծուն ուղղված աղոթքներում հիշատակեն իր անունը: Դրա համար խաչքարերի վրա հաճախ փորագրվում էր մի խնդրանք պատգամ. «յաղալթս յիշեցեք ի Քս», այսինքն՝ Քրիստոսին ուղղված աղոթքներում հիշեցեք:

Խաչքարային հորինվածքի առանցքային-կենտրոնական բաղկացուցիչն է խաչը (խաչի վերին թևը կոչվում է թագ, բուն թևերը տարբերվում են որպես աջ և ձախ, խաչահատումը կոչվում է ակն), և մնացած բոլոր բաղադրիչները իմաստաբանական արժեք են ստանում նախ և առաջ խաչի հանդեպ ունեցած իրենց դիրքին ու կապին համապատասխան: Խաչքարային հորինվածքում շարժումը ներքևից դեպի վերև շարժում է

⁷ 17-րդ դարի մոտ 10.000-ի հասնող խաչքարերից 20-րդ դարի վերջին Ջուղայում մնացել էին միայն 3.000-ը: 2002–2005 թթ. Ադրբեջանի կառավարության կողմից կազմակերպված բարբարոսության հետևանքով վերացվեցին և այդ խաչքարերը:

⁸ Ըստ պաշտոնական քրիստոնեության և հայ ավանդական մի շարք պատկերացումների՝ Արդար դատաստանի ժամանակ մարդկային գործերը պիտի ներկայացվեն կյանքի մատյանի օգնությամբ, որ կազմում են հրեշտակները: Այս առումով մեծ է խաչքարերի դերակատարումը:

արմատից դեպի պտուղը, երկրայինից դեպի երկնայինը, աշխարհականից դեպի սրբազանը, անցյալից դեպի ապագան, մահից դեպի անմահություն: Խաչը, իր վերին թևով ձգվելով դեպի վերևի խորհրդանշանները, իսկ ներքևի թևով հենվելով ներքևի խորհրդանշաններին, հանդես է գալիս որպես այս երկու ոլորտների միջև կապի իրագործող, համընդհանուր միջնորդ Աստծո և մարդու միջև: Սա է խաչքարային հորինվածքի հիմնական իմաստաբանությունը:

Ընդհանրացնելով խաչքարային բազմաթիվ արձանագրությունների ակնկալիքային հատվածները՝ կարելի է հավաստել, որ Սուրբ նշանից ակնկալվում էր օգնություն, հաղթանակ, երկար կյանք, հիշատակ, հոգու փրկություն: Ուշագրավ է, որ արձանագրություններում չկան պրագմատիկ խնդրանքներ ու ակնկալիքներ: Միակ աշխարհիկ խնդրանքը արևշատություն, այսինքն՝ երկար կյանք խնդրելն է:

Խաչի փրկագործական գործառույթը սկսվում է նրանով, որ այն հանդես է գալիս որպես ննջեցյալների պահապան: Բացի այդ խաչը հավատացյալների ինքնության նշանն էր և ուղղված էր վերջին օրերին: Կանգնեցվելով գերեզմանի վրա այն պետք է վերջին օրերին և՛ անխաթար պահեր գերեզմանը, և՛ երկրորդ գալուստին իրենով մատնանշեր այն հանգուցյալին, ում նվիրված էր, ուղեկից լիներ նրան դեպի իրական խաչը, դեպի Քրիստոս: Այն պետք է բարեխոս լինի Քրիստոսի առջև (բարեխաւս առ Քս): Այսպես ի հայտ է գալիս խաչի՝ ապագային ուղղված մի գործուն համալիրի կերպարը, որը համադրում է խաչի միջնորդ ու փրկագործական գործությունը:

Ինչպես հայտնի է, հայկական միջնադարը ապրում էր մշտական արտաքին ներխուժումների, ավերների, սեփական ինքնությունը պահելու, պաշտպանելու պայմաններում: Պայքարը դարձել էր կենսընթացի պարտադիր մաս: Ժամանակաշրջանի այս դեպքերը իրենց արտացոլումն են գտել նաև հայ մշակույթում, մասնավորապես՝ խաչքարային արվեստում: Առաջ է գալիս խաչի՝ որպես հաղթանակի ու ամենահաղթ զեն-

քի իմաստաբանությունը: Այս ընկալման հիմքը նախ և առաջ Քրիստոսի փրկագործական խաչելությունն է և մահվան հանդեպ նրա տարած հաղթանակը: Բացի այդ՝ խաչի այս կերպարը կարող էր կապված լինել նաև մկրտության ծեսի հետ, որը ենթադրում է խաչի ընկղմում ջրի մեջ, որի հետևանքով, ինչպես Քրիստոսի մկրտության դեպքում էր, սպանվում էին մեղքը, մահը: Նկատենք, որ խաչը որոշ նմանություններ ունի թրի հետ: Հավանական է, որ այստեղից է առաջացել խաչի՝ որպես աստվածային արյամբ օծված զենքի գաղափարը, որը արտահայտվել է նաև մի շարք արձանագրություններում: Օրինակ՝ Յաղաց Քարի 1275 թ. մի խաչքարի վրա գրված է. «Այս անձեալ արձան նկարեալ արեամբ Արարչին...»⁹:

Այսպիսով, ամփոփելով վերը շարադրվածը՝ կարող ենք եզրակացնել, որ խաչը և խաչքարը միջնադարում հանդես էին գալիս որպես մահը հաղթահարելու, փրկության հասնելու համար միջնորդներ:

ЛИТЕРАТУРА

1. *Աբեղյան Մ.* «Վիշապներ» կոչված կոթողներն իբրև Աստղիկ-Դերկետո դիցուհու արձաններ, ԱՐՄՖԱՆ հր.: – Երևան, 1941: – 98 էջ:
2. *Ազաթանգեղոս* Պատմություն հայոց (աշխարհաբար թարգմանությունը Ա. Տեր-Ղևոնդյանի), ԵՊՀ հր.: – Եր., 1983: – 551 էջ:
3. *Բարխուդարյան Մ.* Միջնադարյան հայ ճարտարապետներ ու քարգործ վարպետներ, ԳԱԱ հր.: – Եր., 1963: – 381 էջ:
5. *Հայկունի Մ.* Բագրեւանդ. Ջրաբաշխ գաւառ, (մաս Ա), Տպարան Մայր Աթոռոյ Ս. Էջմիածնի: – Էջմիածին, 1964: – 384 էջ:
6. *Մելիք-Փաշայան Կ.* Անահիտ դիցուհու պաշտամունքը, ՀՍՍՌ ԳԱ հր.: – Եր., 1963: – 164 էջ:

⁹ Հ. Պետրոսյան, Խաչքար. ծագումը, գործառույթը, պատկերագրությունը, իմաստաբանությունը: – Եր., 2008: – էջ 367–370:

7. *Պետրոսյան Հ.* Հայ միջնադարյան պատկերացումները իդեալական կենսատարածքի եւ կենսընթացի մասին. աշխարհը որպէս այգի – Հանդէս ամսօրեայ, 2002: – էջ 411–440:
8. *Պետրոսյան Հ.* Խաչքար. ծագումը, գործառույթը, պատկերագրությունը, իմաստաբանությունը, ԵՊՀ հր.: – Եր., 2008: – 406 էջ:

**ԽԱՉՔԱՐԻ ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԱՌԱՋԱՑՈՒՄԸ
ԵՎ ԶԱՐԳԱՑՈՒՄԸ 6–17-ՐԴ ԴԱՐԵՐՈՒՄ**

Ա.Ս. Ավետիսյան

avet1syan.armen@inbox.ru

*Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական
պետական մանկավարժական համալսարանի
«Արվեստի տեսություն, պատմություն և կառավարում»
բաժնի 1-ին կուրսի մագիստրոս,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածի նպատակն է ներկայացնել խաչքարային մշակույթի առաջացումը և զարգացումը 6-17-րդ դարերում:

Բանալի բառեր՝ խաչքար, պատմության կայացում, արվեստի զարգացում, պատմագրություն:

**THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF KHACHKAR ART FROM 6th TO 17th CENTURIES**

A. Avetisyan

avet1syan.armen@inbox.ru

*Master's student at the Department of Theory, History and Management of Art,
Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan,
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The aim of the article is to present the historical formation and development of Khachkar art in the period from 6th to 17th centuries.

Keywords: khachkar, formation of history, development of art, historiography.

Информация о статье:

статья поступила в редакцию 29 марта 2020 г.,

подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 19.04.2020 г.

ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Арменуи Мнацакановна Мхитарян

mkhitaryanarmenuhi@mail.ru

*К.ф.н., доцент кафедры родного языка и методики его преподавания,
Армянский государственный педагогический
университет имени Хачатура Абовяна,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Те члены предложения, которые выполняют одну и ту же синтаксическую функцию, отвечают на один и тот же вопрос и однородны, называются однородными членами предложения. Однородными могут быть почти все члены предложения – и знаменательные, и служебные. Вопрос однородных знаменательных членов предложения специфичен. Однородные члены предложения могут быть связаны различными способами, могут быть выражены либо отдельными словами, либо словосочетаниями, либо словами и словосочетаниями одновременно. По количеству составляющих однородные члены предложения могут быть бинарными или быть представлены большим количеством элементов.

Ключевые слова: однородные члены, однородный, разнородный, главные члены, дополнения.

Բազմակի են կոչվում նախադասության մեջ այն անդամները, որոնք կատարում են նույն շարահյուսական պաշտոնը, պատասխանում են նույն հարցին և համասեռ են: Բազմակի անդամները իրար չեն լրացնում. գտնվում են համադասական հարաբերության մեջ և կապվում են թվարկման հնչերանգով: Եթե տվյալ նախադասության բազմակի անդամ-

ները լրացումներն են, ապա ավելանում է ևս մեկ հատկանիշ. դրանք լրացում են դառնում միևնույն անդամի (լրացյալի) համար: Եթե նախադասության բազմակի անդամները լրացումներ են, ապա դրանք համաստորադաս լրացումներ են, այսինքն՝ իրենց ընդհանուր լրացյալի նկատմամբ ստորադաս են, իսկ իրար նկատմամբ համադաս:

Նախադասության բազմակի անդամները համադասական բառակապակցություններ չեն կազմում, չնայած որ մի շարք բազմակի անդամներ կրել են փոփոխություններ, և տեղի է ունեցել բառիմաստի կայունացում: Այս փոփոխության շնորհիվ դրանք մոտեցել են բառակապակցությանը՝ ստանալով անվանողական գործառույթ [3: 16]:

Օրինակ՝ հայր ու մայր – ծնողներ, այր ու կին – ամուսիններ, այրուձի – հեծելագոր, տունուտեղ – ունեցվածք և այլն:

Չարկ է նշել, որ նույն նախադասության մեջ կարող են լինել շատ որոշիչներ, հատկացուցիչներ, խնդիրներ և պարագաներ, բայց դրանք բազմակի չեն համարվի, եթե չեն լրացնում միևնույն լրացյալին:

Օրինակ՝ Աստղագարդ գիշերներին լուսնկայի արծաթե շողերը նուրբ թելերով հեքիաթային շղարշներ էին հյուսում և պարուրում չքնաղ դոյակը:

Ինչպես տեսանք, վերոնշյալ օրինակի որոշիչները բազմակի չեն, քանի որ լրացնում են տարբեր լրացյալների:

Բազմակի չեն իմաստով մոտիկ, հոմանիշ բառերը, վերլուծական բարդությանները, հարադիր բայերը:

Օրինակ՝ Տեր – տնօրեն դու դարձար խորթ ու խոժոռ Ցյուրիխում (ՊՍԱ, 156): Ոչ ու փուչ աշխարհ Մուտ ու փուչ աշխարհ (ՊՍ, 92): ... Օղակ-օղակ երգ են կապում աղջիկ-տղա (ՊՍԱ, 112): Աշնան քամին մի հին մեղեդի է, որի հետ դատարկվող պաղ մայթերին պար են բռնել վաղուց պոկված և անհույս թափառող խենթ տերևները:

Նախադասության միևնույն բառի կրկնությունը ևս բազմակիությունն չէ, այլ լեզվի պատկերավորման և արտահայտչական միջոցներից մեկն է:

Օրինակ՝ Լո՜ւյս, լո՜ւյս զվարթ ... Ոչ թե լույս երեկոյի ... (ՊՄ, 11):

Կարող է կրկնվել նախադասության բայ – ստորոգյալը, որը ևս ոճական հնարանք է, որ հաճախ կարող է իմաստի սաստկացման միջոց լինել, կամ էլ կարող է ցույց տալ գործողության տևականություն:

Օրինակ՝ Ու պարում են – պարում – պարում հիմա Մեր փողոցում ... (ՊՄ, 103):

Բազմակի կարող են լինել նախադասության գրեթե բոլոր անդամները՝ թե՛ գերադաս, թե՛ ստորադաս:

Բազմակի ենթականեր և ստորոգյալներ: Իհարկե, բազմակի գերադաս անդամների՝ ենթակաների և բազմակի ստորոգյալների հարցը մի փոքր տարբեր է բազմակի լրացումներից: Եթե բազմակի ենթականեր ունեցող նախադասությունը համարվում է պարզ, ապա մեկից ավելի ստորոգյալներ ունեցող նախադասությունը (այսինքն՝ մեկից ավելի ստորոգումներ պարունակող նախադասությունը) համարվում է բարդ նախադասություն:

«Նրանք, որոնք ենթական ու ստորոգյալը համարում են նախադասության համագոր գլխավոր անդամներ, գտնում են, որ ինչպես բազմակի ստորոգյալ, այնպես էլ բազմակի ենթակա ունեցող նախադասությունները բարդ նախադասություններ են: Այսպիսի դատողությունը հիմնված չէ իրական փաստի վրա: Ենթական ու ստորոգյալը նախադասության համագոր գլխավոր անդամներ են, բայց այս դեպքում դրանք հավասար մակարդակով հանդես չեն գալիս: Բազմակի ստորոգյալներից կազմված նախադասությունը բարդ է, իսկ բազմակի ենթականերից կազմվածը՝ պարզ: Մ. Աբեղյանը ճշտորեն տարբերակում է այդ տիպի նախադասությունները, բազմակի ստորոգյալներ ունեցող նախադասությունները համարում է միավորյալ, փաստորեն բարդ նախադասություն, իսկ բազմակի

ենթականերով նախադասությունը՝ միավորյալ անդամներ ունեցող պարզ նախադասություն» [1: 238]:

Օրինակ՝ Հարսներ, Աղջիկներ, Մայրեր, Մանուկներ Մերկացան իրենց արդուզարդերից, Հագան քուրձ (ՊՄԱ, 97):

Այս նախադասության մեջ հարսներ, աղջիկներ, մայրեր, մանուկներ ենթակաները բազմակի են, իսկ մերկացան, հագան ստորոգյալները՝ ոչ, քանի որ յուրաքանչյուր ստորոգյալ առանձին ստորոգում է, որն էլ բավարար հիմք է տալիս դրանք բարդ նախադասության առանձին բաղադրիչներ համարելու համար: Այսպիսի դեպքում բոլոր ստորոգյալներն արտահայտվում են նույն ժամանակով ու եղանակով և արտահայտում են գործողությունների միաժամանակություն կամ ժամանակների հաջորդություն: Այսպիսի դեպքերում օժանդակ բայը կարող է չկրկնվել:

Օրինակ՝ Լո՜ւյս, լո՜ւյս գվարթ, Շաղվի՛ր, Մաղվի՛ր, Թաղվի՛ր այնպե՛ս և այնքան խո՜ր ... (ՊՄ, 12): Ճանապարհի բարակ, շիկափայլ թեւը հետզհետե բարձրանում, հասնում էր հինավուրց ամրոցը:

Բազմակի գոյականական անդամի լրացումներ: Եթե բազմակի են ենթական, գոյականական անդամի լրացումներ հատկացուցիչն ու բացահայտիչը, բայական անդամի լրացումները, ապա դրանք կաղապարային նորություն չեն բերում, սակայն որոշային բազմակիության և բայական անդամի լրացումներից ձևի պարագայի պարագայում որոշակի յուրահատկություններ են դրսևորվում. դրանք լինում են բազմակի՝ համասեռ (однородные определения) և տարասեռ՝ անհամասեռ (неоднородные определения):

Բազմակի որոշիչներ: Բազմակի են կոչվում այն որոշիչները, որոնք համասեռ են, այսինքն նույնաբնույթ են, և առանձին-առանձին լրացնում են միևնույն գոյականական անդամին: Հաճախ դրանք ցույց են տալիս միևնույն տեսակի առարկաները միմյանցից տարբերակող հատկանիշը կամ առարկայի մի քանի հատկանիշներ միանգամից: Նրանք իրար չեն

լրացնում. գտնվում են համադասական հարաբերության մեջ և կապվում են թվարկման հնչերանգով [4: 199–209]:

Օրինակ՝ Հմայված ու հմայիչ դիցուհին ավստսում էր, որ ծովը հանգստավայր չունի (Թ, 35):

Տարասեռ որոշիչները, չնայած որ նույն անդամի լրացում են դառնում, կատարում են նույն շարահյուսական պաշտոնը, պատասխանում են նույն հարցին, նույնաբնույթ չեն և արտահայտում են տարբեր սեռային հասկացություններ [2: 210–211]: Տարասեռ որոշիչները չեն կարող միավորվել որևէ շաղկապով կամ էլ գրության մեջ տրոհվել ստորակետերով: Տարածված են հատկապես որակական և հարաբերական ածականներով կապակցությունները, որոնցում որակական ածականը վերաբերում է հարաբերականի գոյականական հիմքին [5: 62]:

Օրինակ՝ Երկար ու կերկեր, իբրև արևելյան թախծոտ երգ, ճոնչում էր հին դուռը (ԱԲ, 71):

Եթե որոշյալն ունի մի, ոչ մի, ամեն, ամբողջ, ողջ, ուրիշ, բոլոր, այսպես, այդպես, ինչ, այս, այդ, որպիսի, ինչպիսի, այնպիսի, նույն և առհասարակ թվական ու դերանվանական որոշիչներ, դրանք ևս տարասեռ են [1: 246]:

Օրինակ՝ Դռները բացվեցին, ներս վազեցին Ավայանի զավակները՝ երկու պղնձագույն էակներ (Շ, 102): Գետն աղմկում էր առաջվա հանգով, նույն քարերն էին և նույն քարե արծիվը (ԱԲ, 4):

Տարասեռ են նաև այն որոշիչները, որոնք կապվում են այսինքն, ըստ որում բառերով [2: 211]:

Օրինակ՝ Նա երջանիկ ապրում էր փայտյա, ըստ որում խարխուլ մի տնակում:

Հաճախ նույն որոշյալին լրացնում են տարասեռ և բազմակի որոշիչները միաժամանակ՝ ստեղծելով քերականական բարդ կառույց:

Օրինակ՝ Ամեն անգամ պաշարում է քեզ Նույն զգացումը՝ անձեղք ու անդուռ (ՊՍ, 132):

Բազմակի հատկացուցիչներ՝ Հակինթե վարդերի ու ծաղիկների բույրը ծովացել էր այնտեղ:

Հաճախ բազմակի հատկացուցիչները շփոթում են աստիճանավորված հատկացուցիչների հետ, որտեղ մի հատկացուցիչը լրացնում է մյուսին: Այս դեպքում հատկացուցիչները չեն տրոհվում:

Օրինակ՝ Ասմունքում է ԵՊՄՀ-ի բանասիրական ֆակուլտետի առաջին կուրսի ուսանողուհի:

Բազմակի բացահայտիչներ՝ Ես՝ անվավեր խլիրտների թվացույց Եվ մասնագետ հոգեհարցման (ՊՄԵ, 73):

Որոշ լեզվաբաններ բացահայտիչ-բացահայտյալ հարաբերակցության դրսևորումներից մեկն են համարում նաև այն դեպքը, երբ բազմակի անդամները կարող են ունենալ ամփոփաբառ (обобщающее слово): Այն մյուս բազմակի անդամների հետ նույն իմաստային դաշտին է պատկանում, սակայն ունի ավելի ընդհանուր ամփոփող իմաստ, այսինքն՝ ունի ամբողջի իմաստ: Որպես ամփոփաբառ կարող են հանդես գալ որոշյալ դերանունները, դերանվանակազմ որոշ մակբայներ, գոյականներ և այլն: Ամփոփաբառը, ըստ դիրքի, կարող է լինել նախադաս կամ վերջադաս: Ավելի հաճախ այն նախորդում է բազմակի անդամներին, գրավոր խոսքում կարող է տրոհվել բուրձով կամ միջակետով: Հենց նախադասի դեպքերն էլ հաճախ շփոթություն են առաջացնում: Հազվադեպ ամփոփաբառը կարող է հաջորդել բազմակի անդամներին:

Օրինակ՝ Ամեն ինչ՝ և՛ ահասարսուռ լեռները, և՛ ձորերը մթամած, և՛ քարածերպերը, ծածկվել են կանաչ վերմակով՝ գմբուխտ անտառներով: Մինչդեռ աշունը Միայն բաշխում է՝ Ցորեն ու գարի, Խմիչք ու փշատ՝ Հազար մի բարիք (ՊՄԵ, 57):

Բազմակի ուղիղ խնդիրներ: Բազմակի ուղիղ խնդիրները կարող են լրացնել թե՛ դիմավոր, թե՛ անդեմ բայերին: Եթե լրացնում են անդեմ բայերին, ապա կոչվում են կոդմնակի: Օրինակ՝ Երկնակարկառ լեռների արևահայաց լանջերին հաճախ կարելի է տեսնել վիթեր, այծյամներ տա-

րագույն: Նա թափառում էր սար ու ձոր՝ լսելու բնության երգերը հազարալեզու, կարկաչը աղբյուրների, շառաչը ջրընկեցների, հառաչը արտերի:

Բազմակի անուղղակի խնդիրներ: Սովորաբար, անուղղակի խնդիրները արտահայտվում են կա՛մ հոլովով, կա՛մ կապային կապակցությամբ: Բազմակի անուղղակի խնդիրները, որպես կանոն, համասեռ են լինում ոչ միայն գործառական իմաստով, այլ նաև իրենց արտահայտության ձևով, այսինքն՝ դրանք արտահայտված են լինում կամ միայն հոլովով, կամ միայն կապային կապակցությամբ: Հազվադեպ կարող են հանդիպել այս երկուսի գուգակցմամբ կապակցված բազմակի լրացումներ:

Բայական անդամի բազմակի անուղղակի խնդիրների տարբեր օրինակներ՝ Եվ սուրը նրա Դիպավ մեր խուփին, Մեր թարթիչներով զինավառ կռպին, Մեր մամիկների ասեղին ճարտար, Մեր մանուկների հայացքին արդար, Մեր մանգաղների շեղբերին տոկուն, Մեր թոնիրների խաչերկաթներին. – Երբեք չմեռած հայկյան մեր ոգուն (ՊՍԱ, 97): Քանի՞ կիլովատ հոսանք ենք տվել Երեխաների մազերին փափուկ ու թաթիկներին, Մեր սիրածների իրանին ճկուն, Ուսերին նկուն մեր տատիկների (ՊՍԱ, 31): Օղը անարատ Բույրով ու թույրով, լույսով է առատ (ՊՍԱ, 83): Երգել են նրանք մեր պտղած հողից, Գինուց, խաղողից, Մեր սրտի դողից, Երգել են նրանք մեր ցորեն հացից, Մեր խինդ ու լացից, Մարտում ընկածից (ՊՍԱ, 84): Բոլոր աշխատանքներից միակ օրհնվածը, ուր բազուկների ու մատների հետ սիրտն է գործում, և հոգնությունը ցավ չէ, այլ գույների, բույրերի անսահման վայելք:

Բազմակի պարագաներ: Բազմակի կարող են լինել բոլոր պարագաները: Բազմակի պարագաները կարող են արտահայտված լինել տարբեր կառույցներով՝ հոլովով, կապային կապակցությամբ, մակբայով ու հոլովով, ածականով ու հոլովով [2: 213]:

Բայական անդամի բազմակի պարագաների տարբեր օրինակներ՝ Քարափը նորից Իր քարայծիկի դունչիկն էր լիզում կիրճում ու սարում

(ՊՄԱ, 86): Այգաբացից այգաբաց, ճրագալույցից ճրագալույց այնտեղից լսվում էին անհոգ ծիծաղի զվարթ կարկաչը և անուրջ-երագների կապույտ առագաստների ծփանքը: Եվ ... նո՛ր աշխարհ եմ ստեղծում հիմա՝ Առայժմ եթե ոչ ձեզ բոլորիդ, Ապա գոնե ինձ, միայն ի՜նձ համար ... (ՊՄ, 9): Արդար նախանձից ու չարությունից Տե՛ս, Լուիկներն են մուգ-կարմիր դառնում (ՊՄԵ, 114):

Տարասեռ ձևի պարագա: Ինչպես արդեն նշել ենք, բայական լրացումներից ձևի պարագան յուրահատկություն է դրսևորում. լինում է համասեռ կամ տարասեռ (տարասեռ որոշիչների նմանությամբ): Տարասեռ ձևի պարագաները, չնայած որ նույն անդամի լրացում են դառնում, կատարում են նույն շարահյուսական պաշտոնը, պատասխանում են նույն հարցին, նույնաբնույթ չեն և արտահայտում են տարբեր սեռային հասկացություններ: Սրանք ևս չեն կարող միավորվել որևէ շաղկապով կամ էլ գրավոր խոսքում տրոհվել ստորակետերով: Դրանք համարվում են տարասեռ, եթե արտահայտվում են տարբեր խոսքի մասերով և, բացի դրանից, մի ձևի պարագան լրացնում է ստորոգյալին և մյուս ձևի պարագային միասնաբար [1: 252]: Նրանք մոլորվածի պես արագ-արագ հեռացան (ընդգծված ձևի պարագաները տարասեռ են, քանի որ արտահայտվել են կապական կառույցով և ձևի մակբայով): Հմմտ.՝ Ընկերների գալուց հետո նա շարունակեց պառկած մնալ անզգա, անշարժ, ընդարմացած (ընդգծված բառերը բազմակի ձևի պարագաներ են):

Միակազմ նախադասության բազմակի գերադաս անդամներ: Հազվադեպ բազմակի կարող են լինել նաև միակազմ նախադասությունների գերադաս անդամներ [2: 209]: Օրինակ՝ Խորհրդավոր գիշեր, հուշեր, անհամար խոհեր, մոռացված երագներ ...

Բազմակի անդամների արտահայտությունը: Ըստ բաղադրիչների քանակի՝ նախադասության բազմակի անդամները կարող են լինել երկանդամ կամ բազմանդամ, այսինքն՝ երկու կամ ավելի անդամներ մի ներփակ խումբ են կազմում և միավորվում են մի այլ խմբի կամ առանձին

անդամի հետ: Գրավոր խոսքում տրոհվում են ստորակետերով կամ միավորվում են որևէ համադասական շաղկապով [1: 239]:

Օրինակ՝ Թերևս նա իր մայրական սրտով Իր մինուճարի ու մեր հանճարի Սև ցավը տաներ (ՊՄԱ, 13): Ու մեկ էլ հանկարծ Մոցարտն էր գալիս, Գեղեցիկ, ջահել, կայտառ ու խնդուն ... (ՊՄԱ, 109):

Նախադասության բազմակի անդամները կարող են արտահայտված լինել թե՛ միայն բառերով, թե՛ միայն բառակապակցություններով, թե՛ այս երկուսի զուգակցումով: Վերջինիս պարագայում բազմակի համարվող եզրերից մեկը (կամ մի քանիսը) կարող է ունենալ լրացում(ներ) և հանդես գալ նրա(նց) հետ միասնաբար, որը որևէ կերպ չի խաթարում բազմակի անդամների շարքը:

Բառով արտահայտված բազմակի անդամներ՝ Վեհ քերթությամբ զարդարուն էտ էս տվել կրկին, Իբրև ցնորք, իբրև երգ^ա անմահ ու լուսեղ (ԵԶ, 154):

Բառակապակցությամբ արտահայտված բազմակի անդամներ՝ Ու տեղներից վեր են թռչում Թիկունքը լայն, մեջքը բարակ, Բոյը թիլ – թիլ, Բեղը ծիլ – ծիլ Ջահել տղերք (ՊՄԱ, 57):

Բառով և բառակապակցությամբ արտահայտված բազմակի անդամներ՝ Մենք ենք՝ այնքան վայելուչ, Այնպես կոկի՜կ, հարդարվա՛ծ, Գոհարներով զարդարված, Չկշտացանք նայելով (ՊՄԱ, 154):

Բազմակի անդամների շարադասությունը: Նախադասության բազմակի անդամների (լրացումների) շարադասությունը իրենց լրացյալների նկատմամբ կարող է լինել տարբեր՝ նախադաս, հետադաս (առանց ընդմիջման) կամ խառը (այսինքն՝ լրացումների մի մասը կարող է դրվել լրացյալից առաջ, մյուսը՝ հետո՝ անհարկի կուտակումներից խուսափելու և խոսքն ավելի սահուն դարձնելու նպատակով), իհարկե, նախադասության գերադաս անդամների պարագայում շարադասության խնդիր չկա:

Նախադաս՝ Սիրո կապանքի ու տառապանքի Հարցերն են անվերջ պատասխան փնտրում (ՊՄ, 150):

Ճետադաս՝ Ճեմարանի բակում արձակ, Որտեղ էլ որ աչք ես ածում՝ Ջարմանալի հավաքածու Խոսվածքների, տարազների (ՊՄՍ, 13):

Խառը՝ Եվ ծույլ փոված սովերները մարմնամսեղ Սկսում են իրենք իրենց մրսել ... (ՊՄ, 11):

Բազմակի անդամների կապակցությունը: Բազմակի անդամները կարող են միավորվել որևէ համադասական շաղկապով (միավորիչ, հակադրական, տրոհական)՝ մենադիր և կրկնադիր (և, ու, թե, կամ, բայց, սակայն, և՛...և՛, ո՛չ...ո՛չ, թե՛...թե՛, կա՛մ...կա՛մ, ո՛չ միայն...այլև և այլն):

Տարբեր շաղկապներով կապակցված օրինակներ՝ Ես՝ զարթնած արդեն, Բայց դեռ անվա, Հեղուկով մի կուց, Որ պարզևում է ձնհալն անխուսափ, Նախ գովացնում եմ դեմքն իմ՝ հիվանդի (ՊՄ, 10): Կենտ աչքն է ճմլում արևը կրկին՝ Պաղ առավոտվա մաքուր լվացված, սակայն չարդուկված թաշկինակ-ամպով (ՊՄ, 114): Մի արյունոտ լուրջուն իջել էր երբեմնի աշխույժ կայնքով ապրող, իսկ այժմ իրական դժոխքի վերածված երկրամասի վրա: Ապշած աչքերով այստեղ էլ տեսավ Եթե ոչ արյունոտ նույն ահն ու մահը, Ապա երկվորյակ ախն ու վախը նույն, Նույն լացն ու կոծը, հառաչն ու վայր (ՊՄՍ, 89):

Բազմակի անդամները, շաղկապներից բացի, կարող են միավորվել նաև այլ խոսքի մասերով՝ դերանուններով, մակբայներով, որոնք հանդես են գալիս կրկնադիր գործածությամբ: Այսպիսի դեպքերում կրկնվող կապակցական բառը չի շեշտվում, բազմակի անդամներն էլ իրարից տրոհվում են ստորակետերով: Օրինակ՝ ... Որպես երբեմնի մի քաղաքամայր, Որով անցել է տարանցիկ քամին՝ Նո՛ւյն Չինգիզ խանը, Նո՛ւյն Լենկ Թեմուրը, Միննույն թո՛ւրքը (ՊՄ, 31):

Բազմակի անդամները կարող են կապակցվել շարահարությամբ՝ առանց շաղկապի՝ հնչերանգով (գրավոր խոսքում տրոհվում են ստորակետերով):

Շարահարությամբ կապակցված անդամների օրինակ՝ Կյանքը դարձավ հավերժական մի փնտրում – Մութ, անհեթեթ, տարօրինակ կյանքը մեր (ԵՉ, 12):

Երբ նախադասության բազմակի անդամները երկուսից ավելի են, կարող են միավորվել վերոհիշյալ երկու եղանակներով միաժամանակ. նման դեպքերում շղկապը դրվում է հիմնականում վերջին անդամից առաջ:

Օրինակ՝ Ու մեկ էլ հանկարծ Մոցարտն էր գալիս, Գեղեցիկ, ջահել, կայտառ ու խնդուն (ՊՄԱ, 109):

Այսպիսով՝ նախադասության այն անդամները, որոնք կատարում են նույն շարահյուսական պաշտոնը, պատասխանում են նույն հարցին և համասեռ են, կոչվում են բազմակի: Եթե լրացումները բազմակի են, ապա դրանք լրացնում են միևնույն լրացյալին. համաստորադաս լրացումներ են, այսինքն՝ իրենց ընդհանուր լրացյալի նկատմամբ ստորադաս են, իսկ իրար նկատմամբ համադաս: Բազմակի չեն իմաստով մոտիկ, հոմանիշ բառերը, վերլուծական բարդությանները, հարադիր բայերը, ինչպես նաև նախադասության միևնույն բառի կրկնությունը. վերջինս լեզվի պատկերավորման և արտահայտչական միջոցներից մեկն է:

Բազմակի կարող են լինել նախադասության գրեթե բոլոր անդամները՝ թե՛ գերադաս, թե՛ ստորադաս: Իհարկե, բազմակի ենթակաների և բազմակի ստորոգյալների հարցը մի փոքր տարբեր է բազմակի լրացումներից: Եթե բազմակի ենթականեր ունեցող նախադասությունը համարվում է պարզ, ապա մեկից ավելի ստորոգյալներ ունեցող նախադասությունը համարվում է բարդ: Եթե բազմակի են ենթական, գոյականական անդամի լրացումներ հատկացուցիչն ու բացահայտիչը, բայական անդամի լրացումները, ապա դրանք կադապարային նորություն չեն բերում, սակայն որոշչային բազմակիության և ձևի պարագայի դեպքում որոշակի յուրահատկություններ են դրսևորվում. դրանք լինում են բազմակի՝ համասեռ (однородные определения) և տարասեռ՝ անհամասեռ (неоднород-

ные определения): Բազմակի անդամները հանդես են գալիս միասնաբար և նույն շարահյուսական դերով, պատասխանում են նույն հարցին և նույնաբնույթ են, իսկ տարասեռները արտահայտում են տարբեր սեռային հասկացություններ՝ չնայած որ բազմակիների նման պատասխանում են նույն հարցին, լրացում են դառնում նույն անդամին և շարահյուսական նույն պաշտոնն են կատարում: Այսպիսի անդամները չեն կարող միավորվել որևէ շաղկապով կամ էլ գրության մեջ տրոհվել ստորակետով:

Նախադասության բազմակի անդամները կարող են կապակցվել գոդվածով կամ շարահարությամբ, կարող են արտահայտված լինել թե՛ միայն բառերով, թե՛ միայն բառակապակցություններով, թե՛ այս երկուսի զուգակցումով: Ըստ բաղադրիչների քանակի՝ նախադասության բազմակի անդամները կարող են լինել երկանդամ կամ բազմանդամ:

ЛИТЕРАТУРА

1. Արրահամյան Ս., Առաքելյան Վ., Քոսյան Վ. Հայոց լեզու, հ. 2: – Երևան, 1975:
2. Գյուլբունյան Ս. Ժամանակակից հայոց լեզու: – Երևան, 1988:
3. Ճշմարիտյան Շ. Դերբայական դարձվածը արդի հայերենում: – Երևան, 1961:
4. Մխիթարյան Ա. Նույն որոշյալին լրացնող մեկից ավելի բառով և բառակապակցությամբ արտահայտված որոշիչների փոխակերպումը, Լրաբեր հասարակական գիտությունների, 1(624): – Երևան, 2009:
5. Քոսյան Վ. Ժամանակակից հայերենի նախադասության վերլուծության հարցեր: – Երևան, 1976:

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ԱԲ – Ակսել Բակունց Ալլախական մանուշակ: – Երևան, 1969:
2. ԵԶ – Եղիշե Չարենց, Երկեր: – Երևան, 1954:
3. Շ – Շիրվանզադե, Պատմվածքներ: – Երևան, 1986:

4. ՊՍ – Պարույր Սևակ, Եղիցի լույս: – Երևան, 1992:
5. ՊՍԱ – Պարույր Սևակ, Անլռելի զանգակատուն: – Երևան, 1966:
6. ՊՍԵ – Պարույր Սևակ, Երկերի ժողովածու, հ. 2: – Երևան, 1972:

ՆԱԽԱԴԱՍՈՒԹՅԱՆ ԲԱԶՄԱԿԻ ԱՆԴԱՄՆԵՐԻ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՁ

Ա.Մ. Մխիթարյան

mkhitaryanarmenuhi@mail.ru

*Բ.գ.թ., Խաչատուր Աբովյանի անվան
Հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի
մայրենիի և նրա դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի դոցենտ,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Նաշադասության այն անդամները, որոնք կատարում են նույն շարահյուսական պաշտոնը, պատասխանում են նույն հարցին և համասեռ են, կոչվում են բազմակի: Բազմակի կարող են լինել նաշադասության գրեթե բոլոր անդամները՝ թե գերադաս և թե ստուկադաս: Բազմակի գերադաս անդամների հարցը յուրահատկություն է դրսևորում: Նախադասության բազմակի անդամները կարող են կապակցվել զոդվածով, կամ շարահարությամբ, կարող են արտահայտված լինել թե միայն բառերով, թե միայն բառակապակցություններով, թե այս երկու զուգակցումով: Ըստ բաղադրիչների քանակի՝ նախադասության բազմակի անդամները կարող են լինել երկանդամ կամ բազմանդամ:

Բանալի բառեր՝ բազմակի անդամներ, համասեռ, տարասեռ, գլխավոր անդամներ, լրացումներ:

THE QUESTION OF HOMOGENEOUS MEMBERS OF A SENTENCE

A. Mkhitaryan

mkhitaryanarmenuhi@mail.ru

*PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Native Language and Methods of its Teaching
Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

Those sentence members that perform the same syntactic function, answer the same question, and are homogeneous, are called homogeneous sentence members. Almost all parts of a sentence can be homogeneous – both content and function words. The question of homogeneous content parts of a sentence is specific. Homogeneous parts of a sentence can be connected in various ways, can be expressed either by separate words, or by phrases, or by words and phrases at the same time. By the number of components, homogeneous parts of a sentence can be binary or be represented by a large number of elements.

Keywords: homogeneous sentence parts, homogeneous, heterogeneous, main terms, objects.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 17 октября 2020 г.,
подписана к печати в номер 6 (10) / 2020 – 21.11.2020 г.*

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

Главный редактор

Саркисян И.Р. – д.п.н., профессор, академик Академии образования Великобритании, действительный член Академии образования и воспитания РФ; профессор кафедры русского и славянских языков Государственного университета им. В.Я. Брюсова; профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ).

Составитель, технический редактор, вёрстка и дизайн

Акопян А.С. – ст. преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ).

Корректоры:

Акопян А.С., Мхитарян А.М., Мурадян К.Г., Акопян В.В.

ORCID: 0000-0001-9263-6791

Адрес Редакции научных изданий
Филиала Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова в г. Ереване:
0025 РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17
тел.: (+374 11) 900 110, (внутр. 101, 102)
e-mail: po@msu.am

Заказ № 12

Подписано к печати – 25.11.2020 г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем – 12,6 печ. л. Тираж 250 экз.